

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 17 • № 2 • 2025 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кошкин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель президента Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Зягельская И.Д. — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Технический редактор

Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 17 • No. 2 • SPRING • 2025

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Leading Research Fellow at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

Technical Editor

Bogdan A. Avdeev

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)

Периодичность —
четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов,
факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 23.07.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,5.

Уч.-изд. л. 11,6. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 13110. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original research papers, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СОДЕРЖАНИЕ

История международных отношений и внешней политики

Румянцев В.П. Война чужими руками: англо-египетское противостояние в Южной Аравии, 1955–1964 гг. 9

Тема в фокусе: новая администрация Д. Трампа

Александрия О.М., Савельев А.Г. Новая администрация Д. Трампа и проблемы преемственности стратегического планирования США 48

Батюк В.И. Вступая в 2025 г.: перспективы российско-американских отношений в оценках и прогнозах американских экспертов . 87

Арктика — зона конфликта?

Конышев В.Н., Лагутина М.Л., Сергунин А.А. Международное арктическое сотрудничество в эпоху глобальной нестабильности: проблемы и перспективы 113

Международная безопасность

Шестакова С.С. Переговоры по иранской ядерной программе: феномен СВПД, современное состояние и перспективы развития 145

Иностранная помощь

Мендагазиев А.Е. Политика ведущих западных стран как доноров инвестиций и помощи развитию в Центральной Азии: логика восприятия и митигации рисков 177

Научные обзоры и рецензии

Белинский А.В. Вглядываясь в бездну. *Рецензия на монографию Р. Овери «Почему война?»* 208

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

CONTENTS

History of International Relations and Foreign Politics

- Rumyantsev V.P. Proxy War: The Anglo-Egyptian Confrontation in South Arabia, 1955–1964 9

Focal Point: A New Trump Administration

- Aleksandriya O.M., Savelyev A.G. Donald Trump’s New Administration and Continuity in U.S. Strategic Planning 48
- Batyuk V.I. Entering 2025: U.S.–Russian Relations in the Estimates and Forecasts of American Experts 87

The Arctic — A Zone of Conflict?

- Konyshchev V.N., Lagutina M.L., Sergunin A.A. International Arctic Cooperation in the Era of Global Instability: Challenges and Prospects 113

International Security

- Shestakova S.S. Negotiations on the Iranian Nuclear Program: Phenomenon of the JCPOA, Current Status, and Prospects 145

Foreign Assistance

- Mendagaziev A.E. Leading Western Countries as Investment and Development Assistance Providers in Central Asia: Logic of Risk Perception and Mitigation 177

Review Essays and Book Reviews

- Belinsky A.V. Peering into the Abyss. *Book Review of ‘Why War?’ by R. Overy* 208

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-9-47

Научная статья / Research paper

В.П. Румянцев*

ВОЙНА ЧУЖИМИ РУКАМИ: АНГЛО-ЕГИПЕТСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ЮЖНОЙ АРАВИИ, 1955–1964 ГГ.

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, Томск, пр-т Ленина, 36*

В истории соперничества региональных и внерегиональных игроков в Южной Аравии особняком стоят взаимоотношения Соединенного Королевства и Египта. Качественно новое звучание англо-египетское противостояние приобрело в 1960-е годы на фоне гражданской войны в Йемене, став одним из первых примеров так называемых прокси-войн на Ближнем Востоке. В первом разделе статьи рассмотрен исторический контекст англо-египетского соперничества в регионе, а также выявлены его непосредственные участники в лице независимого от Великобритании Йеменского Королевства, английских протекторатов Аравийского полуострова и находившейся под властью британской короны колонии Аден. Отмечается, что после прихода к власти в Египте Г.А. Насера, активно продвигавшего идею панарабизма, Великобритании стало сложнее удерживать позиции в регионе. Во втором разделе проанализированы противоречивые установки и подходы британских элит к реагированию на усиление арабского национализма в Южной Аравии после провала Суэцкой операции. С одной стороны, Соединенное Королевство было не готово к ведению полноценных военных действий в регионе, не желая окончательно подорвать свою репутацию в арабском мире. С другой стороны, британские политики были одержимы подозрениями в отношении экспансионистских планов Г.А. Насера и стремились продемонстрировать

* *Румянцев Владимир Петрович* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета (e-mail: rumv@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0048-0545).

ему и всему миру готовность отстаивать свои интересы. Как показывает автор, в 1956–1958 гг. Соединенное Королевство ограничивалось организацией рейдов преданных британской короне племен на территорию Йеменского Королевства и нанесением точечных ударов по территории подконтрольных ей протекторатов. В третьем разделе показана эволюция британского подхода к ведению боевых действий в Южной Аравии: от локальных «актов возмездия» к своего рода гибридной войне с Египтом уже на территории Йеменской Республики, провозглашенной в 1962 г. Автор отмечает, что к более решительным действиям по поддержке йеменских роялистов кабинет Г. Макмиллана подталкивали не только быстро менявшиеся события в регионе и активизация арабских националистов, но и усиливавшаяся критика политического курса Консервативной партии, которая исходила от части ее членов в лице «Аденской группы» и оппозиции. Делается вывод, что переход к тактике прокси-войны был осознанным шагом британского руководства, который стал результатом осмысления неудачного опыта Суэцкого кризиса и в то же время проявлением инерции имперского мышления. Вместе с тем, хотя эта тактика не позволила Соединенному Королевству сохранить доступ к Адену и урегулировать йеменский конфликт в свою пользу, опыт прокси-войны в Южной Аравии оказался востребованным и в XXI в.

Ключевые слова: прокси-война, Великобритания, Британская империя, Египет, Аден, Южная Аравия, Йемен, Аравийский полуостров, деколонизация, Г.А. Насер, Г. Макмиллан

Для цитирования: Румянцев В.П. Война чужими руками: англо-египетское противостояние в Южной Аравии, 1955–1964 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 2. С. 9–47. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-9-47.

Vladimir P. Rumyantsev

**PROXY WAR:
THE ANGLO-EGYPTIAN CONFRONTATION
IN SOUTH ARABIA, 1955–1964**

*National Research Tomsk State University
36, Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050*

In the history of rivalry between regional and extra-regional players in South Arabia, the relationship between the United Kingdom and Egypt holds a special

place. In the 1960s, the Anglo-Egyptian struggle acquired a qualitatively new dimension against the backdrop of the Yemeni civil war, providing one of the first examples of the so-called proxy wars in the Middle East. The first section of the article considers the origins of the Anglo-Egyptian rivalry in the region and identifies its immediate participants, namely, the Kingdom of Yemen, independent from Great Britain, the British protectorates of the Arabian Peninsula, and the Crown Colony of Aden. The author notes that after G.A. Nasser, a major proponent of the pan-Arabism ideology, came to power in Egypt, it became particularly challenging for Britain to maintain its position in the region. The second section examines the British elites' conflicting attitudes and approaches to responding to the rise of Arab nationalism in South Arabia after the failure of the Suez operation. On the one hand, the United Kingdom was unprepared to engage in full-scale military operations in the region, which was fraught with the risk of a complete loss of its authority in the Arab world. On the other hand, British politicians were obsessed with suspicions regarding Nasser's expansionist plans and sought to demonstrate him and the world their readiness to protect their interests. The author shows that between 1956 and 1958 the United Kingdom confined itself to organizing raids by tribes loyal to the British Crown, into the Kingdom of Yemen and delivering surgical strikes in areas controlled by its protectorates. The third section traces the evolution of the British approach to military engagement in South Arabia: from localized 'retaliatory strikes' to a sort of hybrid warfare with Egypt in the territory of the Yemeni Republic, proclaimed in 1962. The author notes that Harold Macmillan's cabinet was pushed toward stronger support for Yemeni royalists not only by rapidly unfolding regional developments and the growing fervor of Arab nationalists but also by mounting criticism of the Conservative Party's policies from within—namely, the 'Aden Group' and the opposition. The article concludes that the shift to proxy warfare tactics was a deliberate step by the British leadership, shaped by both the lessons of the Suez debacle and the inertia of imperial thinking. Although this tactic did not allow the United Kingdom to retain access to Aden or resolve the Yemeni conflict in its favor, the experience of proxy warfare in South Arabia remains relevant even in the 21st century.

Keywords: proxy war, Great Britain, British Empire, Egypt, Aden, South Arabia, Yemen, Arabian Peninsula, decolonization, Gamal Abdel Nasser, Harold Macmillan

About the author: *Vladimir P. Rummyantsev* — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of Oriental Studies, National Research Tomsk State University (e-mail: rumv@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0048-0545).

For citation: Rumyantsev V.P. 2025. Proxy war: The Anglo-Egyptian confrontation in South Arabia, 1955–1964. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 9–47. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-9-47. (In Russ.)

Великобритания, Египет и Южная Аравия: к постановке проблемы

Античные авторы называли территорию юго-западной части Аравийского полуострова Arabia felix — «счастливая Аравия». Столь многообещающее название появилось благодаря плодородным землям побережья Красного моря. Сейчас, спустя два тысячелетия, вряд ли кто-то сможет назвать эту территорию счастливой. Здесь царят бесконечные войны, межклановая и межгосударственная борьба за власть, социальная и религиозная вражда. Усугубляют местные противоречия неутихающие попытки внешних сил установить здесь свой порядок.

В истории противостояния региональных и внерегиональных игроков в Южной Аравии особняком стоят взаимоотношения Соединенного Королевства и Египта. Как указывает гарвардский историк Ашер Оркаби, англо-египетское соперничество за влияние в этом регионе насчитывало не один десяток лет, если брать за точку отсчета военные экспедиции в Аравию в 1813–1838 гг. египетского паши Мухаммеда Али. Кульминацию этого соперничества А. Оркаби справедливо видит в гражданской войне в Йемене в 1962–1968 гг., в которую оказались вовлечены Каир и Лондон [Orkaby, 2015: 195–197].

Соперничество Великобритании и Египта в Южной Аравии нарастало со второй половины 1950-х годов. В зарубежной историографии распространенным подходом является попытка изучения данного антагонизма в контексте деколонизации Британской империи и стремления консервативных правительств Соединенного Королевства сохранить свое влияние на некогда подконтрольных ему территориях [Roucek, 1968; Douglas, 2002; James, 2021]. Профессор Королевского колледжа Лондона Саки Докрилл подчеркивала, что в начале 1960-х годов британское руководство искало более экономичные методы поддержания своих глобальных интересов, но при этом и консерваторы, и сменившие их в 1964 г. лейбористы были твердо намерены сохранять влияние короны на Ближнем

Востоке [Dockrill, 2002]. Разница в их подходах заключалась в том, что тори в значительной мере рассчитывали на использование военной силы, а лейбористы больше полагались на дипломатические и экономические меры противодействия арабскому национализму [Petersen, 2010].

Столкновение Великобритании с силами арабского национализма нередко рассматривается в русле цивилизационного подхода. Одним из первых этот подход стал разрабатывать американский исследователь Бернард Льюис, считавший, что неприятие политики Запада в арабском мире было продиктовано разностью политических культур [Lewis, 1964: 134–136]. Развивая известную концепцию Эдварда Саида об ориентализме западных взглядов на мир Востока, американский исследователь Дуглас Литтл предлагал искать корни проблем в недостаточном опыте взаимодействий политических элит стран Европы и Северной Америки с арабскими силами, в их заикленности на универсальных методах управления государством [Little, 2002]. При этом другой американский автор, Салим Якуб, считает, что говорить о конфликте политических культур в период 1950–1960-х годов не совсем верно, поскольку, например, американо-египетские отношения развивались в рамках системы практически одинаковых моральных ценностей [Yaqub, 2004: 272].

Последнее утверждение спорно. Оно не учитывает многовековой уклад традиций принятия политических решений на Арабском Востоке. Неслучайно в зарубежных и отечественных академических кругах возникла дискуссия об адекватности понимания в Вашингтоне и Лондоне характера вызовов, исходящих из региона [Von Bismarck, 2013]. В критических работах британского историка Саймона Смита прослеживается мысль о том, что над правящими элитами Соединенного Королевства довели как инерция имперской политики, так и необходимость сохранения англо-американской связки для решения собственных глобальных задач [Smith, 2017]. Этот же тезис нашел отражение в работах отечественного исследователя М.Я. Пелипаса, который считал, что многие проблемы международных отношений в Ближневосточном регионе возникали из-за непонимания западными странами того, что государства так называемого третьего мира уже не желали довольствоваться ролью объектов политики великих держав, всё более настойчиво выступая как субъекты международной дипломатии [Пелипас, 2003: 342–343]. Норвежский исследователь Туре Петерсен выдвигает

нул гипотезу о наличии некоего «англо-американского Ближнего Востока», характерной чертой которого было общее понимание в Вашингтоне и Лондоне ключевых целей и задач, в том числе, например, противостояния арабскому национализму Гамала Абделя Насера [Petersen, 2006]. Вместе с тем ряд авторов ставят под сомнение наличие солидаризированного подхода США и Великобритании к Ближневосточному региону, полагая, что расхождения между трансатлантическими партнерами принимали порой формат серьезных споров, впрочем, всегда улаживаемых сторонами [Уразов, 2011, 2019; Ovendale, 1996; Pearson, 2010].

На самом деле, в американо-британских отношениях на Ближнем Востоке редко возникало полное совпадение позиций. Эти отношения состояли как из общих усилий, так и споров, сочетали взаимопонимание и разночтения, сплоченность и взаимные упреки. Одним из таких непростых периодов в американо-британских отношениях стала гражданская война в Йемене, начавшаяся в 1962 г. Египет стал оказывать военную помощь республиканскому режиму в Сане, Великобритания предпочла поддержать лагерь роялистов. В отличие от Вашингтона, не без колебаний, но всё-таки признавшего новые власти в Сане, Лондон так и не решился на этот шаг, что, по мнению британских исследователей Тиа Калли и Стива Марша, было обусловлено боязнью правительства консерваторов уронить свой престиж в монархических государствах Аравии [Culley, Marsh, 2019: 351]. В действительности среди причин непризнания Йеменской Арабской Республики (ЙАР) со стороны Соединенного Королевства важное место занимало стремление любой ценой сохранить контроль над военной базой в колонии Аден, а не только соображения престижа.

Безусловно, Великобритании приходилось лавировать между своими колониальными интересами и интересами своих союзников в регионе. Трудности Лондона в странах Арабского Востока американский исследователь Фаваз Гергес объяснял отторжением арабскими государствами императивов холодной войны, навязываемых Западом [Gerges, 1994: 128]. Такая позиция нуждается в корректировке. Египет, например, довольно успешно использовал в своих целях американо-советское противостояние. На эту тактику Каира указывал, в частности, израильский исследователь Джесси Феррис, который обращал внимание на то, что именно усиление советско-египетского сотрудничества помогло Египту осуществить и поддер-

живать в течение нескольких лет десантную операцию в Йемене за 2 тыс. км от своей территории [Ferris, 2008: 35–36].

Египет искусно играл на противоречиях советского и американского блоков, реализуя при этом собственные цели в регионе. В этом плане его политика, как считает другой американский исследователь, Мэтью Холланд, была в каком-то смысле продолжением опыта Оттоманской империи в период обострений «Восточного вопроса». А главный урок взаимоотношений Запада с Египтом сводится к тому, что ни одна держава не может добиться абсолютного контроля над Ближневосточным регионом [Holland, 1996: 173]. Политические амбиции египетского лидера Г.А. Насера в конечном счете привели к тому, что Йемен и его южноаравийские соседи превратились в «котел, в котором кипели революционные, националистические, имперские интересы и интересы многих игроков времен холодной войны» [Fain, 2001: 147]. И в самом деле, вмешательство Каира в дела ЙАР серьезным образом запутало ситуацию в Южной Аравии, но нужно учитывать и активные действия Великобритании на территории Йеменской Республики.

В зарубежной же историографии распространено стремление возложить всю ответственность за обострение ситуации в Южной Аравии на египетское руководство [Clark, 2010]. Так, Джонатан Уолкер утверждает, что поддержка Г.А. Насером революции в Северном Йемене была свидетельством его планов объединения этой йеменской территории с остальной частью Южной Аравии с конечной целью включения этого государства в состав Объединенной Арабской Республики [Walker, 2014]. Наличие таких далеко идущих планов у официального Каира признают отнюдь не все исследователи [Примаков, 2006: 109]. Во многом Г.А. Насер действовал под влиянием обстоятельств и собственного выбора в пользу сложной программы, апеллировавшей к египетскому национализму, пан-арабским и частично исламским идентичностям [Звягельская, 2024: 65]. Представления о нем как о «сером кардинале» ближневосточной политики, незримо стоявшем едва ли не за всеми событиями политической жизни Арабского Востока [Mansfield, 1965; Torrey, 1965; McNamara, 2004], требуют уточнений и корректировки. Отчасти этот процесс уже происходит в зарубежной историографии [Ashton, 1996; Orkaby, 2017; Blumi, 2018], но особенно заметен он применительно к теме взаимоотношений египетских спецслужб со своими региональными и внерегиональными соперниками.

История тайных операций на территории Южной Аравии становится уже отдельным направлением исследований. Начало этому процессу положил британский историк Стивен Доррил, который в своем объемном труде, посвященном разведывательной службе Ми-6, затронул тему переброски оружия роялистским повстанцам в Йемене [Dorril, 2002: 684]. Одним из «пионеров» этого направления стал исследователь из Университета Ноттингема Спенсер Моуби. Он доказывал, что ради защиты своих интересов в Южной Аравии британское руководство было готово использовать какие угодно средства, включая те, о которых не принято было говорить публично [Mawby, 2002: 105, 126]. Эту тему в дальнейшем подхватил профессор Даремского университета Клайв Джонс, исследовавший практику использования Лондоном частных военных компаний [Jones, 2004]. Не остаются в стороне от этой проблематики и отечественные авторы. Так, М.А. Небольсина считает гражданскую войну в Йемене «своеобразной точкой отсчета в истории современного наемничества» [Небольсина, 2019: 66].

В данной статье предпринята попытка на основе британских архивных документов рассмотреть соперничество за влияние на юге Аравийского полуострова между Великобританией и Египтом как один из первых примеров прокси-войны (войны чужими руками) в Ближневосточном регионе, что определяет новизну данного исследования. Американский политолог Карл Дейч дал определение прокси-войны, под которой он понимал «международный конфликт между двумя державами, происходящий на территории третьей страны; под прикрытием решения внутреннего конфликта в этой стране; и использующий людскую силу, ресурсы и территорию этой страны в качестве средства для достижения собственных внешнеполитических целей» [цит. по: Mumford, 2013: 40]. В отсутствие прямого боевого столкновения можно говорить о том, что Лондон через вооруженные формирования преданных британской короне протекторатов и йеменских роялистов, а Каир — посредством регулярной армии ЙАР вели такой конфликт друг с другом за определяющее влияние в Южной Аравии.

Актуальность такого подхода объясняется возрастающей ролью прокси-войн в XXI в. Некоторые ученые даже говорят о том, что войны чужими руками станут основным видом вооруженных конфликтов XXI столетия [Mumford, 2013]. В таком случае имеет смысл

внимательно посмотреть на то, как подобного рода конфликты развивались в прошлом, какие имели формы и последствия.

Цель данной работы — выявление специфики противостояния Великобритании и Египта в Южной Аравии во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов в контексте ведения опосредованной войны между двумя этими государствами. Для достижения этой цели использован системно-исторический метод, который позволил рассмотреть переход правительств консерваторов к практике прокси-войны с Египтом как целостную проблему, включающую аспекты деколонизации Британской империи на Аравийском полуострове в увязке с решением задач как внутренней политики Консервативной партии, так и регионального соперничества с Египтом.

Предыстория англо-египетского противостояния в Южной Аравии (1839–1955)

Уже в первой половине XIX в. ситуация на юге Аравии напоминала войну всех против всех. Местные многочисленные султаны и эмиры противостояли друг другу и пытались отбить натиск на свои земли Османской империи и йеменских имамов, стремившихся получить контроль над всем побережьем полуострова. Не упростило ситуацию появление на юге Аравии в 1839 г. британской колонии Аден, расположенной в живописной бухте, которая образовалась в жерле потухшего вулкана. Эта колония стала важным форпостом в деле обороны Британской империи, связующим звеном между владениями короны в Африке и Индией. С повсеместным распространением пароходного сообщения значение Адена для Великобритании стало еще весомее. Колония превратилась в крупнейший склад для хранения и погрузки угля, а также центр поставки высококачественных кофейных зерен.

В том же 1839 г. в борьбу за влияние в Аравии вступил Египет, которым тогда правил османский наместник М. Али. Его армия стремительно продвигалась к югу Аравии, и Британии пришлось принять энергичные меры по защите Адена. Формально присутствие англичан здесь объяснялось необходимостью защиты торговых интересов короны, но настоящая задача колонии заключалась в сдерживании египетского и любого другого, т. е. небританского, экспансионизма [Pieragostoni, 1991: 21]. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что история англо-египетского противо-

стояния в Южной Аравии началась еще в 1839 г. Первый его раунд остался за англичанами. В 1882 г. Египет фактически превратился в британский протекторат, что привело к паузе в конфликте между Лондоном и Каиром в Южной Аравии. Один из наиболее принципиальных британских противников М. Али, министр иностранных дел, а впоследствии и премьер-министр Генри Джон Темпл, виконт Пальмерстон, сформулировал кредо политики Лондона в отношении Египта, которое, на самом деле, можно считать кредо всей ближневосточной политики Туманного Альбиона: «Британия не претендует на Египет и желает его для себя не больше, чем какой-либо человек, у которого есть, скажем, поместье на севере Англии и квартира в Лондоне, хотел бы владеть всеми гостиницами на Великой северной дороге. Всё, что такому человеку нужно, — это чтобы гостиницы там были, и являлись достаточно эффективными, и готовы были снабжать его бараньими отбивными и почтовыми лошадьми в любое время» [цит. по: Culley, Marsh, 2019: 340]. Знаменитый британский политик явно недоговаривал. Всеми «гостиницами» Великобритания владеть не собиралась, но наиболее доходными и важными — почему бы и нет? К их числу смело можно было отнести и территорию, граничившую с Аденом.

Во второй половине XIX в. Лондон воспользовался вакуумом силы, образовавшимся в регионе, чтобы подписать договоры о протекторате с лидерами ключевых племен, мелких султанатов и шейхств, опоясывавших Аден со стороны суши. К Первой мировой войне конфигурация сил в юго-западной части Аравии была такова: на самом юге располагалась британская колония Аден, к северу от нее буферной зоной выступали британские протектораты местных султанов и эмиров, а севернее их, примерно в 130 км от Адена, уже начинались территории, находившиеся под контролем Стамбула. На землях Османской империи после ее распада в 1918 г. было образовано Йеменское Королевство. Территориально оно соответствовало северной части современного Йемена, южная же часть находилась под контролем Лондона. Несмотря на то что в 1934 г. между Великобританией и Йеменским Королевством был подписан договор, по которому король-имам Йемена признавал систему британских протекторатов на юге Аравии, на деле ни йеменские власти, ни вожди местных племен в протекторатах не признавали существовавшие границы. Имамы Йемена не скрывали своих претензий на всю территорию Южной Аравии, что создавало угрозу британским интересам.

В период Второй мировой войны противостояние Великобритании, Йеменского Королевства, националистически настроенных арабов имело латентный характер, но в нем стали появляться новые грани. В 1941 г. в Сану после обучения в Каирском университете вернулся Мухаммад Махмуд аз-Зубайри, йеменский поэт и революционер, сторонник свержения монархии. За критику имамата он был заключен в тюрьму, в 1942 г. освобожден из нее. После тюремного заключения М.М. аз-Зубайри предпочел перебраться в Аден, где в 1944 г. он основал Свободную йеменскую партию. Имам и его окружение воспринимали поэта как едва ли не британского агента, попавшего под влияние либерально настроенных интеллектуалов из Каирского университета, а британские власти в Адене не без оснований подозревали его в антиколониальной деятельности. В революционных поэмах М.М. аз-Зубайри воспевалось единство йеменского народа независимо от того, где проживали его представители — в королевстве, в британских протекторатах или Адене [Caton, 1990: 34].

После окончания Второй мировой войны провокации местных южноаравийских политиков в отношении друг друга стали обычным делом. В 1952 г. по приказу имама Йемена Ахмеда бен Яхья был похищен и брошен в тюрьму султан британского протектората Верхнего Яфаи. Точную причину их конфликта, как это нередко бывает на Востоке, установить непросто. Имам объяснял свой поступок тем, что султан был «дурак и зануда». И только после введения англичанами санкций против Йемена султан был освобожден спустя два месяца после заочения [Mawby, 2002: 111].

После 1952 г. у Великобритании появился новый, а точнее — хорошо знакомый давний соперник в борьбе за влияние в Южной Аравии — Египет, в котором произошла революция, была свергнута монархия и провозглашена республика. Новый египетский лидер Г.А. Насер энергично принялся ослаблять позиции англичан на Арабском Востоке, начав со своей страны. В 1954 г. было подписано соглашение между Лондоном и Каиром об эвакуации британской военной базы в районе Суэцкого канала. Союзником Египта в антибританских действиях стал имам Йемена. Различия в политических взглядах двух арабских лидеров не стали помехой в деле вытеснения ими Великобритании из Ближнего Востока.

Эффективным инструментом Каира в его антибританской политике стала пропаганда. Радиостанция «Голос арабов», вещавшая

из египетской столицы, пользовалась беспрецедентной популярностью на всем Арабском Востоке. Ее эфирная сетка была составлена мастерски: политические передачи чередовались с популярной музыкой, обзоры текущих событий сменялись интервью с экспертами и государственными деятелями. Притягательность радиостанции не обошла стороной и Аден. Британские дипломаты и разведчики многократно указывали на то, что в аденских кофейнях собирались толпы местных жителей, чтобы послушать «Голос арабов». Радиопередачи бурно обсуждались, а действия египетских властей при этом получали одобрение со стороны аудитории [Vaughan, 2002].

С середины 1950-х годов Соединенное Королевство оказалось словно бы между двух огней. С одной стороны, ему пришлось отвечать на вызовы, создаваемые арабским национализмом в лице Г.А. Насера и его сторонников. С другой стороны, на него оказывали давление консервативные монархи протекторатов Аравийского полуострова, граничивших с Аденом, которые настаивали на военной и финансовой помощи для борьбы в йеменском приграничье с племенами, лояльными Сане. Губернатор Адена в 1951–1956 гг. Том Хикенботтэм признавал, что султаны и эмиры протекторатов уже не просили, а буквально требовали, чтобы Великобритания обрушила всю мощь своей армии на базы повстанцев, поддерживаемых имамом, в протекторате Бейхан¹. На самом деле, разобраться в том, кто чьим агентом в этой борьбе всех против всех являлся, было практически невозможно. И не исключено, что правители протекторатов под прикрытием борьбы с ирредентистскими замыслами Йемена реализовывали при помощи англичан собственные замыслы.

Великобритания и начало перехода к практике «войны чужими руками» в Южной Аравии, 1955–1962 гг.

В июне 1955 г. в шейхстве Верхняя Ауляки произошел инцидент, когда подконтрольный британцам форт Робат, охраняемый состоявшим из местного населения подразделением Рекрутов протектората Аден (РПА), был захвачен одним из вождей горцев, Али Мавером. Поводом стало случайное, как считалось, убийство тети вождя. Губернатор Т. Хикенботтэм отказался выплачивать компенсацию семье вождя, и тогда А. Мавер объявил восстание против властей Адена, а фактически — против англичан. Несколько месяцев бри-

¹ Hickinbotham T. Aden. London: Constable, 1958. P. 160.

танские войска не могли пробиться к Робату через простреливаемые повстанцами горные тропы. Пришлось проводить полномасштабную военную операцию, развернув серьезную группировку войск в соседней местности под названием Вади Хабиб².

Египетская радиостанция «Голос арабов» преподнесла этот инцидент как победу йеменских повстанцев над англичанами. Это был удар по престижу Великобритании. Получали ли воины А. Мавера оружие из Йемена, доподлинно неизвестно. В горах Южной Аравии вооружен был практически каждый мужчина, и оружие он добывал, скорее всего, контрабандой.

Инцидент в форте Робат важен потому, что он привел к организации рейдов преданных британской короне племен на территорию Йеменского Королевства. Полномочия по организации таких рейдов и поставок для этого лояльным племенным лидерам вооружения были даны Т. Хикенботтэму в июне 1955 г.³ Примечательно, что напрямую британские войска в этих рейдах участия не принимали. Лондон предпочитал не связывать себе руки участием в акциях подобного рода.

Вряд ли захват Робата был частью вдохновленной египетской пропагандой и тем более спланированной при помощи Г.А. Насера операции. Скорее его можно отнести к традиционным для этой местности межклановым разбирательствам. Но чиновники Уайтхолла, склонные, по мнению британского дипломата Чарльза Джонстона, находить Г.А. Насера «под каждой кроватью», были убеждены в наличии связи между волнениями южноаравийских племен, йеменским ирредентизмом и арабским национализмом⁴. При этом никаких доказательств, подтверждавших причастность Египта к инциденту в Робате, не приводилось.

В Министерстве по делам колоний Соединенного Королевства настаивали на том, чтобы нанести авиаудары по приграничным районам Йемена, поскольку «никакая пропаганда не в состоянии заменить собой проявление силы»⁵. За удары с воздуха выступал

² Stewart R. Incident at Wadi Habib (1955) // UK Defence Forum. 12.01.2021. Available at: <https://www.defenceviewpoints.co.uk/military-operations/incident-at-wadi-habib-1955> (accessed: 25.05.2025).

³ The National Archives of the United Kingdom (NAUK). PREM 11/2401. A. Lennox-Boyd to A. Eden, 17 October 1956.

⁴ Johnston Ch. The brink of Jordan. London: Hamish Hamilton, 1972. P. 20.

⁵ NAUK. DEFE 4/98. COS (57). 55th meeting. Minute 1. July 9, 1957.

и новый губернатор Адена Уильям Льюс. Но категорически против было Министерство иностранных дел Великобритании. В Форин оффис считали, что последствия авиаударов будут катастрофическими: «Использование боевой авиации белой расы против цветной будет иметь серьезное влияние на общественное мнение Афро-Азиатского региона и США»⁶.

Необходимо учитывать, что эти дискуссии шли в условиях, когда Великобритания вынуждена была приспособливаться к новым для себя реалиям после фиаско в результате Суэцкого кризиса 1956 г. Этот кризис произошел после национализации Г.А. Насером компании Суэцкого канала и неудачной вооруженной попытки Великобритании совместно с Францией и Израилем вернуть судоходство по каналу под иностранный контроль. Через Суэцкий канал шла значительная доля поставок нефти на британские острова, и блокировка канала египетскими властями во время тройственной агрессии стала болезненным ударом по экономике Соединенного Королевства. В этих условиях для Лондона было важно продемонстрировать всему миру (и арабским странам в первую очередь), что Великобритания способна защищать свои интересы любыми способами, несмотря на провал Суэцкой операции.

Выход из сложившейся ситуации был найден такой: британские войска напрямую в «акциях возмездия» не участвовали, но Соединенное Королевство продолжило снабжение оружием и амуницией лояльные ему племена, которые стали совершать набеги на территорию Йеменского Королевства [Mawby, 2002: 112]. Тем самым были обойдены возражения Форин оффис против авиационных ударов по территории Йемена.

Тем временем внутри Йеменского Королевства с 1957 г. развернулась борьба за власть между королем Ахмедом и его сыном Мухаммедом Аль-Бадром. Последний считался сторонником реформ в обществе и более тесного сближения с Каиром. В этой борьбе победа наследного принца считалась в Лондоне нежелательной [Blumi, 2018: 81–83]. У. Льюс рекомендовал внимательно присмотреться к брату короля Ахмеда, принцу Хасану, как к наилучшей альтернативе М. Аль-Бадру⁷. Британская разведка получала сигналы

⁶ NAUK. CO 1015/1298. W. Luce to A. Lennox-Boyd, January 28, 1957; DEFE 4/95. COS (57). 12th meeting. Minute 2. February 12, 1957.

⁷ NAUK. PREM 11/2401. W. Luce to A. Lennox-Boyd. December 4, 1957.

о контактах кронпринца с Г.А. Насером, целью которых якобы была договоренность о свержении царствовавшего имама и координации усилий по подрыву позиций Соединенного Королевства на юге Аравии [Orkaby, 2015: 199]. Еще большую тревогу в Лондоне стали испытывать после того, как в феврале 1958 г. произошло слияние Египта и Сирии в виде Объединенной Арабской Республики (ОАР). Интерес к вступлению в нее проявил и Йемен.

Одержимость правящей верхушки британской Консервативной партии задачей сдерживания Г.А. Насера напоминала порой вид паранойи. Премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан регулярно проводил параллели между действиями египетского лидера и гитлеровской Германией. Политику Каира он в своем дневнике квалифицировал как «смесь коммунизма и арабского национализма»⁸. Явно завышая степень влияния Москвы на взгляды и действия Г.А. Насера, в Лондоне не сомневались в том, что попытки Египта подорвать влияние Великобритании в арабском мире предпринимались с одобрения СССР. Эти опасения лишь усилились, когда с конца 1950-х годов участились случаи нападения на британских колониальных чиновников и военных в Адене и в протекторатах. Едва ли не за каждым новым терактом британские власти усматривали теперь «руку Каира». Отвечать на эти инциденты Лондон собирался максимально жестко. Губернатор У. Льюс смог в конце концов убедить правительство использовать удары с воздуха в качестве ответных мер на очередной теракт.

О том, как происходили эти «акции возмездия» в июне 1958 г., свидетельствуют воспоминания пилота истребителя «Веном Марк IV» Колина Ричардсона: «Взорвалась бомба в одном из ресторанов порта [Адена], который часто посещали наши военные. Ребята из разведки узнали, чьих рук это дело. Это был парень по имени Мохаммед Айдрус, который жил около Аль-Кары в султанате Нижний Яфаи. У него там был великолепный дом в нескольких сотнях ярдов к северу от города. <...> И однажды днем были сброшены из “Веномов” листовки с предупреждением всем покинуть дом до завтрашнего утра, поскольку его разрушат. Первый самолет прибыл к 7 утра, и мы продолжали обстрел этого дома ракетами примерно до обеда, пока не развалили его совсем. В этом нам помогли сдетонировавшие

⁸Harold Macmillan Papers. Diaries. Oxford. The Bodleian Library. MSS. Macmillan. Second Series. dep. d. 31. May 13, 1958.

боеприпасы, которые хранились в доме. А в последующие дни мы разрушили еще несколько домов его друзей, помогавших ему» [цит. по: Hinchcliffe et al., 2006: 188].

Заметим, что Великобритания наносила удары с воздуха не по территории Йемена, а в подконтрольных ей протекторатах, что хоть как-то должно было парировать возможные обвинения в агрессии в ее адрес. Удары с воздуха и рейды преданных британской короне племен имели задачу как минимум заставить короля Ахмеда прекратить попытки вмешательства в дела протекторатов, а как максимум — сместить самого йеменского монарха.

Подозрения Соединенного Королевства в отношении экспансионистских замыслов Г.А. Насера только лишь усилились, когда 14 июля 1958 г. иракская армия произвела государственный переворот в Багдаде, свергнув короля Фейсала II. Часть иракских офицеров открыто симпатизировали Г.А. Насеру. Ведущие страны НАТО пока не располагали сколько-нибудь достоверной информацией об инициаторах государственного переворота в Багдаде и их планах и подозревали, что за событиями в Ираке стояли спецслужбы или Советского Союза, или ОАР⁹. Характерную для западных стран реакцию продемонстрировали Соединенные Штаты. Как с горечью констатировал президент США Дуайт Эйзенхауэр, получив известия о событиях в Багдаде, если западные страны никак не отреагируют на события в Ираке, «Насер захватит весь регион»¹⁰. Для того чтобы предотвратить падение режимов в Бейруте и Аммане, Лондон и Вашингтон осуществили высадку десанта — американского в Ливане и британского в Иордании. Эта демонстрация силы должна была доказать решимость ведущих стран НАТО поддерживать своих союзников в регионе.

На первый взгляд казалось, что подозрения западных стран о наличии экспансионистских планов Каира, в том числе в отношении Южной Аравии, имели некоторые основания. Например, вскоре после создания египетско-сирийского государства имам Йемена А. Яхья во всеуслышание заявил о готовности его страны вступить в состав ОАР. Можно предположить, что его заявление было вызвано скорее пропагандистскими соображениями, чем реальными намере-

⁹ Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. XI: Lebanon and Jordan / Ed. by J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1992. P. 209–210.

¹⁰ Ibidem.

ниями. Король Ахмед, очевидно, и сам стал всё больше беспокоиться по поводу роста влияния Г.А. Насера на Аравийском полуострове. Из Йеменского Королевства была выслана египетская военная миссия, находившаяся здесь для обмена опытом. После 1958 г. имам заметно понизил уровень своих отношений с Каиром, чем, возможно, спас себя от свержения поддерживаемыми Великобританией племенами, но взамен получил непримиримого врага в лице лидера ОАР.

Революционные настроения затронули и британские протектораты юга Аравии. В 1958 г. часть правителей протекторатов выступили за полную независимость от Лондона и объединение всей Южной Аравии в единое государство [Holt, 2004: 95]. Британские власти вынуждены были реагировать на эти действия. Они разработали план одновременного создания федерации протекторатов и предоставления некоторой доли самоуправления колонии. В 1959 г. шесть государств, находившихся под британским протекторатом (Бейхан, Аудхали, Эль-Фадли, Эд-Дали, Верхняя Ауляки и Нижняя Яфай), образовали Федерацию арабских эмиратов Юга (ФАЭЮ). Позже в нее вступили Лахедж, Нижняя Ауляки, Датина и Эль-Акариб. Правитель каждого из этих государств назначал шесть членов в общий Федеральный совет. В январе 1959 г. британские колониальные власти предложили Адену конституцию, предусматривавшую выборы в Законодательный и Исполнительный советы, компетенция которых ограничивалась второстепенными вопросами жизнедеятельности колонии. Внешняя политика, оборона, внутренняя безопасность и гражданские службы оставались прерогативой колониальных властей¹¹. Позже федерация протекторатов была переименована в Федерацию Южной Аравии (ФЮА). Это должно было усилить ее привлекательность для арабского населения Адена.

Неслучайно на протяжении нескольких лет после революции в Ираке было снижено и количество операций британских спецслужб на территории протекторатов, граничивших с Йеменом. Отход Саны от риторики арабского национализма в 1959–1961 гг. и отказ от начатого сближения с Каиром устраивали Великобританию, но беспокоили Г.А. Насера. Особенно это беспокойство возросло после того, как в 1961 г. Сирия вышла из состава ОАР, нанеся тем самым

¹¹ British Documents on the End of Empire (BDEE). Series A. Vol. 4: The conservative government and the end of empire, 1957–1964. Part I: High policy, political and constitutional change. London: The Stationary Office, 2000. P. 596.

удар по репутации Г.А. Насера как общеарабского лидера. Тем не менее официальное название Египта оставалось прежним — Объединенная Арабская Республика. Взоры ее лидера обратились к другим частям Арабского Востока. Новый губернатор Адена Ч. Джонстон сигнализировал о растущих амбициях Г.А. Насера в отношении Южной Аравии. В начале 1962 г. итальянский дипломат Амадео Джиллет, который пользовался особым доверием у короля Ахмеда, сообщил Ч. Джонстону, что согласно его источникам Египет разрабатывал серию подрывных операций в Саудовской Аравии и Йемене в целях ослабления позиций западных стран. По сведениям А. Джиллета, во время встречи лидеров Лиги арабских государств в 1961 г. Г.А. Насер обмолвился, что вскоре египетское консульство будет открыто в Адене¹².

К этому времени Аден стал одним из краеугольных камней глобальной стратегии Великобритании, чем-то вроде колонии-крепости. Британские войска уже были выведены из Палестины, Египта, Иордании, и в Адене оставалась единственная крупная британская военная база на Ближнем Востоке. Она не только позволяла Лондону осуществлять в случае необходимости вмешательство в дела монархий Персидского залива, но и являлась важным, едва ли не главным звеном в цепи военных объектов Соединенного Королевства от Восточной Африки до Юго-Восточной Азии. Именно отсюда Великобритания осуществила летом 1961 г. переброску своих войск в Кувейт, когда возникла эвентуальная угроза захвата этого эмирата Ираком. Как и в случае с Иорданией несколькими годами ранее, данная военная операция стала демонстрацией британской силы. Риски реального столкновения с иракской армией практически были минимальны¹³.

Египет, Великобритания и гражданская война в Йемене, 1962–1964 гг.

19 сентября 1962 г. король Ахмед умер. Новым монархом Йемена стал М. Аль-Бадр, но царствовать ему довелось совсем недолго. В ночь с 26 на 27 сентября королевская гвардия во главе с полковником Абдуллой ас-Салялем совершила государственный переворот. Йемен был провозглашен республикой. Часть племен не признали

¹² NAUK. CO 1015/2150. C. Johnston to R. Maudling. January 6, 1962.

¹³ NAUK. PREM 11/3428. F. Bishop to H. Macmillan. July 3, 1961.

новую власть, сохранив верность бежавшему из столицы М. Аль-Бадру, и в Йемене вскоре разгорелась гражданская война.

События в Южной Аравии напоминали какой-то политический калейдоскоп, в котором картинка менялась с такой скоростью, что британской правящей элите приходилось приспосабливаться каждый раз к новым условиям, не успев еще привыкнуть к старым. Перемены в Йемене произошли весьма некстати с точки зрения как внешней, так и внутренней политики британских консерваторов. Наступала развязка Карибского кризиса, приковывавшая внимание главного союзника Великобритании — Соединенных Штатов. Внутри страны консерваторы стали терять поддержку населения. Причиной было недовольство экономической политикой правительства Г. Макмиллана. Задержки выплат заработной платы, рост цен и высокие налоги привели к падению популярности правящей партии [Lamb, 1995: 444]. На дополнительных выборах в парламент в марте 1962 г. Консервативная партия проиграла в нескольких округах. Особенно болезненным стало поражение в округе Орлингтон, прежде всегда голосовавшем за консерваторов и граничившем с округом Бромли в графстве Кент, от которого избирался сам Г. Макмиллан.

Стремясь восстановить контроль над партией, премьер-министр осуществил резкую смену ряда ключевых министров 13 июля 1962 г., уволив треть членов своего кабинета. Это событие, получившее в британской прессе название «Ночь длинных ножей», нанесло урон престижу Г. Макмиллана. Внутри партии премьер-министра критиковали за неоправданную резкость перестановок [Thomas, 1998: 17]. Критика накладывалась на недовольство внешней политикой правительства, которое высказывали некоторые члены Консервативной партии из числа так называемых заднескамеечников.

Помимо прочего эту внутрипартийную оппозицию раздражала политика официального Лондона в Южной Аравии. Недовольных действиями правительства британская пресса окрестила «Аденской группой» по аналогии с существовавшей в середине 1950-х годов «Суэцкой группой», выступавшей против эвакуации британской военной базы из Египта. Взгляды «Аденской группы» разделяли и некоторые члены британского правительства: министр по делам колоний Дункан Сэндис, министр обороны Питер Торнейкрофт и министр авиации Джулиан Эмери [Mumford, 2011: 74]. Все трое заняли свои должности в результате «Ночи длинных ножей».

«Аденская группа» считала, что создание федерации из шейхств и эмиратов на юге Аравии не укрепит британское влияние, а, наоборот, приведет к ускоренному уходу англичан из Адена. Претензии местных политиков, в первую очередь их радикального крыла, не ограничатся федерацией, опасались британские консерваторы, а быстро распространятся на Аден со всей его промышленностью и портом. Но в правительстве полагали, что как раз вхождение Адена в состав федерации позволит укрепить позиции так называемых умеренных аденских политиков. По какому-то роковому совпадению голосование о вхождении в состав ФЮА в Законодательном совете Адена состоялось ровно за день до смены власти в Йемене. Как позже признавал губернатор Адена Ч. Джонстон, «если бы йеменская революция произошла на день раньше или голосование Законодательного совета случилось бы на день позже, это соглашение ни за что не получило бы поддержки большинства местных арабов»¹⁴.

Доставалось правительству Г. Макмиллана и от лейбористов. Но если «Аденская группа» внутри Консервативной партии критиковала кабинет министров за излишнюю поспешность, то оппозиция упрекала его за неэффективность и декоративность создаваемой на юге Аравии федерации. Ряд лейбористов открыто выражали свои симпатии аденским профсоюзам и призывали к переговорам с их лидером Абдуллой Аль-Аснагом, который вынужден был из-за преследований британских властей перебраться в Каир [Walker, 2014: 25].

Вспыхнувшая в Йемене гражданская война усилила позиции «Аденской группы». Их парламентских представителей нередко цитировали на заседаниях кабинета министров Д. Сэндис и П. Торнейкрофт. Влиятельная «The Times» регулярно брала интервью у таких членов «Аденской группы», как Чарльз Уотерхауз и Нил Маклин. В итоге у британской общественности стало формироваться представление, что Аден является последним форпостом влияния Соединенного Королевства в Западной Азии, а его утеря будет означать окончательную победу Египта над Британией, начало которой было положено во время Суэцкого кризиса 1956 г. [Balfour-Paul, 1991: 196–197]. Тот факт, что республиканский режим в Санае получил быстрое признание и поддержку Египта, правое крыло

¹⁴Johnston Ch. The view from steamer point: Being an account of three years in Aden. London: Collins, 1964. P. 124.

британских консерваторов стало трактовать как доказательство наличия у Г.А. Насера масштабных планов по распространению своего влияния на юге Аравии.

Массированная поддержка Египтом ЙАР была осуществлена в короткие сроки. Через йеменский порт Ходейда шла высадка египетских войск, спешивших на помощь республиканцам. В Лондоне были уверены, что и сам государственный переворот был осуществлен если не при участии Каира, то при полной его осведомленности. Эти подозрения частично были подтверждены спустя несколько лет, когда в руки британских союзников из ФЮА стали попадать египетские пленные солдаты и офицеры. Один из них, некто Кассим аль-Шариф, в 1967 г. подтвердил, что Египет начал формировать экспедиционный корпус до революции 26 сентября 1962 г. Он утверждал, что погрузка техники и вооружений на транспортные корабли началась еще 21 сентября, а уже 28 сентября в ЙАР были высажены несколько тысяч египетских военных [Orkaby, 2015: 199–200].

Каир и в самом деле вел планомерную работу по снижению британского влияния в регионе и замене его на египетское на протяжении длительного периода времени. Причем действовал он весьма изощренно, не только используя политические и дипломатические методы, но активно применяя идеологию и пропаганду. Например, в период с 1957 по 1960 г. в странах Арабского Востока резко увеличилось число египетских учителей в школах. По сообщениям британских дипломатов из стран региона, в Саудовской Аравии в 1957 г. работали 1350 учителей из Египта, в Кувейте — 262. Британский консерватор Джон Уильям Пэйтон обращал внимание экспертов Форин оффис на то, что эти учителя активно вели антибританскую воспитательную работу среди арабской молодежи¹⁵.

Еще одним идеологическим оружием Каира стало умелое использование популярной музыки в своих внешнеполитических целях. Египетская певица Умм Кульсум была широко известна в самых разных уголках арабского мира. Во время трансляций ее концертов по «Голосу арабов» улицы арабских городов пустели, слушатели устремлялись к радиоприемникам. После же ее выступлений нередко шла трансляция речей Г.А. Насера. А ее песня «Валла заман я села-

¹⁵ Elizabeth Monroe's Papers (EMP). Oxford. St. Anthony's College. Middle East Centre, Archive. Private Papers Collection. GB 165-0207. Box 1. DS 39.1. W. Peyton to E. Monroe, June 1957; EMP. B.447(R). 'Egyptian Efforts to Dominate the Arab World'.

хи» («Это было давно, о, мое оружие»), в которой воспевалась тема национального сопротивления, стала национальным гимном ОАР¹⁶.

Популярность египетских революционных идей и личности Г.А. Насера в арабских странах было трудно не заметить. Игнорировать этот факт означало делать вид, что лидер ОАР является незначительной фигурой в арабской политике. Так считал британский посол в Каире Гарольд Били. Будучи историком и арабистом до своей дипломатической карьеры, он хорошо знал специфику региона, поэтому рекомендовал найти способы взаимодействия с Г.А. Насером и вообще перестать считать арабский национализм главной помехой в деле реализации британских интересов. Арабы заинтересованы в том, считал он, чтобы продавать свою нефть Западу, и их тревожит активность Советского Союза в регионе¹⁷. Правительство Г. Макмиллана однако не поддержало идею нормализации отношений с Г.А. Насером. Революция же в Йемене поставила руководство Консервативной партии перед новой дилеммой: признавать или нет новый режим в Сане.

За признание ЙАР выступал Форин оффис, указывая на то, что революция в Йемене — это уже свершившийся факт и чем быстрее Лондон наладит взаимоотношения с республиканскими властями, тем лучше¹⁸. Против выступала «Аденская группа», поддерживаемая губернатором Ч. Джонстоном. Их аргументы сводились к необходимости сохранения лояльности южноаравийских шейхов и эмиров, утрата которой приведет к потере Адена как британской колонии и военной базы¹⁹.

Позиции противников признания ЙАР усилились после того, как 22 октября 1962 г. республиканская авиация осуществила налет на эмират Бейхан, в результате которого было разрушено несколько домов и погиб один ребенок. Эмир Бейхана Шариф Салех аль-Хусейни требовал от Великобритании акций возмездия, угрожая пересмотреть членство эмирата в ФЮА и его «дружбу с правительством Ее

¹⁶ Baron A. In search of Umm Kulthum's grave: Where the lady rests // The National. 04.08.2019. Available at: <https://www.thenationalnews.com/lifestyle/travel/in-search-of-umm-kulthum-s-grave-where-the-lady-rests-1.894294> (accessed: 25.05.2025).

¹⁷ NAUK. PREM 11/4173. H. Beeley to Lord Home. 'Nasser and 'Nasserism' in Relations to British Interests'. February 25, 1963.

¹⁸ NAUK. PREM 11/3877. C. Gandy to Foreign Office. Tel. № 144. October 10, 1962.

¹⁹ Gandy C. A mission to Yemen: August 1962 — January 1963 // British Journal of Middle Eastern Studies. 1998. Vol. 25. No. 2. P. 260–265.

Величества». Ч. Джонстон считал, что если Лондон не откликнется на эту просьбу, то все остальные правители федерации воспримут это как знак британской слабости²⁰.

«Масла в огонь» подливали заявления йеменских республиканцев. А. Саляль публично призвал йеменских эмигрантов в Адене к восстанию против британского правления²¹. Одни британские политики призывали к жесткому отпору действиям ЙАР и ОАР, другие критиковали правительство за инерцию имперского мышления. 13 ноября 1962 г. лейборист Дэнис Хили охарактеризовал политику Соединенного Королевства как «предсмертную агонию в духе Суэца», которая «ставит Британию в один ряд со всем, что только есть отсталым и анахроничным на Ближнем Востоке, отталкивая от себя все прогрессивные силы»²².

Если йеменские республиканцы позволяли себе резкие высказывания в адрес англичан, то египетские власти в первые месяцы после революции в Сане, наоборот, сохраняли определенную осторожность в своей риторике. Стремясь поддержать британских сторонников признания ЙАР, министр иностранных дел ОАР Махмуд Фавзи заявил своему британскому коллеге Александру Дугласу-Хьюму, что Каир не позволит йеменцам сделать что-либо, что могло бы нанести ущерб британским позициям, и последнее, что египтяне хотели бы видеть, это поспешный уход Великобритании из Персидского залива, поскольку он повлечет за собой хаос и анархию²³.

В словах египетского дипломата можно было усмотреть восточную хитрость в целях усыпить бдительность англичан, и к такому выводу, собственно, и пришел Г. Макмиллан, но в них мог содержаться и намек на приглашение придерживаться негласной договоренности: Великобритания признаёт ЙАР и старается охладить пыл некоторых местных правителей, а Египет сдерживает экспансионистские замыслы йеменского руководства. Колебания британских властей в вопросе признания ЙАР не исчезли даже после того, как 19 декабря 1962 г. республиканский режим в Сане был признан Соединенными Штатами. Политика Лондона в этот период отличалась определенной двойственностью. С одной сторо-

²⁰ NAUK. PREM 11/3870. C. Johnston to D. Sandys. October 23, 1962.

²¹ The Times. November 10, 1963.

²² Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Fifth series. Vol. 667. London, 1962. Col. 266–267.

²³ NAUK. PREM 11/3877. Lord Home to H. Macmillan. October 25, 1962.

ны, Великобритания не отрицала возможности диалога с властями ЙАР вплоть до их официального признания. С другой стороны, Соединенное Королевство установило тесные контакты с лагерем йеменских роялистов и приступило к разработке тайных операций по снабжению их оружием²⁴.

В конце концов властям ЙАР надоела эта неопределенность в британском подходе к признанию республики, и они 17 февраля 1963 г. закрыли последнее дипломатическое представительство Великобритании на йеменской территории — консульство в Таизе. Как с облегчением отметил в своем дневнике Г. Макмиллан, «йеменская проблема (как и многие подобные ей) разрешилась сама собой! Республиканцы устали ждать и закрыли дипломатическую миссию Великобритании»²⁵. Этот шаг властей ЙАР в некоторой мере развязывал руки Великобритании в деле поддержки роялистов. Лондон организовал регулярную поставку им оружия, а также координировал вылазки на территорию республики представителей приграничных племен из ФЮА. Всё это осуществлялось в обстановке строжайшей секретности.

Изменения в британском подходе почувствовали и в Каире. Риторика египетских властей ужесточилась. Это нашло отражение как в радиопропаганде, так и в конфиденциальных контактах. В начале 1963 г. главный редактор египетской газеты «Al-Ahram» Мохаммед Хейкал, который был доверенным лицом Г.А. Насера, предупредил британского посла Г. Били: Египту известно, что Великобритания снабжает йеменских роялистов оружием, и в ответ Каиру «не составит никакого труда организовать саботаж в Адене»²⁶.

По сути, в 1963 г. началась, говоря современным языком, прокси-война между Великобританией и Египтом на территории Южной Аравии. В этом конфликте Соединенное Королевство предпочитало действовать «руками» местных племен, из числа которых формировались отряды, совершавшие рейды на территорию ЙАР. Боевые столкновения между йеменской республиканской армией, поддерживаемой египетскими вооруженными силами, и отрядами йеменских роялистов были похожи на аналогичные конфликты, в которых преобладала тактика партизанских действий, например,

²⁴ NAUK. DEFE 25/128. D. Sandys to C. Johnston. November 12, 1962.

²⁵ Harold Macmillan Papers. Diaries. Oxford. The Bodleian Library. MSS. Macmillan. Second Series. dep. d. 48. February 17, 1963.

²⁶ NAUK. PREM 11/4356. H. Beeley to Foreign Office. January 6, 1963.

во Вьетнаме в 1960-е годы. Здесь тоже не было четкого разделения фронтов, ясного понимания принадлежности территорий к тому или иному лагерю. Роялистам помогал сложный рельеф местности (их базы находились в неприступных горах), республиканская армия пыталась взять под свой контроль основные дороги и перерезать тропы, по которым из Саудовской Аравии и Южной Аравии шло снабжение роялистов. Отряды, сформированные британскими офицерами в ФЮА, в свою очередь совершали трансграничные набеги на территорию ЙАР, закладывали мины, подрывали склады, осуществляли диверсии и возвращались обратно.

Основной ударной силой южноаравийских протекторатов были подразделения РПА, эффективность которых была довольно низкой из-за слабой дисциплины, несмотря на то что командовали этими отрядами, как правило, кадровые британские офицеры. Британские военные и сами не доверяли своим арабским подчиненным. Красноречивое свидетельство такого отношения оставил один из командиров подразделения РПА Эшли Тинсон. Его отряд остановился на ночлег в местности, откуда родом было большинство рекрутов. Их дома были совсем рядом, и Э. Тинсон отпустил своих подчиненных переночевать в родные семьи. С офицером остались лишь несколько человек. Вскоре к ночному костру подошел местный старик, по тамошней традиции весь покрытый синей краской из-за обычая красить одежду в синий цвет, который впитывался даже в кожу. Э. Тинсон красочно описывал свои впечатления: «Пока я переживал, увижу ли хоть кого-либо из своих людей утром, мы сидели вокруг костра и болтали о космических спутниках. У старика, голого, если не считать набедренной повязки, всего синего, с синей винтовкой, был транзисторный радиоприемник (синего цвета, разумеется), по которому он слушал “Голос арабов” из Каира. Он знал о космических ракетах больше, чем я!» Несмотря на опасения британского офицера, утром, как он уверяет, всё его подразделение вернулось в строй [Hinchcliffe et al., 2006: 195–196].

В этом колоритном описании нужно обратить внимание не только на проблемы с дисциплиной в рядах РПА. Англичанам действительно следовало опасаться влияния Г.А. Насера, если даже в глухом горном селении в Южной Аравии местные старики, не говоря уже о молодежи, слушали «Голос арабов».

Боевые столкновения происходили не только на трансграничной территории между ЙАР и ФЮА. Британские спецслужбы разрабо-

тали дерзкий план переноса военных действий вглубь Йеменской Республики. Для этого на протяжении всей весны 1963 г. при помощи караванов верблюдов в горные районы около Саны перевозили оружие и амуницию для роялистских племен. Их обучением занималась группа британских военных из Специальной авиационной службы (Special Air Service, SAS) под командованием майора Джонни Купера. Они нелегально находились на йеменской земле, и долгое время их деятельность была строго засекречена.

Первой удачной операцией группы Дж. Купера стала засада на колонну египетских войск, организованная в июне 1963 г. к востоку от Саны в русле высохшей реки (вади). Сам Дж. Купер не без хвастовства вспоминал об этой операции так: «Около 9 утра египтяне вошли в вади значительными силами с батальоном парашютистов впереди, за которыми следовали танки Т-34 и легкая артиллерия. <...> Пехота, обремененная большим количеством громоздкого снаряжения, волоча тяжелые советские пулеметы на колесах, продвигалась плечом к плечу в плотном растянутом строю. <...> Когда враг достиг заранее нами намеченного места, наши люди открыли сокрушительный огонь, сбивая скученные ряды пехоты как кегли. В задних рядах началась паника, затем стали стрелять танки, но не по нашим позициям, а по своим. <...> Лишь с наступлением ночи враг смог отступить обратно в Сану. <...> Мы насчитали восемьдесят пять брошенных трупов, которые оставались там еще два года, прежде чем Красному Кресту разрешили забрать эти останки»²⁷. Даже с учетом бахвальства автора этих воспоминаний рассказ весьма поучителен в плане организации движения колонны на марше, и он явно мог служить инструкцией для многих более поздних аналогичных операций в разных частях мира, в которые были вовлечены британские советники.

В декабре 1963 г. произошло резкое обострение англо-египетских отношений. Поводом послужило покушение на нового губернатора, а точнее, верховного комиссара Адена (так с 1963 г. стала именоваться его должность) Кеннеди Тревакиса, которое произошло 10 декабря в аэропорту колонии. Британский чиновник получил легкие ранения, но погиб его охранник. Сам К. Тревакис и представители «Аденской группы» были уверены в том, что за этим покушением

²⁷ Cooper J., Kemp A. One of the originals: The story of a founder member of the SAS. London: Pan Books, 1991. P. 163–164.

стояли спецслужбы ОАР. В подтверждение своих догадок они ссылались на воинственное выступление Г.А. Насера 23 декабря, в котором он заявил, что поддерживает освобождение Адена от англичан и что арабы никогда не смирятся с наличием на их земле британской колонии [McNamara, 2017: 61].

Речь египетского лидера могла быть его эмоциональной реакцией на выступление в британском парламенте Д. Сэндиса 19 декабря, когда он сказал, что покушение на верховного комиссара Адена было инициировано республиканскими властями в Сане, которые открыто призывали аденских рабочих к мятежу против британских властей²⁸. Имя Г.А. Насера названо не было, но даже намек было достаточно. Британский арабист Питер Мансфельд считал, что Г.А. Насер вообще всегда обостренно реагировал на любые нападки со стороны Запада и в пылу эмоций мог, что называется, «перегнуть палку» [Mansfield, 1965: 89].

Доказательств причастности Г.А. Насера к покушению на К. Тревакиса нет. Более того, есть сведения о том, что этот теракт был организован опальным лидером аденских профсоюзов А. аль-Аснагом, который, как уже упоминалось, жил в эмиграции в Каире [McNamara, 2017: 61]. Тем не менее именно с декабря 1963 г. англо-египетское соперничество в Южной Аравии перешло в стадию бескомпромиссного противостояния, в котором обе стороны постоянно повышали ставки.

В конце 1963 г. в горном районе Радфан на севере ФЮА, в эмирате Эд-Дали вспыхнуло антибританское вооруженное восстание. Для его подавления англичане использовали значительный контингент войск, насчитывавший около 2 тыс. военнослужащих. Число противостоявших им повстанцев оценить непросто, поскольку воевали они партизанскими методами, а значит, в их рядах мог быть любой взрослый житель этих гор, да и невзрослый тоже. О масштабах боестолкновений говорит тот факт, что только в 1964 г. британскими силами было совершено более 600 боевых вылетов, выпущено 2500 ракет и израсходовано около 200 000 снарядов [Walker, 2014: 129–132]. Разведка Соединенного Королевства представила обширный доклад, подписанный Джоном Берком да Сильвой, бывшим главой службы британской разведки в Бахрейне, в котором утверждалось,

²⁸ Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Fifth series. Vol. 686. London, 1963. Col. 1448.

что мятеж в Радфане был подготовлен и всецело координировался египетскими спецслужбами. Дж.Б. да Сильва пришел к выводу, что целью Г.А. Насера было перенести военные действия из ЙАР в ФЮА, чтобы создать англичанам серьезные проблемы в их тылу, усилить давление на Аден и в конечном счете выдавить Великобританию из ее колонии-крепости [McNamara, 2017: 62–63]. Необходимо отметить, что подобные доклады, во-первых, были призваны оправдать увеличение средств на контрпартизанские действия, в том числе на разведку, а во-вторых, не учитывали масштаб антибританских настроений в протекторатах ФЮА, особенно граничивших с ЙАР.

Демонстрировать решительный настрой в деле отстаивания британских интересов пришлось уже новому руководству кабинета министров консерваторов. Г. Макмиллан подал в отставку осенью 1963 г. по состоянию здоровья. Его должность занял А. Дуглас-Хьюм. Возможно, потому что он был мягче по своему характеру, чем предшественник, новый премьер-министр стремился доказать свою решимость и волю. 10 февраля 1964 г., выступая в Канаде, А. Дуглас-Хьюм выразил сожаление, что в 1956 г. Соединенные Штаты «не позволили нам сделать с Г.А. Насером то, что мы собирались сделать» [цит. по: McNamara, 2004: 192–193]. Эта реплика едва не привела отношения между Лондоном и Каиром на грань разрыва. Г.А. Насер ответил бранной речью в адрес Великобритании, а 13 марта 1964 г. египетская авиация нанесла очередной удар по Бейхану. 28 марта впервые с начала гражданской войны в Йемене авиация Великобритании осуществила акцию возмездия, разбомбив йеменский город Хариб, в результате чего погибли несколько десятков мирных жителей [Jones, 2004: 104].

Бомбардировка Хариба была неоднозначно воспринята даже внутри Соединенного Королевства, не говоря уже об арабском мире. С резкой критикой действий правительства выступила «The Sunday Times»²⁹. В очередной раз Великобритании пришлось выбирать между ужесточением своей политики в отношении ОАР и ЙАР и попытками договориться с Г.А. Насером. В июне 1964 г. неофициальную поездку в Южную Аравию совершил член британского парламента и участник «Аденской группы» Н. Маклин. Ему удалось посетить горные районы Йемена, находившиеся под контролем роялистов. Основной вывод его поездки был такой: если роялисты проиграют,

²⁹The Sunday Times. April 5, 1964.

то на сторону Г.А. Насера переметнутся многие лидеры племен ФЮА, пока еще лояльные британской короне, поэтому нужнократно увеличить помощь сторонникам имама [Jones, 2004: 101]. Вариант переговоров с Каиром предлагали сотрудники Форин оффис, считая, что можно обсудить прекращение британской подрывной деятельности в Йемене в обмен на аналогичные усилия Египта в ФЮА.

Взвешенной оценке мешали сообщения британской разведки, поступавшие из региона. 30 июня 1964 г. сотрудники «The Secret Intelligence Service» представили доклад, в котором утверждалось: «Есть информация о том, что число египетских офицеров разведки в Йемене увеличилось и что египтяне оказывают всё большую помощь не только оппозиционерам, но и террористам в Федерации [Южной Аравии], включая Аден»³⁰.

Новому кабинету консерваторов пришлось лавировать между «ястребами» «Аденской группы», представители которых имели большое влияние в Министерстве обороны и Министерстве авиации, и дипломатическим корпусом Соединенного Королевства. Близкий к «Аденской группе» полковник Дэвид Смайли, служивший в качестве военного советника при дворе саудовского короля Аль-Сауда, уверял, что у него была возможность напрямую лично контактировать с премьер-министром А. Дугласом-Хьюмом и сообщать ему о прямой корреляции между потерями египетских сил в Йемене и увеличением британской военной поддержки роялистов [Jones, 2004: 100]. Форин оффис в целом выступал за ограничение, а то и прекращение вмешательства в гражданскую войну в ЙАР. Министр иностранных дел Великобритании Ричард Батлер считал, что даже есликратно увеличить поставки вооружений в войска имама, это вряд ли позволит сокрушить египетские силы в Йемене. Премьер-министр ответил на это так: «Я не думаю, что мы исчерпали все возможности в отношении как легальных, так и нелегальных действий [в ЙАР]»³¹.

Что понимало британское руководство под «нелегальными действиями», становится ясно из меморандума, подготовленного Министерством обороны Великобритании. В нем были перечислены такие меры, как убийства египетских офицеров и советников,

³⁰ NAUK. DEFE 13/50. Aden and South Arabian Federation. Annex to C.O.S. 192/64. June 30, 1964.

³¹ NAUK. PREM 11/4678. A. Home to R. Butler. March 20, 1964.

работавших в ЙАР; диверсии в порту Ходейда, через который шло снабжение египетской группировки в Йемене; организация волнений племен на территории ЙАР; подготовка компромата на лидеров аравийской республики и его вброс через различные средства массовой информации³². Что касалось первых пунктов этих мер, то всю «грязную» работу, связанную с убийствами, терактами и террором населения, должны были делать отряды наемников, набранные из местных жителей. За этими предложениями стоял министр обороны П. Торнейкрофт. Он настаивал на том, что прежний подход «око за око», когда карательные действия дружественных Великобритании племен осуществлялись в ответ на теракты, исчерпал себя и нужно организовывать полномасштабное партизанское движение на территории ЙАР³³.

Можно отметить, что прокси-противостояние между Египтом и Великобританией происходило в двух форматах. Первым были военные действия на территории ФЮА, где британские войска могли действовать вполне легально, поскольку они защищали территории своих протекторатов, и поэтому здесь применялись удары с воздуха по выявленным целям, осуществлялась массированная переброска войск из военной базы в Адене, а египетские военные в свою очередь действовали тайно в качестве инструкторов и координаторов антибританского племенного сопротивления. Качество такой египетской работы всё время повышалось, что отмечали и англичане. К. Тревакис уверял в донесении в Лондон: «Египетские усилия, вложенные в подготовку и оснащение повстанцев, приносят нашим врагам ощутимые успехи, и мы сталкиваемся с более организованными и всё более дерзкими атаками, чем раньше. В вопросе огневой мощи федеральные силы уступают повстанцам, у которых теперь в избытке крупнокалиберных пулеметов, базук, автоматов, мин и гранат»³⁴. Вряд ли речь можно было вести о таком тотальном военном перевесе повстанцев, как уверял верховный комиссар Адена. Не следует забывать, что К. Тревакис был сторонником ужесточения политики в отношении ЙАР и ее симпатизантов в ФЮА.

Вторым видом англо-египетской прокси-войны в Южной Аравии была нелегальная британская поддержка йеменских роялистов.

³² NAUK. DEFE 13/570. Hockaday to P. Thorneycroft. July 20, 1964.

³³ NAUK. DEFE 13/570. Thorneycroft minute. June 25, 1964.

³⁴ NAUK. DEFE 25/190. K. Trevaskis to D. Sandys. September 9, 1964.

Ни под каким предлогом Лондон не хотел признавать участие своих военных в гражданской войне в Йемене. Все они действовали как «добровольцы», или, правильнее сказать, наемники. Число их было невелико, несколько десятков человек [Небольсина, 2019: 56], и главной их задачей было обучение роялистских сил методам диверсионной войны. Порой перед британскими властями вставляли непростые задачи сокрытия выявленных фактов участия их солдат в военных действиях на йеменской земле. В мае 1964 г., например, появилась новость о том, что на границе с ЙАР были найдены два обезглавленных тела британских военных из SAS. Правительство А. Дугласа-Хьюма долго эту информацию не подтверждало [Walker, 2014: 103].

Таким образом, напрямую египетские и британские военные могли сталкиваться друг с другом, в основном действуя нелегально, первые — на землях ФЮА, вторые — на территории ЙАР. Общим для всех было использование диверсий, «охота» за офицерами, ликвидация ключевых фигур во вражеском лагере. «Радио Саны», например, объявило за поимку Дж. Купера или даже за его голову награду в 5 тыс. фунтов стерлингов [Walker, 2014: 57].

Активизации «войны чужими руками» помешали политические перемены в Соединенном Королевстве. В октябре 1964 г. консерваторы проиграли парламентские выборы. Новый кабинет министров был сформирован лейбористом Гарольдом Вильсоном, который взял курс на уход Великобритании со своих заморских территорий «к востоку от Суэца», включая Аден. Этот уход был осуществлен в 1967 г. В том же году и Египет был вынужден вывести свой экспедиционный корпус из Йемена. Причиной было не только его поражение в Шестидневной арабо-израильской войне 1967 г., но и пошатнувшиеся позиции в ЙАР. Египетские военные дискредитировали себя мздоимством и высокомерием по отношению к йеменским коллегам, а политические советники, отправленные Г.А. Насером, всячески препятствовали попыткам переговоров и поиску компромисса между республиканцами и роялистами. В итоге египетское присутствие на йеменской земле уже напоминало оккупацию [Небольсина, 2019: 57]. Всё больше йеменцев приходили к пониманию, что Каир решал на их территории свои задачи, прикрываясь лозунгами арабского единства. Те, кто раньше симпатизировал Г.А. Насеру, начали разочаровываться в нем [Hinchcliffe et al., 2006: 65]. Поражению Египта в Шестидневной войне способствовало то, что он потерял во время

участия в гражданском конфликте в Йемене значительную часть своих военных. Общая цифра египетских потерь, весьма, впрочем, приблизительная, составляла около 1 тыс. убитых офицеров и почти 10 тыс. рядовых, что равнялось около 1/5 всего контингента экспедиционных сил Египта [Walker, 2014: 127].

* * *

С эвакуацией британской военной базы в Адене и выводом египетских войск из ЙАР фактически завершилась и прокси-война между Великобританией и ОАР, которая велась как на йеменской земле, так и в гористой местности ФЮА, и в Адене. В этой «войне чужими руками» у Египта, на первый взгляд, был богаче арсенал мер. Каир не только использовал собственные вооруженные формирования и натренированные своими инструкторами силы республиканского Йемена, но и довольно эффективно применял средства пропаганды. Однако основная ставка была сделана на части регулярной армии: несколько десятков тысяч египетских солдат были направлены в ЙАР. В конечном счете это подорвало возможности египетской армии. Для Великобритании переход к формату прокси-войны был осознанным шагом. Он позволял экономить собственные ресурсы, включая личный состав армии, в определенной мере защищал престиж Соединенного Королевства, поскольку официально британские войска не участвовали в вылазках на территорию ЙАР, а все неудачи можно было списать на межплеменные распри.

Переход к такой тактике, с одной стороны, был следствием опыта Суэцкого кризиса, когда прямое вовлечение Великобритании в агрессию против Египта вызвало обострение экономических проблем королевства и привело к падению его влияния на Арабском Востоке и в мире в целом. С другой стороны, он являлся свидетельством кризиса политической мысли в Уайтхолле. Британское руководство демонстрировало сильную инерцию имперского мышления, доказательством чего было влияние «Аденской группы» на умонастроения правящих кругов в Лондоне. В результате решение насущных задач британской политики (обеспечение устойчивого развития подконтрольных земель, модернизация экономического уклада ФЮА, конституционные изменения в Адене) подменялось «вендеттой» в отношении Г.А. Насера. В некотором роде правительства Г. Макмиллана и А. Дугласа-Хьюма оказались в плену насерофобии.

Гражданскую войну в Йемене можно рассматривать как многоуровневую прокси-войну, где «нижним уровнем» были боевые столкновения между местными монархистами и республиканцами, «средним уровнем» — действия их региональных и внерегиональных покровителей (ОАР, Саудовская Аравия, Великобритания), а «высшим» — противостояние СССР и США на Ближнем Востоке на фоне обострения американско-советских отношений начала 1960-х годов. Такое сложное переплетение интересов затрудняло урегулирование йеменского конфликта.

В прокси-войне Великобритании и Египта в Южной Аравии не было победителя. Египет оказался истощен военной экспедицией в Йемен, что повлияло на результаты Шестидневной войны, подкосило экономику ОАР и привело к падению авторитета Г.А. Насера и идеологии панарабизма. Соединенное Королевство вынуждено было ликвидировать свою колонию и военную базу в Адене настолько стремительно, что даже сами англичане называли свой исход из Адена бегством. Тем не менее опыт прокси-войны в Южной Аравии оказался востребованным. Он активно используется британскими властями и в XXI в., когда прокси-войны постепенно превращаются в один из главных инструментов поддержания влияния Лондона в разных уголках планеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Звягельская И.Д. Лидерство в арабском мире: от революций к переосмыслению // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 1. С. 62–73. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-62-73.
2. Небольсина М.А. Из истории становления корпоративного наемничества: секретная операция Великобритании в Северном Йемене в 1960-е годы // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11. № 3. С. 40–76.
3. Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск: Издательство Томского университета, 2003.
4. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI в.). М.: Российская газета, 2006.
5. Уразов А.М. Время перемен. Эволюция внешней политики США и Великобритании на Большом Ближнем Востоке в первые десятилетия холодной войны. М.: АСТ, 2019.

6. Уразов А.М. Политика США и Великобритании на юге Аравийского полуострова в 1958–1962 годах // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 54–66.

7. Ashton N.J. Eisenhower, Macmillan and the problem of Nasser: Anglo-American relations and Arab nationalism, 1955–59. New York: St. Martin's Press, 1996.

8. Balfour-Paul G. The end of empire in the Middle East: Britain's relinquishment of power in her last three Arab dependencies. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

9. Blumi I. Destroying Yemen: What chaos in Arabia tells us about the world. Oakland: University of California Press, 2018.

10. Caton S.Ch. 'Peaks of Yemen I summon': Poetry as cultural practice in a North Yemeni tribe. Berkeley: University of California Press, 1990.

11. Clark V. Yemen: Dancing on the heads of snakes. New Haven: Yale University Press, 2010.

12. Culley T., Marsh S. 'To recognise, or not to recognise': Macmillan's Yemen Arab Republic question // Middle Eastern Studies. 2019. Vol. 55. No. 3. P. 339–356. DOI: 10.1080/00263206.2018.1547965.

13. Dockrill S. Britain's retreat from East of Suez: The choice between Europe and the world? London: Palgrave Macmillan, 2002.

14. Dorril S. MI6: Inside the covert world of Her Majesty's secret intelligence service. New York: Simon & Schuster, 2002.

15. Douglas R. Liquidation of empire: The decline of the British Empire. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002.

16. Fain W.T. 'Unfortunate Arabia': The United States, Great Britain and Yemen, 1955–63 // Diplomacy & Statecraft. 2001. Vol. 12. No. 2. P. 125–152. DOI: 10.1080/09592290108406205.

17. Ferris J. Soviet support for Egypt's intervention in Yemen, 1962–1963 // Journal of Cold War Studies. 2008. Vol. 10. No. 4. P. 5–36.

18. Gerges F.A. The superpowers and the Middle East. Regional and international politics, 1955–1967. Boulder: Westview, 1994.

19. Hinchcliffe P., Ducker J.T., Holt M. Without glory in Arabia: The British retreat from Aden. London, New York: I.B. Tauris, 2006.

20. Holland M.F. America and Egypt: From Roosevelt to Eisenhower. Westport: Praeger, 1996.

21. Holt M. Memories of Arabia and empire: An oral history of the British in Aden // Contemporary British History. 2004. Vol. 18. No. 4. P. 93–112. DOI: 10.1080/13619460412331296928.

22. James W.D. Global Britain's strategic problem East of Suez // European Journal of International Security. 2021. Vol. 6. No. 2. P. 171–189. DOI: 10.1017/eis.2020.24.

23. Jones C. 'Among ministers, mavericks and mandarins': Britain, covert action and the Yemen civil war, 1962–64 // *Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 40. No. 1. P. 99–126. DOI: 10.1080/00263200412331301917.

24. Lamb R. *The Macmillan years, 1957–1963: The emerging truth*. London: John Murray, 1995.

25. Lewis B. *The Middle East and the West*. Bloomington: Indiana University Press, 1964.

26. Little D. *American orientalism: The United States and the Middle East since 1945*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2002.

27. Mansfield P. *Nasser's Egypt*. Baltimore: Penguin Books, 1965.

28. Mawby S. The clandestine defence of empire: British special operations in Yemen, 1951–64 // *Intelligence & National Security*. 2002. Vol. 17. No. 3. P. 105–130. DOI: 10.1080/02684520412331306570.

29. McNamara R. *Britain, Nasser and the balance of power in the Middle East: From the Egyptian revolution to the Six Day War, 1952–1967*. New York: Frank Cass, 2004.

30. McNamara R. The Nasser factor: Anglo-Egyptian relations and Yemen/Aden crisis, 1962–65 // *Middle Eastern Studies*. 2017. Vol. 53. No. 1. P. 51–68. DOI: 10.1080/00263206.2016.1200032.

31. Mumford A. *The counter-insurgency myth: The British experience of irregular warfare*. London: Routledge, 2011.

32. Mumford A. Proxy warfare and the future of conflict // *The RUSI Journal*. 2013. Vol. 158. No. 2. P. 40–46. DOI: 10.1080/03071847.2013.787733.

33. Orkaby A. The North Yemen civil war and the failure of the Federation of South Arabia // *Middle Eastern Studies*. 2017. Vol. 53. No. 1. P. 69–83. DOI: 10.1080/00263206.2016.1198330.

34. Orkaby A. The Yemeni civil war: The final British-Egyptian imperial battleground // *Middle Eastern Studies*. 2015. Vol. 51. No. 2. P. 195–207. DOI: 10.1080/00263206.2014.942647.

35. Ovendale R. *Britain, the United States, and the transfer of power in the Middle East, 1945–1962*. New York: Leicester University Press, 1996.

36. Pearson I.L.G. *In the name of oil: Anglo-American relations in the Middle East, 1950–1958*. Brighton: Sussex Academic Press, 2010.

37. Petersen T.T. *Challenging retrenchment: The United States, Great Britain and the Middle East, 1950–1980*. Trondheim: Tapir Akademisk Forlag, 2010.

38. Petersen T.T. *The decline of the Anglo-American Middle East, 1961–1969: A willing retreat*. Brighton, Portland: Sussex Academic Press, 2006.

39. Pieragostoni K. *Britain, Aden, and South Arabia: Abandoning empire*. London: Macmillan, 1991.

40. Roucek J.S. Britain's retreat from Aden and East of Suez // *Il Politico*. 1968. Vol. 33. No. 2. P. 413–426.

41. Smith S.C. Failure and success in state formation: British policy towards the Federation of South Arabia and the United Arab Emirates // *Middle Eastern Studies*. 2017. Vol. 53. No. 1. P. 84–97. DOI: 10.1080/00263206.2016.1196667.

42. Thomas G.P. Prime minister and cabinet today. Manchester; New York: Manchester University Press, 1998.

43. Torrey G.H. Nasser's Egypt // *Current History*. 1965. Vol. 48. No. 285. P. 290–295.

44. Vaughan J. Propaganda by proxy? Britain, America, and Arab radio broadcasting, 1953–1957 // *Historical Journal of Film, Radio and Television*. 2002. Vol. 22. No. 2. P. 158–172. DOI: 10.1080/01439680220133774.

45. Von Bismarck H. British policy in the Persian Gulf, 1961–1968: Conceptions of informal empire. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.

46. Walker J. Aden insurgency: The savage war in South Arabia, 1962–67. London: Pen & Sword Military, 2014.

47. Yaqub S. Containing Arab nationalism: The Eisenhower doctrine and the Middle East. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2004.

REFERENCES

1. Zvyagel'skaya I.D. 2024. Liderstvo v arabskom mire: ot revolyutsii k pereosmysleniyu [Leadership in the Arab world: From revolution to redefinition]. *World Economy and International Relations*, vol. 68, no. 1, pp. 62–73. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-1-62-73. (In Russ.)

2. Nebol'sina M.A. 2019. Iz istorii stanovleniya korporativnogo naemnichestva: sekret'naya operatsiya Velikobritanii v Severnom Iemene v 1960-e gody [From the history of corporate mercenarism: British clandestine operation in the north Yemen in 1960s]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 11, no. 3, pp. 40–76. (In Russ.)

3. Pelipas' M.Ya. 2003. *Skovannye odnoi tsep'yu: SShA i Velikobritaniya na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945–1956 gg.* [‘Chained by one chain’: The United States and Great Britain in the Near and Middle East in 1945–1956]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ. (In Russ.)

4. Primakov E.M. 2006. *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX — nachalo XXI v.)* [Confidential: The Middle East on stage and behind the scenes (the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries)]. Moscow, Rossiiskaya gazeta Publ. (In Russ.)

5. Urazov A.M. 2019. *Vremya peremen. Evolyutsiya vneshnei politiki SShA i Velikobritanii na Bol'shom Blizhnem Vostoke v pervye desyatiletiya kholodnoi voyny* [Time of change. The evolution of U.S. and British foreign policy in the Greater Middle East in the early decades of the Cold War]. Moscow, AST Publ. (In Russ.)

6. Urazov A.M. 2011. Politika SShA i Velikobritanii na yuge Araviiskogo poluostrava v 1958–1962 godakh [Policy of the USA and Great Britain in the south of the Arabian Peninsula in 1958–1962]. *Modern and Contemporary History*, no. 3, pp. 54–66. (In Russ.)

7. Ashton N.J. 1996. *Eisenhower, Macmillan and the problem of Nasser: Anglo-American relations and Arab nationalism, 1955–59*. New York, St. Martin's Press.

8. Balfour-Paul G. 1991. *The end of empire in the Middle East: Britain's relinquishment of power in her last three Arab dependencies*. Cambridge, Cambridge University Press.

9. Blumi I. 2018. *Destroying Yemen: What chaos in Arabia tells us about the world*. Oakland, University of California Press.

10. Caton S.Ch. 1990. 'Peaks of Yemen I summon': *Poetry as cultural practice in a North Yemeni tribe*. Berkeley, University of California Press.

11. Clark V. 2010. *Yemen: Dancing on the heads of snakes*. New Haven, Yale University Press.

12. Culley T., Marsh S. 2019. 'To recognise, or not to recognise': Macmillan's Yemen Arab Republic question. *Middle Eastern Studies*, vol. 55, no. 3, pp. 339–356. DOI: 10.1080/00263206.2018.1547965.

13. Dockrill S. 2002. *Britain's retreat from East of Suez: The choice between Europe and the world?* London, Palgrave Macmillan.

14. Dorris S. 2002. *MI6: Inside the covert world of Her Majesty's secret intelligence service*. New York, Simon & Schuster.

15. Douglas R. 2002. *Liquidation of empire: The decline of the British Empire*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

16. Fain W.T. 2001. 'Unfortunate Arabia': The United States, Great Britain and Yemen, 1955–63. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 12, no. 2, pp. 125–152. DOI: 10.1080/09592290108406205.

17. Ferris J. 2008. Soviet support for Egypt's intervention in Yemen, 1962–1963. *Journal of Cold War Studies*, vol. 10, no. 4, pp. 5–36.

18. Gerges F.A. 1994. *The superpowers and the Middle East. Regional and international politics, 1955–1967*. Boulder, Westview.

19. Hinchcliffe P., Ducker J.T., Holt M. 2006. *Without glory in Arabia: The British retreat from Aden*. London, New York, I.B. Tauris.

20. Holland M.F. 1996. *America and Egypt: From Roosevelt to Eisenhower*. Westport, Praeger.

21. Holt M. 2004. Memories of Arabia and empire: An oral history of the British in Aden. *Contemporary British History*, vol. 18, no. 4, pp. 93–112. DOI: 10.1080/13619460412331296928.

22. James W.D. 2021. Global Britain's strategic problem East of Suez. *European Journal of International Security*, vol. 6, no. 2, pp. 171–189. DOI: 10.1017/eis.2020.24.

23. Jones C. 2004. 'Among ministers, mavericks and mandarins': Britain, covert action and the Yemen civil war, 1962–64. *Middle Eastern Studies*, vol. 40, no. 1, pp. 99–126. DOI: 10.1080/00263200412331301917.

24. Lamb R. 1995. *The Macmillan years, 1957–1963: The emerging truth*. London, John Murray.

25. Lewis B. 1964. *The Middle East and the West*. Bloomington, Indiana University Press.

26. Little D. 2002. *American orientalism: The United States and the Middle East since 1945*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press.

27. Mansfield P. 1965. *Nasser's Egypt*. Baltimore: Penguin Books.

28. Mawby S. 2002. The clandestine defence of empire: British special operations in Yemen, 1951–64. *Intelligence & National Security*, vol. 17, no. 3, pp. 105–130. DOI: 10.1080/02684520412331306570.

29. McNamara R. 2004. *Britain, Nasser and the balance of power in the Middle East: From the Egyptian revolution to the Six Day War, 1952–1967*. New York, Frank Cass.

30. McNamara R. 2017. The Nasser factor: Anglo-Egyptian relations and Yemen/Aden crisis, 1962–65. *Middle Eastern Studies*, vol. 53, no. 1, pp. 51–68. DOI: 10.1080/00263206.2016.1200032.

31. Mumford A. 2011. *The counter-insurgency myth: The British experience of irregular warfare*. London, Routledge.

32. Mumford A. 2013. Proxy warfare and the future of conflict. *The RUSI Journal*, vol. 158, no. 2, pp. 40–46. DOI: 10.1080/03071847.2013.787733.

33. Orkaby A. 2017. The North Yemen civil war and the failure of the Federation of South Arabia. *Middle Eastern Studies*, vol. 53, no. 1, pp. 69–83. DOI: 10.1080/00263206.2016.1198330.

34. Orkaby A. 2015. The Yemeni civil war: The final British-Egyptian imperial battleground. *Middle Eastern Studies*, vol. 51, no. 2, pp. 195–207. DOI: 10.1080/00263206.2014.942647.

35. Owendale R. 1996. *Britain, the United States, and the transfer of power in the Middle East, 1945–1962*. New York, Leicester University Press.

36. Pearson I.L.G. 2010. *In the name of oil: Anglo-American relations in the Middle East, 1950–1958*. Brighton, Sussex Academic Press.

37. Petersen T.T. 2010. *Challenging retrenchment: The United States, Great Britain and the Middle East, 1950–1980*. Trondheim, Tapir Akademisk Forlag.

38. Petersen T.T. 2006. *The decline of the Anglo-American Middle East, 1961–1969: A willing retreat*. Brighton, Portland, Sussex Academic Press.

39. Pieragostoni K. 1991. *Britain, Aden, and South Arabia: Abandoning empire*. London, Macmillan.

40. Roucek J.S. 1968. Britain's retreat from Aden and East of Suez. *Il Politico*, vol. 33, no. 2, pp. 413–426.

41. Smith S.C. 2017. Failure and success in state formation: British policy towards the Federation of South Arabia and the United Arab Emirates. *Middle Eastern Studies*, vol. 53, no. 1, pp. 84–97. DOI: 10.1080/00263206.2016.1196667.

42. Thomas G.P. 1998. *Prime minister and cabinet today*. Manchester, New York, Manchester University Press.

43. Torrey G.H. 1965. Nasser's Egypt. *Current History*, vol. 48, no. 285, pp. 290–295.

44. Vaughan J. 2002. Propaganda by proxy? Britain, America, and Arab radio broadcasting, 1953–1957. *Historical Journal of Film, Radio and Television*, vol. 22, no. 2, pp. 158–172. DOI: 10.1080/01439680220133774.

45. Von Bismarck H. 2013. *British policy in the Persian Gulf, 1961–1968: Conceptions of informal empire*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

46. Walker J. 2014. *Aden insurgency: The savage war in South Arabia, 1962–67*. London, Pen & Sword Military.

47. Yaqub S. 2004. *Containing Arab nationalism: The Eisenhower doctrine and the Middle East*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press.

Статья поступила в редакцию 26.02.2025;
одобрена после рецензирования 23.05.2025;
принята к публикации 09.07.2025

The paper was submitted 26.02.2025;
approved after reviewing 23.05.2025;
accepted for publication 09.07.2025

ТЕМА В ФОКУСЕ:
НОВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ Д. ТРАМПА

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-48-86

Научная статья / Research paper

О.М. Александрия, А.Г. Савельев*

**НОВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ Д. ТРАМПА
И ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ США**

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Каждая новая американская администрация принимает и публикует ряд важных документов, в которых отражены официальные взгляды руководства страны на наиболее актуальные проблемы внешней и внутренней политики Соединенных Штатов. Среди подобных проблем государственного уровня далеко не последнее место занимают вопросы войны и мира, оценки угроз и вызовов международной безопасности, роли военной силы и ядерного оружия в ее обеспечении и целый ряд других. При этом каждая новая администрация так или иначе корректирует взгляды своих предшественников на названные проблемы, особенно если те принадлежат к другой политической партии. Настоящая интрига сложилась в этой

* *Александрия Ольга Михайловна* — кандидат политических наук, доцент, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru); *Савельев Александр Георгиевич* — доктор политических наук, главный научный сотрудник центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: saveliev@imemo.ru).

связи с приходом в 2025 г. к власти в США Д. Трампа. Для того чтобы приблизиться к пониманию контуров обновленной стратегии США в сфере международной безопасности, оценить степень ее возможной преемственности по отношению к подходам предыдущих администраций, авторы провели последовательный сравнительный анализ ключевых документов американского политико-военного планирования по нескольким основным параметрам: 1) как в них оценивается международная обстановка в целом; 2) какими видятся основные угрозы и вызовы безопасности; 3) кто рассматривается в качестве вероятных противников США; 4) как оценивается роль ядерного оружия в политике безопасности США; 5) как трактуются проблемы стратегической стабильности и стратегического сдерживания; 6) какие требования предъявляются к ядерным силам США; 7) какие приоритеты ставятся в рамках программ модернизации ядерных сил; 8) какую позицию они занимают по проблеме контроля над ядерными вооружениями. Авторы приходят к выводу, что новая администрация Д. Трампа, безусловно, внесет определенные изменения в документы стратегического планирования США, принятые Дж. Байденом, прежде всего в направлении усиления роли ядерных вооружений в политике безопасности, равно как и развития систем противоракетной обороны. Основное внимание США будет, вероятно, обращено на Китай, в то время как проблемы, связанные с Россией, станут рассматриваться как носящие менее долгосрочный характер и более поддающиеся урегулированию в интересах Соединенных Штатов. При этом контроль над ядерными вооружениями отойдет на второй план в американской политике, хотя попытки привлечь Китай к этому процессу могут быть продолжены. Запланированные программы модернизации стратегических ядерных сил США останутся неизменными, но могут быть дополнены расширением программ в области противоракетной обороны. В целом политика безопасности США будет носить более жесткий характер и требовать, наряду с прочим, быстрого и эффективного разрешения всех существующих и потенциальных проблем в данной области.

Ключевые слова: США, Стратегия национальной безопасности, стратегическое планирование, ядерные вооружения, стратегическое сдерживание, стратегическая стабильность, противоракетная оборона, контроль над вооружениями, Б. Обама, Д. Трамп, Дж. Байден, Россия, Китай

Для цитирования: Александрия О.М., Савельев А.Г. Новая администрация Д. Трампа и проблемы преемственности стратегического планирования США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 2. С. 48–86. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-48-86.

Olga M. Aleksandriya, Alexander G. Savelyev

**DONALD TRUMP'S NEW ADMINISTRATION
AND CONTINUITY IN U.S. STRATEGIC PLANNING**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Every new U.S. administration adopts and publishes a series of key documents outlining the official stance on the most pressing domestic and foreign policy issues. Among the latter issues of war and peace, the assessment of threats and challenges to international security and the role of military force and nuclear weapons in ensuring it occupy not the last place. At the same time, each succeeding administration inevitably adjusts its predecessors' views on these matters, especially if they belong to a rival political party. In this context, the return of Donald Trump to the U.S. presidency in 2025 creates a special intrigue. To understand both the contours of the updated U.S. strategy in the field of international security and its correlation with the approaches of previous administrations, the authors examine the key American political and military planning documents across the following issue areas: 1) overall assessments of the international situation; 2) perceived major security threats and challenges; 3) likely adversaries of the United States; 4) the role of nuclear weapons in the U.S. security policy; 5) views on strategic stability and strategic deterrence; 6) requirements for the U.S. nuclear forces; 7) priorities within nuclear forces modernization programs; and 8) positions on nuclear arms control. The authors conclude that the new Trump administration will undoubtedly introduce certain modifications to the strategic planning documents adopted under Joe Biden, particularly in terms of strengthening the role of nuclear weapons in security policy and advancing missile defense systems. The strategy's primary focus will likely shift toward China, while Russia-related issues may be deemed less pressing and more manageable in terms of U.S. interests. Meanwhile, nuclear arms control will recede, although efforts to engage China in these activities may continue. Mapped out modernization programs for U.S. strategic nuclear forces will remain intact but could be supplemented by expanded missile defense initiatives. In general, the U.S. security policy is expected to take a more assertive stance, demanding swift and effective resolution of all existing and potential challenges in this domain.

Keywords: United States, National Security Strategy, strategic planning, nuclear weapons, strategic deterrence, strategic stability, missile defense, arms control, Barack Obama, Donald Trump, Joe Biden, Russia, China

About the author: *Olga M. Aleksandriya* — PhD (Political Science), Associate Professor, Dean of the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru); *Alexander G. Savelyev* — Doctor of Sciences (Political Science), Chief Research Fellow at the Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) (e-mail: saveliev@imemo.ru).

For citation: Aleksandriya O.M., Savelyev A.G. 2025. Donald Trump's new administration and continuity in U.S. strategic planning. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 48–86. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-48-86. (In Russ.)

Каждые четыре года, примерно через год после прихода к власти, новая американская администрация принимает и публикует ряд важных документов, в которых отражены официальные взгляды руководства страны на наиболее актуальные проблемы внешней и внутренней политики Соединенных Штатов. Необходимость составления и публикации таких документов регулируется соответствующим законодательством США¹.

Среди подобных проблем государственного уровня далеко не последнее место занимают вопросы войны и мира, оценки угроз и вызовов международной безопасности, роли военной силы и ядерного оружия в ее обеспечении и целый ряд других. Всё это содержится в основополагающем документе в этой сфере — Стратегии национальной безопасности США (National Security Strategy, NSS), которая утверждается американским президентом. Кроме того, ряд связанных с рассматриваемой темой вопросов находят отражение в документах Министерства обороны и иных ведомств, в частности в Стратегии национальной обороны (National Defense Strategy, NDS); Обзоре ядерной политики США (Nuclear Posture Review, NPR); Обзоре по противоракетной обороне (Ballistic Missile Defense Review, BMDR или MDR) и в некоторых других официальных документах.

Каждая новая американская администрация корректирует взгляды своих предшественников на названные проблемы, осо-

¹ См., например: GPRM Modernization Act of 2010: Public Law 111–352, January 4, 2011 // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/111/plaws/publ352/PLAW-111publ352.pdf> (accessed: 30.05.2025).

бенно если те принадлежали к другой политической партии. После выборов 2024 г. в США сложилась именно такая ситуация, которая отнюдь не является уникальной для американской политики. Ведь до нынешней республиканской администрации (Д. Трамп) у власти в США находились демократы (Дж. Байден), а до них — те же республиканцы (Д. Трамп), а еще раньше — опять демократы (Б. Обама) и т. д. И всё же в связи с приходом в 2025 г. к власти в США Д. Трампа в рассматриваемой области сложилась определенная интрига: Д. Трампу уже приходилось корректировать взгляды демократической администрации на проблемы безопасности в начале своего первого срока нахождения у власти (2017–2021) и принимать соответствующие документы. После этого демократическая администрация Дж. Байдена (2021–2025) также приняла аналогичные документы (в основном в 2022 г.). Теперь Д. Трампу в очередной раз предстоит проделать ту же работу, заявив о собственном видении стратегической ситуации, которое может значительно отличаться от взглядов его предшественника, как это уже было сделано ранее.

В этой связи особый интерес представляет анализ проблемы преемственности политико-военного планирования в США, сопоставление взглядов последних администраций на проблематику международной безопасности вообще и роли в ней ядерного фактора — в частности. Последовательный сравнительный анализ ключевых стратегических документов США, начиная с периода президентства Б. Обамы, тем более актуален, что может позволить сформулировать и обосновать некоторые гипотезы касательно возможных будущих шагов новой администрации Д. Трампа.

Следует отметить, что существует весьма значительный объем литературы, посвященный как эволюции внешней политики США, так и аспектам международной безопасности, включающей стратегическую стабильность и роль ядерных вооружений. Условно используемую литературу по теме можно разделить на несколько блоков.

Первый блок посвящен теоретическим основам ядерного сдерживания. В его состав вошли классические работы Л. Фрийдмана [Freedman, 2003], Г. Киссинджера [Kissinger, 1957], которые задают исторический контекст, исследуя трансформацию доктрин сдерживания в условиях биполярности и развивающейся многополярности. Дискуссия о распространении ядерного оружия, отраженная в работе С. Сагана и К. Уолтца [Sagan, Waltz, 2012], остается методологической основой для анализа соответствующих рисков. Современные

аспекты, включая технологические вызовы (такие как киберугрозы, гиперзвуковое оружие), рассмотрены в рамках исследований К. Либера и Д. Пресса [Lieber, Press, 2017], а также Дж. Актона [Acton, 2018], в которых подчеркивается уязвимость систем управления в ядерной инфраструктуре.

Второй блок работ посвящен анализу стратегических документов США. Так, С.Б. Карни и О. Хофф актуализируют дискуссию о контроле над вооружениями в условиях кризиса договорной базы². Особого внимания заслуживают исследования П. Леттова [см., например: Lettow, 2021], посвященные анализу стратегических документов администраций, уже завершивших свой срок нахождения у власти.

Третий блок представлен российской школой исследований американской политики. Труды А.Г. Арбатова [Арбатов, 2018, 2019, 2021], В.З. Дворкина³ [Россия и дилеммы ядерного разоружения, 2012], В.А. Веселова [Веселов, 2021] систематизируют взгляд на доктрины США через призму российско-американских отношений. А.А. Кокошин [Кокошин, 2015], Д.В. Тренин [Trenin, 2004], Т.А. Шаклеина [Шаклеина, 2017] и В.И. Есин [Есин, 2017] фокусируются на дилеммах двустороннего взаимодействия, тогда как О.В. Бондаренко [Бондаренко, 2017], Н.П. Грибин [Грибин, 2017], П. Тебин [Тебин, 2022] анализируют преемственность и изменения в подходах администраций США от Б. Обамы до Дж. Байдена.

Четвертый блок посвящен современным угрозам международной безопасности с точки зрения Соединенных Штатов. Особую роль в исследованиях роли США в растущей конкуренции с Китаем занимают исследования Г. Эллисона [Allison, 2017], в то время как Дж. Най акцентирует важность сетевых взаимодействий, подчеркивая, что культурное влияние и инновации остаются критическими инструментами для сохранения американского лидерства [Nye, 2011]. Э.-М. Слотер предлагает стратегию адаптации внешней политики США к цифровой эпохе [Slaughter, 2017], а Р. Кларк и Р. Кнаке одни из первых систематизировали риски кибератак на критическую инфраструктуру, предсказав эскалацию конфликтов в киберсреде [Clarke, Knaake, 2010]. На данный момент эксперты по всему миру

²Carney B., Hoff O.B. Summarizing the 2022 National Defense Strategy // Lawfare. 18.11.2022. Available at: <https://www.lawfaremedia.org/article/summarizing-2022-national-defense-strategy> (accessed: 30.05.2025).

³Дворкин В.З. Ядерное сдерживание и Договор СНВ-2 // СИП РИА. Доступ: <https://sipria.ru/pdf/ss1711.txt> (дата обращения: 30.05.2025).

ожидают новой редакции внешнеполитических доктрин США, которые, вероятно, могут затронуть все упомянутые, а также новые аспекты проблематики безопасности.

Для того чтобы приблизиться к пониманию контуров обновленной стратегии США в сфере международной безопасности, понять степень ее возможной преемственности по отношению к подходам предыдущих администраций, представляется целесообразным провести сравнительный анализ ключевых документов американского политико-военного планирования по нескольким основным параметрам, а именно: 1) как в них оценивается международная обстановка в целом; 2) какими видятся основные угрозы и вызовы безопасности; 3) кто рассматривается в качестве вероятных противников США; 4) как оценивается роль ядерного оружия в политике безопасности Вашингтона; 5) как трактуются проблемы стратегической стабильности и стратегического сдерживания; 6) какие требования предъявляются к ядерным силам США; 7) какие приоритеты ставятся в рамках программ модернизации ядерных сил; 8) какую позицию они занимают по проблеме контроля над ядерными вооружениями.

Оценка международной обстановки

В официальных документах администрации Б. Обамы заявлялось о том, что международная обстановка к середине первого срока его нахождения у власти (2010) в целом не вызвала серьезных опасений и развивалась в положительном направлении. Так, в Стратегии национальной безопасности США 2010 г. в этом контексте было сказано следующее: «Круг мирных демократий расширился; призрак ядерной войны развеялся; крупные державы находятся в мире; мировая экономика выросла; торговля соединила судьбы наций воедино; и всё больше людей могут сами определять свою судьбу»⁴.

Республиканская администрация Д. Трампа кардинально пересмотрела подходы предшественника к вопросам оценки международной обстановки, характера вызовов и угроз безопасности США и их союзников. В открытой части Стратегии национальной обороны, опубликованной в 2018 г., прямо сказано: «Сегодня мы выходим из периода стратегической атрофии, осознавая, что наше

⁴ National Security Strategy, May 2010 // U.S. Department of Defense. P. 1. Available at: https://policy.defense.gov/portals/11/Documents/hdasa/references/national_security_strategy_2010.pdf (accessed: 30.05.2025).

конкурентное военное преимущество ослабевает. Мы сталкиваемся с растущим глобальным беспорядком, характеризующимся упадком давнего международного порядка, основанного на правилах, что создает обстановку безопасности более сложную и изменчивую, чем та, которую мы переживали в последнее время»⁵. В Обзоре ядерной стратегии США 2018 г. также говорится о «значительном и быстром» ухудшении международной обстановки в области безопасности⁶.

При этом первая администрация Д. Трампа возлагала прямую вину за просчеты американской политики в сфере безопасности в предыдущий период на демократическую администрацию, которая исходила из предпосылок о том, что «взаимодействие с соперниками и их включение в международные институты и глобальную торговлю превратит их в добросовестных субъектов и надежных партнеров». В Стратегии национальной безопасности 2017 г. об этом прямо сказано: «По большей части эта предпосылка оказалась ложной»⁷.

Интересно отметить, что официальные документы администрации Дж. Байдена рисовали даже более мрачную картину состояния международной обстановки, чем документы предыдущей республиканской администрации. Несмотря на то что, по ее мнению, на начало 2020-х годов в целом стратегическая обстановка в мире пока не определилась, это десятилетие XXI в. может стать решающим в плане всей картины международных отношений на перспективу: «Сейчас мы находимся в первых годах решающего десятилетия для Америки и всего мира. Будут установлены условия геополитической конкуренции между крупными державами. Окно возможностей для борьбы с общими угрозами, такими как изменение климата, резко сократится. Действия, которые мы предпримем сейчас, определяют,

⁵ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge // U.S. Department of Defense. P. 1. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 30.05.2025).

⁶ Nuclear Posture Review, February 2018 // U.S. Department of Defense. P. 13. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed: 30.05.2025).

⁷ National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // The White House. P. 3. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 30.05.2025).

будет ли этот период известен как эпоха конфликтов и разногласий или как начало более стабильного и процветающего будущего»⁸.

В ряде случаев в документах администрации Дж. Байдена международная обстановка характеризовалась как «критическая», что не исключало даже реального применения ядерного оружия в тех или иных условиях. В Стратегии национальной безопасности США отмечается, что страна должна быть в состоянии сдерживать обычную агрессию, которая может перерасти в применение ядерного оружия любого масштаба⁹.

В документах подчеркивается, что в течение двух следующих десятилетий страна будет сталкиваться «со стратегическими проблемами, обусловленными сложным взаимодействием между быстро меняющимся глобальным балансом военных потенциалов» и с рядом других вызовов. В свою очередь эти вызовы включают «новые технологии; доктрины конкурентов, представляющие новые угрозы для США и стратегической стабильности; эскалацию принудительной и злонамеренной деятельности конкурентов в “серой зоне” и трансграничные вызовы, предъявляющие новые требования к Объединенным силам и оборонной промышленности»¹⁰.

Что касается «новой» администрации Д. Трампа, то можно предположить, что всю ответственность за ухудшение международной обстановки в первой половине 2020-х годов она возложит на Дж. Байдена и его демократическую администрацию¹¹. Авторы считают, что даже при минимальных «достижениях» по урегулированию российско-украинского конфликта Д. Трамп заявит о значительном прогрессе в укреплении международной безопасности, достигнутом

⁸ National Security Strategy, October 2022 // The White House. P. 3. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 30.05.2025).

⁹ Ibid. P. 22.

¹⁰ 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. P. 12. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed: 30.05.2025).

¹¹ Hoft J. Marco Rubio exposes Biden regime's cover-up: Taliban holds more American hostages than reported — Calls for massive bounties on their leadership // Gateway Pundit. 26.01.2025. Available at: <https://www.thegatewaypundit.com/2025/01/marco-rubio-exposes-biden-regimes-cover-up-taliban/> (accessed: 30.05.2025); Трамп обвинил администрацию Байдена в ухудшении отношений США и России // ТАСС. 14.03.2025. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23400795> (дата обращения: 30.05.2025).

его администрацией, и о серьезных перспективах положительного разрешения данной проблемы. При этом общее состояние международной обстановки будет оцениваться более оптимистично, чем это сделал его предшественник. Всё это должно быть отражено в Стратегии национальной безопасности США и других документах стратегического планирования, которые предположительно будут приняты в начале 2026 г.

Угрозы и вызовы безопасности

В документах стратегического планирования администрации Б. Обамы прямо было указано, что основные угрозы безопасности США проистекали от терроризма и распространения ядерного оружия: «Как ясно дал понять президент Обама, сегодня самой непосредственной и крайней опасностью является ядерный терроризм. Другая серьезная угроза сегодняшнего дня — распространение ядерного оружия»¹². При этом заявленные угрозы со стороны так называемых растущих держав перестали быть актуальными на рассматриваемый период. Об этом, в частности, было сказано и в Обзоре противоракетной обороны США 2010 г.: «Сегодня только Россия и Китай имеют возможность нанести масштабный удар баллистическими ракетами по территории США, но это весьма маловероятно и не находится в центре внимания ПРО США»¹³. Некоторую обеспокоенность Вашингтона вызывали программы модернизации ядерного арсенала КНР, но этот фактор находился далеко не на первом месте в числе вызовов и угроз безопасности Соединенных Штатов в начале 2010-х годов. В этом же документе выражалась надежда на установление «стабильных» стратегических отношений как с Россией, так и с Китаем.

Республиканская администрация Д. Трампа достаточно резко изменила свою точку зрения на спектр угроз и вызовов безопасности, равно как и на приоритеты политики безопасности Соединенных Штатов в целом. Теперь на первое место среди этих угроз и вызовов вышли Россия, Китай и Северная Корея. В Обзоре ядерной

¹² Nuclear Posture Review Report, April 2010 // U.S. Department of Defense. P. iv. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (accessed: 30.05.2025).

¹³ Ballistic Missile Defense Review Report, February 2010 // U.S. Department of Defense. P. 4. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/BMDR/BMDR_101_MASTER_2_Feb.pdf (accessed: 30.05.2025).

политики США 2018 г. в этой связи указывалось: «В то время как Соединенные Штаты продолжают сокращать количество и значимость ядерного оружия, другие, включая Россию и Китай, движутся в противоположном направлении. <...> Россия и Северная Корея повысили значимость ядерных сил в своих стратегиях и планах и создают всё более явные ядерные угрозы. Наряду с Китаем они также демонстрируют всё более агрессивное поведение в космическом и киберпространстве»¹⁴. В Стратегии национальной безопасности США 2017 г. этот тезис повторяется: «Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаются подрвать американскую безопасность и процветание»¹⁵. В Стратегии национальной обороны США 2018 г. утверждалось, что «Китай является стратегическим конкурентом, использующим хищническую экономику для запугивания своих соседей, одновременно милитаризуя объекты в Южно-Китайском море. Россия нарушила границы соседних стран и обладает правом вето на экономические, дипломатические решения и решения в области безопасности своих соседей»¹⁶. А согласно Обзору по противоракетной обороне 2019 г. «Россия считает Соединенные Штаты и Организацию Североатлантического договора (НАТО) главной угрозой своим современным ревизионистским геополитическим амбициям и регулярно проводит учения с имитацией ядерных ударов по территории США»¹⁷.

В Обзоре ядерной политики США 2018 г. поднимался вопрос и о якобы существующей в РФ концепции «эскалации для деэскалации» ядерного конфликта, которая повышает риск опасных просчетов и масштабирования угроз. В документе отмечалось, что Россия стремится обеспечить реализацию своих стратегий и доктрин с помощью всесторонней модернизации ядерного арсенала и развертывания большего количества боеголовок¹⁸.

Если администрация Д. Трампа концентрировала свое внимание на растущих угрозах, исходящих от целого ряда государств (Китай,

¹⁴ Nuclear Posture Review, February 2018... P. V.

¹⁵ National Security Strategy of the United States of America, December 2017... P. 2.

¹⁶ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge... P. 1.

¹⁷ 2019 Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. P. II. Available at: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf (accessed: 30.05.2025).

¹⁸ Nuclear Posture Review, February 2018... P. 9.

России, Северной Кореи и Ирана), то в документах администрации Дж. Байдена Россия однозначно была поставлена на первое место среди всех остальных. В этой связи в Обзоре ядерной стратегии 2022 г. утверждается: «Вторжение России в Украину подчеркивает, что ядерная опасность сохраняется и может расти во всё более конкурентном и нестабильном геополитическом ландшафте. Неспровоцированное и незаконное вторжение Российской Федерации в Украину в 2022 г. является суровым напоминанием о ядерном риске в современном конфликте. Российские лидеры ясно дали понять, что они рассматривают это оружие как щит, за которым можно вести неоправданную агрессию против своих соседей. Безответственные заявления и действия России повышают риск преднамеренной или непреднамеренной эскалации»¹⁹.

В некоторых случаях, однако, всё же делались обобщения, касавшиеся всех соперников США. В частности, в Стратегии национальной обороны, принятой при администрации Дж. Байдена, сказано: «Наши основные конкуренты продолжают расширять и диверсифицировать свой ядерный потенциал, включая новые и дестабилизирующие системы, а также неядерные возможности, которые могут быть использованы для проведения стратегических атак. Они не проявили особого интереса к сокращению своей зависимости от ядерного оружия. Напротив, Соединенные Штаты сосредоточены на своевременной замене устаревших систем, срок службы которых быстро приближается к концу»²⁰.

В Стратегии национальной безопасности 2022 г. также утверждается, что наиболее серьезный стратегический вызов исходит от авторитарных держав-ревизионистов. В документе, в частности, Россия названа «непосредственной угрозой для свободной и открытой международной системы», а Китай — структурным конкурентом США, который стремится изменить международный порядок²¹.

Оценивая перспективы развития ситуации в области безопасности, администрация Дж. Байдена заключала: «К 2030-м годам Соединенные Штаты впервые в своей истории столкнутся с двумя крупными ядерными державами в качестве стратегических конкурентов и потенциальных противников. Это создаст новые акценты на

¹⁹ 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review... P. 1.

²⁰ Ibid. P. 2.

²¹ National Security Strategy, October 2022... P. 8.

стабильности и новые вызовы для сдерживания, гарантий, контроля над вооружениями и снижения рисков»²².

Мы считаем, что на первое место среди угроз национальной безопасности США новая администрация Д. Трампа выдвинет наращивание некоторыми государствами своих ядерных арсеналов. Речь будет идти прежде всего о Китае и Северной Корее. Вполне вероятно, что в данном контексте США не станут «ставить на одну доску» Россию и Китай, тем самым сняв тезис Дж. Байдена о равнозначности этих двух стран как «стратегических конкурентов и потенциальных противников» Соединенных Штатов уже в ближайшей перспективе²³.

Вероятные противники

В документах администрации Б. Обамы напрямую не назывались вероятные противники страны. Это относилось не только к конкретным государствам, но и к террористическим группам и организациям, признанным «террористическими». В этих документах речь идет о терроризме как таковом и об угрозе распространения ядерного оружия. В частности, в Стратегии национальной безопасности США 2010 г. указано: «Американский народ не сталкивается с большей или более неотложной опасностью, чем террористическая атака с применением ядерного оружия. А международному миру и безопасности угрожает распространение, которое может привести к обмену ядерными ударами»²⁴. В Обзоре ядерной стратегии США 2010 г. присутствовало и еще одно важное заявление, касавшееся РФ: «Россия не является врагом и всё больше становится партнером в противостоянии распространению и другим возникающим угрозам»²⁵.

Республиканская администрация Д. Трампа, как и предыдущая администрация Б. Обамы, избегала обозначать те или иные страны в качестве «вероятных противников» США. Тем не менее в своих

²² 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review... P. 4.

²³ Trump downplays China-Russia-Iran nuclear talks, says they may discuss 'de-escalation' // The North Atlantic League. 13.03.2025. Available at: <https://www.thenorthatlanticleague.com/2025/03/13/trump-downplays-china-russia-iran-nuclear-talks-says-they-may-discuss-de-escalation/> (accessed: 30.05.2025).

²⁴ National Security Strategy, May 2010... P. 23.

²⁵ Nuclear Posture Review Report, April 2010... P. 15.

документах стратегического планирования она уделяла значительное место характеристикам ряда стран с точки зрения их военных программ и политических решений как представляющих определенную угрозу Соединенным Штатам и их союзникам. Так или иначе, в данном контексте речь шла о четырех государствах: Китае, России, Северной Корее и Иране. Две последние характеризовались как «государства-изгои». Так, в Стратегии национальной обороны 2018 г. утверждалось, что государства-изгои, такие как Северная Корея и Иран, несут ответственность за региональную дестабилизацию, «стремясь к ядерному оружию и спонсируя терроризм». Как заявлено в документе, они запугивают своих соседей, «формируя дугу влияния и нестабильности»²⁶.

Значительная часть названных документов администрации Д. Трампа была посвящена характеристикам программ и действий Китая и России. Так, в отношении РФ в Обзоре ядерной стратегии США 2018 г. наряду с прочим было отмечено: «Растущая зависимость России от ядерного потенциала, включая угрозы, программы ядерной модернизации, отказ вести переговоры о каких-либо ограничениях на ее нестратегические ядерные силы, а также ее решение нарушить Договор о РСМД и другие обязательства — всё это ясно указывает на то, что Россия отвергла неоднократные призывы США по сокращению значимости, роли и количества ядерного оружия». Тем не менее в том же Обзоре было сказано, что «Соединенные Штаты не хотят рассматривать ни Россию, ни Китай в качестве противника и стремятся к стабильным отношениям с обеими сторонами»²⁷.

Демократическая администрация Дж. Байдена, как и ее предшественники, в своих документах старалась избегать жестких определений в адрес России и Китая как «противников» США. Так, РФ была «переведена» в категорию «соперников», а КНР — в «проблему» и также — в «соперника». Об этом, в частности, сказано в Обзоре ядерной политики США 2022 г.: «Россия остается соперником США с самыми мощными и разнообразными ядерными силами. <...> Китайская Народная Республика является общей проблемой для

²⁶ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge... P. 2.

²⁷ Nuclear Posture Review, February 2018... P. VI.

оборонного планирования США и растущим фактором в оценке нашего ядерного сдерживания»²⁸.

Тем не менее этот и другие документы дают ясно понять, что именно Россия и Китай рассматривались демократической администрацией США в качестве «вероятных противников», несмотря на попытки охарактеризовать политику и действия данных стран на мировой арене в различных модальностях. Подтверждением данного вывода является одно из положений Стратегии национальной обороны США 2022 г., в которой отмечается: «КНР и Россия в настоящее время создают более серьезные проблемы для безопасности страны, даже несмотря на то что террористические угрозы сохраняются»²⁹.

Можно предположить, что и в данном случае новая администрация Д. Трампа попытается диверсифицировать свою политику безопасности в отношении России и Китая, дав различные характеристики этим двум странам. Скорее всего, ни одна из них не будет названа «потенциальным противником» США, но если Китай будет оставлен в категории «соперника», то Россия может быть «понижена» в своем статусе до «проблемы». При этом она вряд ли будет охарактеризована как конкурент Соединенных Штатов³⁰.

Роль ядерного оружия

Администрация Б. Обамы в своих официальных документах заявляла о снижении роли ядерного оружия в обеспечении безопасности Соединенных Штатов. В Обзоре ядерной политики США 2010 г. прямо говорилось: «Соединенные Штаты будут продолжать снижать эту роль в сдерживании неядерных нападений. С этой целью Соединенные Штаты готовы укрепить свои «негативные гарантии безопасности»³¹. Тем самым Вашингтон официально заявил, что не будет применять ядерное оружие или угрожать его применением против государств, не обладающих им, которые являются участниками Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и соблюдают свои обязательства по ядерному нераспространению.

²⁸ 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review... P. 4, 11.

²⁹ Ibid. P. 5.

³⁰ What's the strategy behind Trump's pivot to Russia? // The Washington Post. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2025/03/11/trump-russia-ukraine-reverse-kissinger/> (accessed: 30.05.2025).

³¹ Nuclear Posture Review Report, April 2010... P. viii.

При этом считалось, что стратегия применения ядерного оружия должна «наилучшим образом» соответствовать пяти ключевым позициям США в этом отношении, изложенным в данном документе:

- 1) предотвращать ядерное распространение и ядерный терроризм;
- 2) снижать роль ядерного оружия в Стратегии национальной безопасности США;
- 3) поддерживать стратегическое сдерживание и стабильность при пониженных уровнях ядерных сил;
- 4) усиливать региональное сдерживание и предоставлять гарантии союзникам и партнерам США;
- 5) поддерживать безопасный, надежный и эффективный ядерный арсенал³².

В документах администрации Б. Обамы подчеркивалось, что Соединенные Штаты пока не готовы принять универсальную политику, согласно которой сдерживание ядерного нападения является единственной целью ядерного оружия, но будут работать над созданием условий, при которых такая политика могла бы быть принята без угрозы для безопасности США³³.

Администрация Д. Трампа радикально пересмотрела свое отношение к роли ядерного оружия, выдвинув на первый план совершенно другие цели и приоритеты. Эта роль была определена в Обзоре ядерной политики США 2018 г. В нем утверждалось: «Наивысшим приоритетом ядерной политики и стратегии США является сдерживание потенциальных противников от ядерного нападения любого масштаба»³⁴. Однако сдерживание ядерного нападения не является единственной целью ядерного оружия. В данном случае речь шла о разнообразии угроз и большой неопределенности стратегической ситуации как в настоящее время, так и в будущем. В этой связи за ядерными силами США признавалась важнейшая роль в Стратегии национальной безопасности США, включая:

- сдерживание ядерного и неядерного нападения;
- завершение союзников и партнеров;
- достижение целей США в случае неудачи сдерживания;
- поддержание гарантий от неопределенностей в будущем.

³² Report on Nuclear Employment Strategy of the United States. Specified in section 491 of 10, U.S.C. // Federation of American Scientists. Military Analysis Network. 12.06.2013. P. 1. Available at: <https://man.fas.org/eprint/employ.pdf> (accessed: 30.05.2025).

³³ Nuclear Posture Review Report, April 2010... P. viii.

³⁴ Nuclear Posture Review, February 2018... P. VII.

Что касается союзников и партнеров США, то отмечалось, что американский ядерный арсенал предоставляет гарантии более чем 30 странам, «помогает обеспечить их безопасность и уменьшает их потребность в обладании собственным ядерным потенциалом»³⁵.

С точки зрения основных задач ядерного оружия, которые оно должно выполнять в рамках стратегии США, администрация Дж. Байдена не внесла почти ничего нового в тот перечень, который был утвержден предыдущей администрацией Д. Трампа. В Обзоре ядерной политики США 2022 г. сказано: «Пока существует ядерное оружие, его фундаментальная роль заключается в сдерживании ядерного нападения на Соединенные Штаты, наших союзников и партнеров. Соединенные Штаты будут рассматривать возможность применения ядерного оружия только в экстремальных обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов Соединенных Штатов или их союзников и партнеров»³⁶.

Администрация Дж. Байдена исключила из приведенного перечня пункт о предоставлении «гарантий от неопределенностей в будущем», утвердив положение о том, что «ключевой целью» американской стратегии является снижение роли ядерного оружия. Как указано в Стратегии национальной обороны США 2022 г., «такой подход предлагает разумный путь к устойчивой безопасности и стабильному сдерживанию»³⁷.

Можно предположить с достаточно высокой степенью вероятности, что новая администрация Д. Трампа вернет пункт о «гарантиях от неопределенностей в будущем», как одной из задач ядерных вооружений США. В то же время маловероятно, чтобы «новый Трамп» заявил о снижении роли ядерного оружия в политике безопасности Соединенных Штатов. Скорее всего, эта роль останется неизменной при одновременном усилении сдерживающей роли современных неядерных средств ведения войны, прежде всего с учетом уроков российско-украинского конфликта.

Стратегическая стабильность и сдерживание

В документах стратегического планирования администрации Б. Обамы Россия не ставится в центр внимания в отношении не-

³⁵ Ibid. P. 70.

³⁶ 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review... P. 9.

³⁷ Ibid. P. 3.

обходимости укрепления сдерживания и стратегической стабильности. Что касается Китая и других «проблемных стран», то данный тезис в этих документах присутствует. При этом главное внимание демократической администрации США концентрировалось на перспективах глубоких сокращений ядерных вооружений. Так, в Обзоре ядерной стратегии США 2010 г. было заявлено, что после окончания холодной войны Соединенные Штаты и Россия успешно сократили оперативно развернутое стратегическое ядерное оружие примерно на 75%, но обе страны всё равно сохранили на тот момент существенно больше оружия, чем необходимо для обоюдного сдерживания.

Концентрируя внимание на борьбе с ядерным терроризмом и угрозой распространения ядерного оружия, Обзор всё же содержал важную оговорку: «Это не означает, что наше ядерное сдерживание стало неактуальным. Действительно, пока существует ядерное оружие, Соединенные Штаты будут поддерживать безопасные, надежные и эффективные ядерные силы. Эти ядерные силы будут продолжать играть важную роль в сдерживании потенциальных противников и успокоении союзников и партнеров во всём мире»³⁸.

В Обзоре по противоракетной обороне в отношении Китая было заявлено, что для США поддержание стратегической стабильности с КНР так же важно, как и с другими крупными державами. В этом же документе отмечено: «...и Россия, и Китай неоднократно выражали обеспокоенность тем, что противоракетная оборона США негативно влияет на их собственные стратегические возможности и интересы. Соединенные Штаты будут продолжать привлекать их к обсуждению этого вопроса, чтобы помочь им лучше понять стабилизирующие преимущества противоракетной обороны»³⁹. Здесь же утверждалось, что противоракетная оборона США сосредоточена на региональных игроках, таких как Иран и Северная Корея, при этом она не в состоянии справиться с широкомасштабными российскими или китайскими ракетными атаками и не предназначена для воздействия на стратегический баланс с этими странами⁴⁰.

Администрация Д. Трампа, в отличие от своей предшественницы, поставила задачу укрепления ядерного сдерживания на первое место в своей политике безопасности. При этом главным объек-

³⁸ Nuclear Posture Review Report, April 2010... P. v.

³⁹ Ballistic Missile Defense Review Report, February 2010... P. 12.

⁴⁰ Ibid. P. 13.

том сдерживания выступила Россия. В Обзоре ядерной политики 2018 г. однозначно утверждалось, будто Москва намерена в случае конфликта низкого уровня применить ядерное оружие малой мощности, что снижает порог его первого применения, и «исправление этого ошибочного российского восприятия является стратегическим императивом»⁴¹.

Там же было объявлено, что «эффективное сдерживание США российского ядерного и неядерного стратегического нападения теперь требует обеспечения того, чтобы российское руководство не просчиталось относительно последствий ограниченного применения ядерного оружия первым ни на региональном уровне, ни против самих Соединенных Штатов»⁴². При этом утверждалось: Россия должна понять, что применение ядерного оружия первым, каким бы ограниченным оно ни было, не сможет достичь своих целей, коренным образом изменить характер конфликта, а способно только вызвать «неисчислимы и невыносимые издержки для Москвы»⁴³.

В США сочли важной разработку различных вариантов ядерного сдерживания в зависимости от того, против кого оно направлено. В этой связи в том же Обзоре указано: для того чтобы сдерживание было эффективным, необходимо учитывать особенности потенциальных противников, такие как цели, интересы, сильные стороны, стратегии, уязвимые места, а сама стратегия сдерживания, эффективная против одного потенциального противника, может не сдерживать другого. В документе заявлено, что, хотя стратегии сдерживания не могут предотвратить возможные военные конфликты, «они необходимы для предотвращения ядерного нападения <...> и крупномасштабной агрессии с использованием обычных вооружений»⁴⁴.

Что касается противоракетной обороны США, то в приводимых документах администрации Д. Трампа полностью отрицалось ее дестабилизирующее влияние. Ссылки при этом делались на ограниченный характер стратегической ПРО и ее направленность на перехват маломасштабных ударов со стороны Северной Кореи и Ирана. Так, в Стратегии национальной безопасности 2017 г. указано: «Соединенные Штаты развертывают эшелонированную систему

⁴¹ Nuclear Posture Review, February 2018... P. XII.

⁴² Ibid. P. 30.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid. P. III.

противоракетной обороны, ориентированную на Северную Корею и Иран, чтобы защитить нашу родину от ракетных атак. Эта система будет включать способность отражать ракетные угрозы до запуска. Усиленная противоракетная оборона не предназначена для подрыва стратегической стабильности или нарушения давних стратегических отношений с Россией или Китаем»⁴⁵.

Демократическая администрация Дж. Байдена переняла ряд положений ядерной политики своих предшественников: у администрации Б. Обамы — роль неядерных вооружений в сдерживании, у Д. Трампа — «индивидуальный» подход к сдерживанию.

Что касается неядерных вооружений, то, в отличие от политики Б. Обамы, предполагавшей передачу некоторых функций сдерживания от ядерных к неядерным силам, подход Дж. Байдена предполагал дополнение ядерного сдерживания неядерным. В Обзоре ядерной политики США 2022 г. этот аспект прописан достаточно ясно: «Прагматичный подход к комплексному сдерживанию будет направлен на определение того, как Объединенные силы могут сочетать ядерный и неядерный потенциал взаимодополняющими способами, которые используют уникальные атрибуты многодоменного набора сил для обеспечения целого ряда вариантов сдерживания»⁴⁶.

Политика сдерживания получила дальнейшее развитие в стратегии Дж. Байдена: «Ключевой целью комплексного сдерживания является разработка индивидуальных вариантов, которые формируют восприятие противником выгод и издержек. Роль ядерного оружия хорошо определена и включена в политику и планы стратегического сдерживания. Центральное место в стратегии сдерживания США занимает доверие к нашим ядерным силам, чтобы держать под угрозой то, что руководство противника ценит больше всего. Эффективное сдерживание — и восстановление сдерживания, если это необходимо, — требует индивидуальных стратегий для потенциальных противников, которые отражают наше понимание их принятия решений и восприятия»⁴⁷.

Непосредственными объектами сдерживания, как следует из приводимых американских документов администрации Дж. Байдена, являются четыре государства: Китай, Россия, Северная Корея

⁴⁵ National Security Strategy of the United States of America, December 2017... P. 8.

⁴⁶ 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review... P. 10.

⁴⁷ Ibid. P. 11.

и Иран. При этом особое внимание уделено первым двум. Как сказано в Стратегии национальной обороны США 2022 г., «Соединенные Штаты, их союзники и партнеры будут всё чаще сталкиваться с проблемой сдерживания двух крупных держав с современным и разнообразным ядерным потенциалом — КНР и России, что создает дополнительное давление на стратегическую стабильность»⁴⁸. Аналогичные утверждения присутствовали и в ряде других документов стратегического планирования администрации Дж. Байдена: Стратегии национальной безопасности США 2022 г.⁴⁹, Обзоре противоракетной обороны США 2022 г.⁵⁰ и др. Относительно проблемы укрепления стратегической стабильности демократическая администрация в основном предполагала искать ее решение в сфере контроля над вооружениями, о чем будет сказано далее.

Мы полагаем, что в документах новой администрации США важное место могут занять вопросы неядерного («предъядерного») сдерживания, объектами которого выступают те же страны, что и ранее: Китай, Россия, Иран и Северная Корея. Вместе с тем «индивидуальный» подход к сдерживанию может быть усилен, а главное внимание США будет переключено с Москвы на Пекин. Что касается укрепления стратегической стабильности, то эта проблема вряд ли станет центром внимания новой администрации Д. Трампа⁵¹.

Требования к ядерным силам США и условия их применения

В документах стратегического планирования администрации Б. Обамы не акцентировался вопрос о том, в каких конкретно условиях Соединенные Штаты будут готовы применить ядерное оружие. В Обзоре ядерной политики 2010 г. по этому поводу было сказано: «Соединенные Штаты будут рассматривать применение ядерного оружия только в экстремальных обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов США или их союзников и партнеров. Соединенные Штаты не будут применять ядерное оружие или угрожать его применением против государств, не обладающих им, которые

⁴⁸ Ibid. P. 4.

⁴⁹ National Security Strategy, October 2022... P. 22.

⁵⁰ 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review... P. 2.

⁵¹ What's the strategy behind Trump's pivot to Russia? // The Washington Post. 11.03.2025. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2025/03/11/trump-russia-ukraine-reverse-kissinger/> (accessed: 30.05.2025).

являются участниками ДНЯО и соблюдают свои обязательства по ядерному нераспространению»⁵².

Как отмечалось ранее, основное внимание было сосредоточено на снижении роли ядерного оружия в политике сдерживания, сокращении уровня оперативной готовности, анализе перспектив ядерного разоружения и других сопутствующих аспектах. Так, в том же Обзоре 2010 г. подчеркивалась необходимость сохранения стратегической триады (тяжелые бомбардировщики, атомные подводные лодки с баллистическими ракетами и межконтинентальные баллистические ракеты (МБР)) в неизменном виде. При этом особое внимание предполагалось уделить предотвращению несанкционированного или случайного применения ядерного оружия, а также увеличению времени принятия президентом США решения по такому применению. Эти шаги должны включать:

- продолжение практики «наведения на открытый океан» всех МБР и БРПЛ⁵³;
- дальнейшее совершенствование и укрепление системы командования и управления для максимального увеличения времени принятия президентских решений в условиях ядерного кризиса;
- изучение новых способов базирования МБР, которые повышают живучесть и еще больше уменьшают любые стимулы для их быстрого запуска⁵⁴.

В Стратегии национальной безопасности США 2010 г. термин «применение ядерного оружия» (*use of nuclear weapons*) вообще отсутствовал. В этом документе содержалось общее упоминание о возможном «использовании силы»⁵⁵, но не ядерного оружия конкретно. При этом был ряд оговорок, обуславливавших такое использование: «Соединенные Штаты должны оставить за собой право действовать в одностороннем порядке, если это необходимо для защиты нашей нации и наших интересов, но мы также будем стремиться придерживаться стандартов, регулирующих применение силы»⁵⁶. Там же сказано о том, что «хотя применение силы иногда необходимо, до этого мы должны исчерпать все другие варианты, какие сможем,

⁵² Nuclear Posture Review Report, April 2010... P. ix.

⁵³ Баллистические ракеты подводных лодок. — *Прим. ред.*

⁵⁴ *Ibid.* P. 27.

⁵⁵ National Security Strategy, May 2010... P. 22.

⁵⁶ *Ibidem.*

и тщательно взвесить все издержки и риски как наших действий, так и нашего бездействия»⁵⁷.

В Обзоре ядерной политики США администрации Д. Трампа (2018) прямо было заявлено: «Соединенные Штаты будут рассматривать применение ядерного оружия только в экстремальных обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов США, их союзников и партнеров. Тем не менее, если сдерживание потерпит неудачу, Соединенные Штаты будут стремиться положить конец любому конфликту на минимально возможном уровне ущерба и на наилучших достижимых условиях для Соединенных Штатов, союзников и партнеров. Ядерная политика США на протяжении десятилетий последовательно включала цель ограничения ущерба в случае неудачи сдерживания»⁵⁸.

В отношении последнего утверждения об «ограничении ущерба» отметим, что ранее, по крайней мере после окончания холодной войны, подобная цель ядерной политики США открыто не декларировалась. Речь в большинстве случаев шла о прекращении конфликта на выгодных для США условиях. Более того, считалось, что в случае возникновения глобальной ядерной войны ограничить собственный ущерб практически невозможно, в связи с чем и США, и Россия, и другие страны заявляли о невозможности победы в такой войне. Попытки же выдвинуть подобную задачу для ядерных сил однозначно считались как ослабление сдерживания, подрыв стратегической стабильности и практическая подготовка к ядерной агрессии⁵⁹.

Тем не менее и в других документах администрации Д. Трампа присутствовал тезис о задаче по ограничению ущерба, которая возлагается как на ядерные силы, так и на ПРО. Например, в Обзоре противоракетной обороны США 2019 г. отмечалось: «Если потенциальные противники просчитаются и сдерживание потерпит неудачу, противоракетная оборона ограничит количество боеголовок ракет противника, которые могут поразить цели. Это имеет решающее значение для защиты территориальной целостности Соединенных

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Nuclear Posture Review, February 2018... P. VIII.

⁵⁹ Сушенцов А. Ядерное сдерживание в эпоху гибридных войн: Россия и Запад на пороге глобальных перемен // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 11.11.2024. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/yadernoe-sderzhivanie-v-epokhu-gibridnykh-voyn/> (дата обращения: 30.05.2025).

Штатов, спасения жизней, ограничения ущерба критически важной инфраструктуре и обеспечения оперативного успеха в региональном конфликте»⁶⁰. При этом утверждалось, что ПРО может выполнять стабилизирующие функции: «Способности противоракетной обороны предоставляют США, союзникам и партнерам возможность предотвращать или ограничивать ущерб от наступательного ракетного удара противника. Они предоставляют дополнительную возможность для наступательных ударов, чтобы предотвратить ущерб Соединенным Штатам, их развернутым силам, союзникам и партнерам»⁶¹.

В целом администрация Д. Трампа выдвигала требования по сохранению и укреплению стратегической триады, расширению взаимодействия стратегических и нестратегических ядерных сил, обретению этими силами «гибких и устойчивых» возможностей для выполнения поставленных перед ними задач. Как отмечалось в Обзоре ядерной политики США 2018 г., «для этого Соединенные Штаты будут поддерживать и заменять свой ядерный потенциал, модернизировать систему управления и связи в ядерных силах, укреплять интеграцию ядерного и неядерного военного планирования. <...> Соединенные Штаты будут координировать интеграционную деятельность с союзниками, сталкивающимися с ядерными угрозами, и изучать возможности для дополнительного распределения бремени миссии ядерного сдерживания между союзниками»⁶².

Основные требования, предъявлявшиеся администрацией Дж. Байдена к ядерным силам, а также условия их применения были изложены в Обзоре ядерной стратегии США 2022 г.⁶³ Одни из таких требований — «гибкость» и усиление взаимодействия как между стратегическими и нестратегическими силами, так и с неядерным компонентом вооруженных сил Соединенных Штатов. Усилению взаимодействия с «союзниками и партнерами» США по данному направлению также уделяется большое внимание. В Обзоре эта задача сформулирована следующим образом: «В таких обстоятельствах мы также должны быть готовы в полной мере использовать другие

⁶⁰ 2019 Missile Defense Review... P. V.

⁶¹ Ibid. P. VI.

⁶² Nuclear Posture Review, February 2018... P. VIII.

⁶³ 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review... P. 20, 23.

инструменты национальной мощи и возможности, которые могут предоставить наши союзники и партнеры»⁶⁴.

С точки зрения перспектив в Обзоре указано: «Соединенные Штаты будут продолжать развивать гибкие ядерные силы, подходящие для сдерживания региональных ядерных конфликтов, включая способность к передовому развертыванию стратегических бомбардировщиков, истребителей двойного назначения и ядерного оружия в регионе и во всём мире»⁶⁵.

Важным требованием к ядерным силам США является снижение опасности «непреднамеренной эскалации». Речь идет о риске случайного или несанкционированного применения ядерного оружия, как об этом говорилось в соответствующих документах предыдущей администрации Д. Трампа. По этому поводу в Обзоре ядерной политики 2022 г. было заявлено, что США реализуют комплексный набор превентивных мер, направленных на минимизацию рисков. В частности, американские МБР находятся в состоянии пониженной оперативной готовности, что рассматривается как ключевой элемент поддержания стратегической стабильности. Там же Соединенные Штаты заявляют об отказе от концепции запуска ракет «во время атаки» (*launch-under-attack*): «...ядерные силы США настроены на то, чтобы выдержать первоначальное нападение»⁶⁶.

Что касается условий применения ядерного оружия, то в Обзоре ядерной политики 2022 г. сохранена позиция о «негативных гарантиях безопасности». Тем не менее при условии, если американский президент решит воспользоваться ядерным оружием, США «будут стремиться положить конец любому конфликту на самом низком уровне ущерба, возможном на наилучших достижимых условиях для Соединенных Штатов и их союзников и партнеров»⁶⁷.

Можно предположить, что новая администрация Д. Трампа вернет в документы стратегического планирования США тезис об ограничении ущерба как одной из задач стратегических ядерных сил и стратегической ПРО Соединенных Штатов. В отношении ПРО, видимо, в очередной раз будет подчеркнута ее «стабилизирующее» влияние на стратегический баланс. Что касается условий применения ядерного оружия, то, скорее всего, прежние формулировки

⁶⁴ Ibid. P. 6.

⁶⁵ Ibid. P. 11.

⁶⁶ Ibid. P. 13.

⁶⁷ Ibid. P. 8.

данного положения останутся неизменными. В любом случае, тезис о неприменении ядерного оружия первыми не будет присутствовать в этих документах даже как отдаленная перспектива или цель, к которой должны стремиться Соединенные Штаты в своей политике в отношении ядерного оружия⁶⁸.

Программы модернизации ядерных сил

Демократическая администрация Б. Обамы в своих подходах к модернизации и дальнейшему строительству ядерных сил исходила из ряда выдвинутых ею базовых принципов. Так, она отказалась от создания, производства и развертывания новых ядерных боезарядов. Основные усилия, по ее мнению, США должны были сосредоточить на программах продления сроков службы (LEPs — *life extension programs*) и модернизации уже существующих образцов. В рамках LEPs США должны были «использовать только ядерные компоненты, основанные на ранее проверенных конструкциях, и не выдвигать новые военные задачи или создавать новые военные возможности»⁶⁹. Наряду с этим политика Б. Обамы предполагала полный отказ от ядерных испытаний и стремление к ратификации и вступлению в силу Договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний.

Документы администрации Б. Обамы не предусматривали создания новых носителей ядерного оружия. Напротив, речь в них шла о дальнейших сокращениях имеющихся на вооружении средств, хотя и при сохранении структуры сил, построенной по схеме «стратегической триады». В Четырехлетнем обзоре обороны, опубликованном в 2014 г., было обозначено, что вероятное сокращение ядерных арсеналов США, обусловленное двусторонними договоренности с Российской Федерацией в области контроля над вооружениями, актуализирует задачу повышения качественных характеристик сохраняемых потенциалов, и в этих условиях критическое значение приобретает обеспечение операционной надежности развернутых

⁶⁸ Miller Z., Price M.L. Trump wants denuclearization talks with Russia and China, hopes for defense spending cuts // The Associated Press. 14.02.2025. Available at: <https://apnews.com/article/trump-china-russia-nuclear-bbc1c75920297f1e5ba5556d084da4de> (accessed: 30.05.2025).

⁶⁹ Nuclear Posture Review Report, April 2010... P. xiv.

систем стратегической триады⁷⁰. В данном случае речь шла о 10-летнем периоде⁷¹.

Что касается перспектив развития ядерных сил США, то именно при администрации Б. Обамы встал вопрос о неуклонном старении существующих средств доставки ядерного оружия. В случае принятия решения о необходимости сохранения и в будущем ядерной триады США потребуются новые системы стратегических вооружений для замены существующих. Речь идет о новой МБР, новой ПЛАРБ⁷² и новом тяжелом бомбардировщике.

Программы модернизации стратегических ядерных сил администрации Д. Трампа в основном были нацелены на продолжение или завершение программ предыдущих администраций, включая администрацию Б. Обамы. Кроме того, было объявлено о разработке и подготовке к развертыванию боеголовки БРПЛ малой мощности. По этому поводу в Обзоре ядерной политики США 2018 г. было обозначено, что в долгосрочной перспективе Соединенные Штаты будут стремиться к созданию БРПЛ с ядерной боеголовкой, используя существующие технологии для обеспечения экономической эффективности⁷³.

Вслед за администрацией Б. Обамы в документах республиканцев также присутствовал тезис о старении ядерной триады США: «...большая часть нашей ядерной инфраструктуры относится к эпохе Второй мировой войны. <...> Значительные инвестиции необходимы для поддержания ядерного арсенала и инфраструктуры США, которые способны противостоять угрозам национальной безопасности в ближайшие десятилетия»⁷⁴.

Одним из важных решений администрации Дж. Байдена в сфере модернизации стратегических ядерных сил стало подтверждение полномасштабной замены триады на новые системы стратегического оружия. В Обзоре ядерной политики США 2022 г. приведен

⁷⁰ Quadrennial Defense Review 2014 // U.S. Department of Defense. P. 32. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (accessed: 30.05.2025).

⁷¹ В 2014 г. вышел последний «Четырехлетний обзор», после чего администрации США перешли к публикациям «Стратегий национальной обороны» — National Defense Strategy (NDS).

⁷² Атомная подводная лодка с баллистическими ракетами. — *Прим. ред.*

⁷³ Nuclear Posture Review, February 2018... P. XII.

⁷⁴ National Security Strategy of the United States of America, December 2017... P. 30.

перечень программ, осуществляемых в интересах стратегических ядерных сил.

Наземные силы. Предусмотрено полное финансирование программы замены МБР «Minuteman-III» на новую ракетную систему «Sentinel» в программе «Будущих лет» на 2023–2027 гг. Замена будет производиться в соотношении 1:1 с общим окончательным количеством в 400 находящихся на боевом дежурстве ракет, оснащенных боеголовками W87-0/Mk21 и W87-1/Mk21A.

Военно-морские силы. Предполагается полностью реализовать программу строительства ПЛАРБ класса «Columbia», предназначенных для замены ПЛАРБ класса «Ohio», начиная с 2030 г.; построить не менее 12 ПЛАРБ подобного класса; утвердить в качестве ближнесрочного приоритета финансирование программы второго продления жизненного цикла БРПЛ «Trident II (D5)»; продолжить программу ядерной боеголовки W93, а также оказать поддержку Великобритании в ее программе замены ядерных боеголовок.

Военно-воздушные силы. Предусмотрено полное финансирование программы строительства тяжелого бомбардировщика B-21 «Raider», предназначенного для замены флота тяжелых бомбардировщиков B-2A (ВВС США закупят не менее 100 таких образцов); модернизация флота тяжелых бомбардировщиков B-52H для их использования в качестве носителей ядерного оружия в период до 2050 г. Заложено финансирование программы «Оружие дальнего противостояния» («Long-Range Standoff weapon») и ассоциированной с ней программы ядерной боеголовки W80-4 для замены существующих крылатых ракет воздушного базирования. В ближнесрочной перспективе планируется произвести оценку потенциала использования существующих возможностей по поражению высокозащищенных и заглубленных целей, а также разработать перспективную систему для выполнения этой задачи.

Другие программы. Предполагается сохранить на вооружении боеголовку низкой мощности W76-2 для БРПЛ и периодически проводить оценку ее вклада в сдерживание; отменить программу ядерной крылатой ракеты морского базирования; продолжить сертификацию самолета F-35A и переход с самолетов F-15E на F-35A для поддержки

ядерных миссий НАТО; провести замену ядерной авиабомбы B61-3/4/7 на авиабомбу с продленным сроком службы B61-12⁷⁵.

Как представляется, новая администрация Д. Трампа в целом продолжит программы модернизации ядерных сил США, принятые его предшественником, возможно, с некоторыми незначительными изменениями. Вместе с тем с определенными оговорками можно предположить, что Д. Трамп поставит вопрос и об усилении систем ПРО США, включая стратегические, вплоть до создания «тонкой» обороны всей территории Соединенных Штатов. При этом речь может идти об интеграции стратегических и нестратегических ПРО США в единую систему обороны⁷⁶.

Контроль над ядерными вооружениями

Демократическая администрация Б. Обамы уделяла достаточно большое внимание контролю над ядерными вооружениями, хотя далеко не во всех документах стратегического планирования эта позиция нашла отражение. Так, «контроль над вооружениями» вообще не упоминался ни в Стратегии национальной безопасности США 2010 г., ни в Обзоре противоракетной обороны 2010 г., ни в Четырехлетнем обзоре обороны 2014 г. Но этот вопрос достаточно полно был освещен в Обзоре ядерной политики США 2010 г.

Поскольку в 2011 г. должен был вступить в силу новый российско-американский договор в области стратегических вооружений (СНВ-3)⁷⁷, в Обзоре было прописано следующее требование к предстоящим сокращениям стратегического арсенала: «Осуществить сокращение ядерных сил США таким образом, чтобы сохранить надежность и эффективность гарантий безопасности нашим союзникам и партнерам. Соединенные Штаты будут консультироваться

⁷⁵ 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review... P. 21.

⁷⁶ Mahar A. 'First, we will defend the homeland': The case for homeland missile defense // Karachi Chronicle. 04.01.2025. Available at: <https://karachichronicle.com/first-we-will-defend-the-homeland-the-case-for-homeland-missile-defense/> (accessed: 30.05.2025).

⁷⁷ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) от 8 апреля 2010 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45179/ (дата обращения: 30.05.2025).

с союзниками и партнерами в разработке своего подхода к переговорам после СНВ»⁷⁸.

В этом же документе уделялось значительное внимание последующим шагам и позиции США в свете выдвинутой Б. Обамой идеи полного ядерного разоружения. В частности, было рекомендовано «провести последующий анализ, чтобы установить цели для будущих сокращений ядерных вооружений ниже уровней, ожидаемых в новом СНВ, одновременно укрепляя сдерживание потенциальных региональных противников, стратегическую стабильность по отношению к России и Китаю и гарантии для наших союзников и партнеров»⁷⁹.

Усилия США должны были преследовать цель «вовлечь Россию после ратификации и вступления в силу нового договора СНВ в переговоры, направленные на достижение существенных дальнейших сокращений ядерных сил и транспарентности, которые охватывали бы всё ядерное оружие — развернутое и неразвернутое, стратегическое и нестратегическое»⁸⁰. Вместе с рядом других рекомендаций в Обзоре 2010 г. было предложено ориентироваться на проверяемую ликвидацию всего ядерного оружия и свести к минимуму риск обмана путем повышения транспарентности и инвестиций в технологии проверки⁸¹.

После заключения нового договора по СНВ можно было бы привлечь к переговорам другие ядерные державы: «После существенных дальнейших сокращений ядерных сил с Россией вовлечь с течением времени другие государства, обладающие ядерным оружием, в многосторонние усилия по ограничению, сокращению и в конечном итоге ликвидации всего ядерного оружия во всём мире»⁸².

В документах стратегического планирования первой администрации Д. Трампа отсутствовали практические рекомендации по дальнейшим шагам в области ядерного разоружения. В них лишь отмечалась приверженность идее полной ликвидации ядерного, биологического и химического оружия, а также выражалась готовность к переговорам, но при соблюдении некоторых условий. Так, в Обзоре ядерной политики США 2018 г. сказано: «Соединенные

⁷⁸ Nuclear Posture Review Report, April 2010... P. xii.

⁷⁹ Ibid. P. xi.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Ibid. P. 48.

⁸² Ibid. P. 47.

Штаты по-прежнему готовы участвовать в разумной повестке дня в области контроля над вооружениями. Мы готовы рассмотреть возможности контроля над вооружениями, которые возвращают стороны к предсказуемости и транспарентности, и оставаться восприимчивыми к будущим переговорам по контролю над вооружениями, если позволят условия и потенциальный результат улучшит безопасность Соединенных Штатов и их союзников и партнеров»⁸³. В Стратегии национальной безопасности 2018 г. ведение переговоров связано с рядом условий: «Мы будем рассматривать новые механизмы контроля над вооружениями, если они будут способствовать стратегической стабильности и если они поддаются проверке. <...> Страх эскалации не помешает Соединенным Штатам защищать наши жизненно важные интересы, а также интересы наших союзников и партнеров»⁸⁴.

Администрация Дж. Байдена провозгласила «прагматичный» подход к контролю над ядерными вооружениями. Наряду с прочим это означало выдвижение задачи обеспечения достаточно широкого спектра интересов безопасности США путем достижения договоренностей с другими государствами, прежде всего с Россией. В этой связи в Обзоре ядерной политики 2022 г. сказано: «В соответствии с нашим обязательством поставить дипломатию на первое место Соединенные Штаты будут стремиться к созданию новых механизмов контроля над вооружениями, которые будут направлены на устранение всего спектра ядерных угроз и продвижение наших глобальных интересов в области нераспространения»⁸⁵.

Среди интересов, которые США будут стремиться обеспечить путем переговоров и новых договоренностей, указаны снижение роли ядерного оружия в стратегии безопасности Соединенных Штатов и уменьшение ядерных рисков в целом. По этому вопросу в Обзоре указано: «...ограничения и повышение транспарентности ядерного и, возможно, неядерного стратегического потенциала противника посредством контроля над вооружениями имеют центральное значение для любого подхода к снижению роли ядерного оружия»⁸⁶. Нетрудно догадаться, кого США подразумевают под этим «про-

⁸³ Nuclear Posture Review, February 2018... P. XVII.

⁸⁴ National Security Strategy of the United States of America, December 2017... P. 31.

⁸⁵ 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review... P. 16.

⁸⁶ Ibidem.

тивником». Более того, в том же документе прямо заявлено о том, что «в наших подходах к контролю над вооружениями и снижению рисков с Россией в ближайшей перспективе мы должны учитывать фактор возможного применения ядерного оружия со стороны РФ»⁸⁷.

Что касается перспектив контроля над ядерными вооружениями, то в Обзоре подчеркивается: «Соединенные Штаты готовы оперативно договориться о новой структуре контроля над вооружениями, которая заменит новый СНВ, когда он истечет в 2026 г., хотя переговоры требуют добровольного партнера, действующего добросовестно. Наши приоритеты включают содействие прозрачности и взаимному снижению рисков, реализацию инициатив, ограничивающих дестабилизирующие системы или позиции, и уменьшение вероятности просчетов»⁸⁸.

Важным аспектом подходов США к роли контроля над вооружениями в их ядерной политике являются требования повышения степени «прозрачности» ядерных арсеналов, транспарентности в отношениях участников соглашений и достижения цели укрепления стратегической стабильности. Об этом неоднократно говорилось в документах стратегического планирования администрации Дж. Байдена. Так, в Стратегии национальной безопасности 2022 г. указано, что «Америка по-прежнему заинтересована в сохранении стратегической стабильности и развитии более обширной, прозрачной и поддающейся проверке инфраструктуры контроля над вооружениями, чтобы прийти на смену новому СНВ, и в восстановлении европейских механизмов безопасности...»⁸⁹.

Относительно перспектив многосторонних переговоров по ядерному разоружению администрация Дж. Байдена, по всей видимости, не питала больших надежд на достижение реального успеха в этой области. Тем не менее она считала, что процесс контактов стран «большой ядерной пятерки» в рамках ДНЯО «способствует диалогу по ядерным вопросам, который мог бы укрепить доверие и понимание, повысить прозрачность и создать форум для взаимодействия на высоком уровне»⁹⁰.

⁸⁷ Ibid. P. 5.

⁸⁸ Ibid. P. 16.

⁸⁹ National Security Strategy, October 2022... P. 26.

⁹⁰ 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review... P. 18.

Как представляется, контроль над ядерными вооружениями, как и само ядерное разоружение, не будет входить в число важнейших приоритетов политики безопасности новой администрации Д. Трампа. По крайней мере, речь о новом договоре по СНВ, который может прийти на смену всё еще действующему соглашению (СНВ-3) и участие в котором было приостановлено Россией, вестись не будет. Тем более что срок действия СНВ-3 истекает уже в феврале 2026 г. Вместе с тем не исключено, что новая американская администрация продолжит попытки привлечь Китай к контролю над ядерными вооружениями, настаивая на необходимости достичь предсказуемости и транспарентности в ядерной сфере. Представляется, что, как и ранее, эти попытки успеха иметь не будут, хотя данные положения и могут быть включены в официальные документы новой администрации США⁹¹.

* * *

Анализ документов стратегического планирования администраций Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена показывает, что в них присутствуют как сходства, так и серьезные различия. Сходство в основном заключается в той неизменной роли, которую играют ядерные вооружения в политике США, а именно — в сдерживании как потенциальных противников, так и в целом угроз безопасности страны. В более конкретном плане все названные администрации приходят к выводу о необходимости сохранения стратегической ядерной триады: МБР, флота ПЛАРБ и тяжелых бомбардировщиков — носителей ядерного оружия. Все они оценивают роль этих сил в обеспечении сдерживания примерно одинаково — как дополняющих и усиливающих друг друга. Все названные администрации также положительно оценивают роль противоракетной обороны и отрицают ее дестабилизирующее влияние. В некоторых случаях (Б. Обама) признается наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, хотя в рассматриваемых в настоящей работе документах такое положение отсутствует⁹². Также все названные администрации признают необходимость осуществления программ в сфере модернизации

⁹¹ Miller Z., Price M.L. Trump wants denuclearization talks with Russia and China, hopes for defense spending cuts...

⁹² Это положение присутствует в подписанном Б. Обамой Договоре СНВ-3.

ядерных сил и замены существующих стратегических ядерных систем оружия в связи с их устареванием. Значительное внимание уделяется совершенствованию и модернизации систем управления этими силами. Наряду с этим все администрации США выражают приверженность полной ликвидации ядерных вооружений в перспективе. Существуют и некоторые другие сходства.

Что касается различий, то наиболее существенными являются изменившаяся в худшую сторону оценка международной обстановки, характера вызовов и угроз безопасности США и определение вероятных противников. Если администрация Б. Обамы не считала Россию таким противником и, напротив, рассматривала ее как «партнера» в противостоянии главным угрозам безопасности — международному терроризму и распространению ядерного оружия, то к началу 2020-х годов РФ и КНР «перешли» на первое место в списке названных угроз. Произошли изменения и в американской оценке структуры и средств стратегического сдерживания. Так, если администрация Б. Обамы предполагала, что некоторые функции ядерного сдерживания могут быть постепенно переданы неядерным вооружениям, то последующие администрации заявляли и продолжают заявлять об усилении ядерного сдерживания за счет неядерных вооружений. Иными словами, неядерные средства должны не заменять, а, напротив, усиливать функцию сдерживания, возлагаемую на ядерные вооружения.

Начиная с администрации Д. Трампа, Соединенные Штаты пытаются реализовать идею «комплексного сдерживания», предполагающую выработку «индивидуальных вариантов» для парирования угроз, исходящих от разных источников. В этой связи администрация Дж. Байдена выдвинула условие создания «гибких сил», способных эффективно противостоять широкому спектру существующих и перспективных угроз безопасности США.

Наконец, видимое различие существует и в подходах трех последних администраций к роли и месту контроля над вооружениями в ядерной политике Соединенных Штатов. Если администрация Б. Обамы рассматривала контроль над вооружениями как средство достижения выдвинутой ею цели полного ядерного разоружения, то администрация Д. Трампа пыталась использовать контроль над

вооружениями как инструмент, позволяющий добиться «прозрачности» ядерных сил своих конкурентов, прежде всего Китая.

Что касается администрации Дж. Байдена, то она планировала использовать контроль над вооружениями исключительно в собственных интересах, прежде всего в целях укрепления функции сдерживания американских сил и решения выдвинутых руководством США ряда конкретных задач. О необходимости учитывать интересы и озабоченности других участников переговорного процесса в документах ядерного планирования Соединенных Штатов ничего не говорилось.

Не вызывает сомнения, что новая администрация Д. Трампа внесет определенные изменения в документы стратегического планирования США, принятые Дж. Байденом. Разумеется, достаточно сложно предположить, какие конкретно изменения в этих документах будут сделаны республиканцами, но, исходя из уже прозвучавших заявлений новых официальных лиц администрации, включая президента США, можно сделать ряд предположений. Так, роль ядерных вооружений в политике безопасности может быть усилена, равно как и роль противоракетной обороны. Основное внимание будет обращено на Китай, в то время как проблемы, связанные с Россией, станут рассматриваться как носящие менее долгосрочный характер и как более поддающиеся урегулированию в интересах Соединенных Штатов. При этом контроль над ядерными вооружениями отойдет на второй план в американской политике, хотя попытки привлечь Пекин к этому процессу могут быть продолжены. Запланированные программы модернизации стратегических ядерных сил США останутся неизменными, но могут быть дополнены расширением программ в области ПРО. В целом политика безопасности США будет носить более жесткий характер и требовать, наряду с прочим, быстрого и эффективного разрешения всех существующих и потенциальных проблем в данной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А.Г. Диалектика судного дня: гонка вооружений и их ограничения // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 27–48. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.03.

2. Арбатов А.Г. Проблемы и дилеммы следующего договора СНВ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 6. С. 5–20. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-5-20.

3. Арбатов А.Г. Трансформация ядерного сдерживания // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 7. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-5-16.

4. Бондаренко О.В. Стратегия национальной безопасности США: между геополитической манией и фобией // *Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Л.В. Санина, Е.М. Якимова. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. С. 19–28.*

5. Веселов В.А. Развитие ядерной стратегии США в начале XXI века // *Новая и новейшая история*. 2021. Т. 65. № 1. С. 169–180. DOI: 10.31857/S013038640013384-0.

6. Грибин Н.П. Глобализация стратегических амбиций. Критический анализ «Стратегии национальной безопасности — 2017» Дональда Трампа // *Международная аналитика*. 2017. № 4 (22). С. 86–95.

7. Есин В.И. Развитие американской и российской систем противоракетной обороны и стратегическая стабильность // *Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. акад. РАН А.А. Кокошина. М.: Издательство Московского университета, 2017. С. 137–159.*

8. Кокошин А.А. Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание в обеспечении национальной безопасности России. М.: URSS, 2015.

9. *Россия и дилеммы ядерного разоружения / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012.*

10. Тебин П. О новой Стратегии национальной безопасности США: Валдайская записка № 120 // *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. Декабрь 2022. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/files/43490/> (дата обращения: 30.05.2025).

11. Шаклеина Т.А. *Россия и США в мировой политике*. М.: Аспект Пресс, 2017.

12. Acton J.M. Escalation through entanglement: How the vulnerability of command-and-control systems raises the risks of an inadvertent nuclear war // *International Security*. 2018. Vol. 43. No. 1. P. 56–99. DOI: 10.1162/isec_a_00320.

13. Allison G. *Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

14. Clarke R.A., Knake R.K. *Cyber war: The next threat to national security and what to do about it*. New York: Ecco, 2010.

15. Freedman L. The evolution of nuclear strategy. London: Palgrave Macmillan, 2003.

16. Kissinger H. Nuclear weapons and foreign policy. New York: Harper & Brothers, 1957.

17. Lettow P. U.S. national security strategy: Lessons learned // Texas National Security Review. 2021. Vol. 4. No. 2. P. 117–154. DOI: 10.26153/tsw/13195.

18. Lieber K.A., Press D.G. The new era of counterforce: Technological change and the future of nuclear deterrence // International Security. 2017. Vol. 41. No. 4. P. 9–49. DOI: 10.1162/ISEC_a_00273.

19. Nye J.S. The future of power. New York: PublicAffairs, 2011.

20. Sagan S.D., Waltz K.N. The spread of nuclear weapons: An enduring debate. New York: W.W. Norton & Company, 2012.

21. Slaughter A.-M. The chessboard and the web: Strategies of connection in a networked world. New Haven: Yale University Press, 2017.

22. Trenin D. Russia and global security norms // The Washington Quarterly. 2004. Vol. 27. No. 2. P. 63–77.

REFERENCES

1. Arbatov A.G. 2019. Dialektika sudnogo dnya: gonka vooruzhenii i ikh ogranicheniya [Doomsday dialectics: The arms race with arms limitations]. *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 27–48. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.03. (In Russ.)

2. Arbatov A.G. 2021. Problemy i dilemmy sleduyushchego dogovora SNV [Problems and dilemmas of the next START treaty]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 6, pp. 5–20. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-5-20. (In Russ.)

3. Arbatov A.G. 2018. Transformatsiya yadernogo sderzhivaniya [Transformation of nuclear deterrence]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 7, pp. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-5-16. (In Russ.)

4. Bondarenko O.V. 2017. Strategiya natsional'noi bezopasnosti SShA: mezhdu geopoliticheskoi maniei i fobiey [US National Security Strategy: Between geopolitical mania and phobia]. In: Sanina L.V., Yakimova E.M. (eds.). *Problemy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti v kontekste izmeneniya geopoliticheskoi situatsii: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of ensuring national security in the context of the changing geopolitical situation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Irkutsk, Baikal'skii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 19–28. (In Russ.)

5. Veselov V.A. 2021. Razvitie yadernoi strategii SShA v nachale XXI veka [The development of US nuclear strategy at the beginning of the 21st century].

Modern and Contemporary History, vol. 65, no. 1, pp. 169–180. DOI: 10.31857/S013038640013384-0. (In Russ.)

6. Gribin N.P. 2017. Globalizatsiya strategicheskikh ambitsii. Kriticheskii analiz 'Strategii natsional'noi bezopasnosti — 2017' Donal'da Trampa [Globalization of ambitions. A critical analysis of Donald Trump's National Security Strategy 2017]. *Journal of International Analytics*, no. 4 (22), pp. 86–95. (In Russ.)

7. Esin V.I. 2017. Razvitie amerikanskoi i rossiiskoi sistem protivoraketnoi oborony i strategicheskaya stabil'nost' [Development of American and Russian missile defense systems and strategic stability]. In: Kokoshin A.A. (ed.). *Vliyanie tekhnologicheskikh faktorov na parametry ugroz natsional'noi i mezhdunarodnoi bezopasnosti, voennykh konfliktov i strategicheskoi stabil'nosti* [The influence of technological factors on the parameters of threats to national and international security, military conflicts and strategic stability]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., pp. 137–159. (In Russ.)

8. Kokoshin A.A. 2015. *Strategicheskoe yadernoe i neyadernoe sderzhivanie v obespechenii natsional'noi bezopasnosti Rossii* [Strategic nuclear and non-nuclear deterrence in ensuring Russia's national security]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

9. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Oznobishchev S.K. (eds.). 2012. *Rossiya i dilemmy yadernogo razoruzheniya* [Russia and the dilemmas of nuclear disarmament]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

10. Tebin P. 2022. *O novoi Strategii natsional'noi bezopasnosti SShA: Valdaiskaya zapiska No. 120* [On the new U.S. National Security Strategy: Valdai memo No. 120]. Valdai Discussion Club. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/43490/> (accessed: 30.05.2025). (In Russ.)

11. Shakleina T.A. 2017. *Rossiya i SShA v mirovoi politike* [Russia and USA in world politics]. Moscow, Aspekt Press. (In Russ.)

12. Acton J.M. 2018. Escalation through entanglement: How the vulnerability of command-and-control systems raises the risks of an inadvertent nuclear war. *International Security*, vol. 43, no. 1, pp. 56–99. DOI: 10.1162/isec_a_00320.

13. Allison G. 2017. *Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap?* Boston, Houghton Mifflin Harcourt.

14. Clarke R.A., Knake R.K. 2010. *Cyber war: The next threat to national security and what to do about it*. New York, Ecco.

15. Freedman L. 2003. *The evolution of nuclear strategy*. London, Palgrave Macmillan.

16. Kissinger H. 1957. *Nuclear weapons and foreign policy*. New York, Harper & Brothers.

17. Lettow P. 2021. U.S. national security strategy: Lessons learned. *Texas National Security Review*, vol. 4, no. 2, pp. 117–154. DOI: 10.26153/tsw/13195.

18. Lieber K.A., Press D.G. 2017. The new era of counterforce: Technological change and the future of nuclear deterrence. *International Security*, vol. 41, no. 4, pp. 9–49. DOI: 10.1162/ISEC_a_00273.

19. Nye J.S. 2011. *The future of power*. New York, PublicAffairs.

20. Sagan S.D., Waltz K.N. 2012. *The spread of nuclear weapons: An enduring debate*. New York, W.W. Norton & Company.

21. Slaughter A.-M. 2017. *The chessboard and the web: Strategies of connection in a networked world*. New Haven, Yale University Press.

22. Trenin D. 2004. Russia and global security norms. *The Washington Quarterly*, vol. 27, no. 2, pp. 63–77.

Статья поступила в редакцию 02.04.2025;
одобрена после рецензирования 08.05.2025;
принята к публикации 21.06.2025

The paper was submitted 02.04.2025;
approved after reviewing 08.05.2025;
accepted for publication 21.06.2025

В.И. Батюк*

**ВСТУПАЯ В 2025 Г.: ПЕРСПЕКТИВЫ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ОЦЕНКАХ И ПРОГНОЗАХ
АМЕРИКАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Соединенных Штатов Америки и Канады
Российской академии наук»
123995, Москва, Хлебный пер., 2/3*

В результате политики администрации Дж. Байдена на российском направлении российско-американские отношения оказались в состоянии глубокого кризиса. Был заморожен переговорный процесс между двумя странами по военно-политическим вопросам, включая разоружение и региональные конфликты. Широкомасштабные американские экономические санкции нанесли сильнейший удар по торгово-экономическим и научно-техническим связям между двумя странами. Однако возвращение на президентский пост республиканца Д. Трампа открывает окно возможностей для возобновления двустороннего диалога по широкому кругу проблем. Перспективы этого диалога во многом зависят от готовности американской стороны отойти от чрезмерно идеологизированных подходов к восприятию современных международных отношений и роли в них США, характерных для предшествовавшей администрации. Для того чтобы оценить вероятность подобного пересмотра внешнеполитических установок Вашингтона, представляется целесообразным проанализировать взгляды американских политических и академических элит на перспективы развития российско-американских отношений в момент передачи власти от администрации Дж. Байдена администрации Д. Трампа и в первые месяцы 2025 г. В этой связи в тексте рассмотрен широкий спектр мнений — от приверженцев политического реализма, выступающих за возобновление российско-американского диалога, до либеральных ястребов и неоконсерваторов, рассматривающих такой диалог как подрыв американских демократических и либеральных ценностей. Автор заключает,

* *Батюк Владимир Игоревич* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН) (e-mail: ctas@inbox.ru; ORCID: 0000-0003-1838-8616).

что можно наблюдать постепенный отход части американских политико-академических элит от триумфализма, который доминировал в сознании американских правящих кругов после краха биполярного мира. Наиболее ярко эта тенденция обозначилась в оценках перспектив стратегического диалога между США и Российской Федерацией. Как полагают многие представители политико-академической элиты Соединенных Штатов, Вашингтон будет участвовать в этом диалоге с позиций относительной слабости. Впрочем, автор подчеркивает, что в условиях продолжающегося конфликта на Украине, в котором США принимают непосредственное участие, полноценное возобновление российско-американского диалога по стратегической стабильности исключено. И пока не очень понятно, что будет делать нынешняя администрация для выхода из сложившейся в российско-американских отношениях ситуации. Конструктивные переговоры возможны только при условии готовности обеих сторон вести равноправный диалог и признавать легитимные национальные интересы друг друга.

Ключевые слова: либеральный глобализм, американский национализм, США, Россия, российско-американские отношения, стратегическая стабильность, контроль над вооружениями, европейская безопасность, Д. Трамп, Дж. Байден, В.В. Путин

Для цитирования: Батюк В.И. Вступая в 2025 г.: перспективы российско-американских отношений в оценках и прогнозах американских экспертов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 2. С. 87–112. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-87-112.

Vladimir I. Batyuk

**ENTERING 2025: U.S.–RUSSIAN RELATIONS
IN THE ESTIMATES AND FORECASTS
OF AMERICAN EXPERTS**

*Institute for the US and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences
2/3 Khlebnyi Pereulok, Moscow, 123995*

The Biden administration's policy toward Russia have plunged U.S.–Russian relations into a deep crisis. The bilateral negotiation process on military and political issues, including disarmament and regional conflicts, has been frozen. Large-scale U.S. economic sanctions have seriously damaged trade, economic, scientific, and technical ties between the two countries. However, the return of Republican Donald Trump to the presidency opens up a window

of opportunity for reviving bilateral dialogue on a wide range of issues. The prospects for this dialogue largely depend on the willingness of U.S. leaders to depart from the near-sighted ideologized approaches of the previous administration to international relations and the role of the United States in them. In order to assess the likelihood of such a revision of Washington's foreign policy framework, the author examines the views of U.S. political and academic elites on the prospects for the development of Russian-American relations against the backdrop of the transfer of power from Joe Biden to Donald Trump and through the first months of 2025. In this regard, the article covers a wide range of perspectives — from adherents of political realism, who advocate the resumption of the Russian–American talks, to liberal hawks and neoconservatives, who assess this dialogue as a threat to democratic and liberal values. The author notes a trend toward a gradual departure of some U.S. political and academic elites from the triumphalism that has dominated the minds of the American establishment since the collapse of the bipolar system. This trend has been most pronounced in assessments of the prospects for a strategic dialogue between the United States and the Russian Federation. In this context, many political and academic experts in the United States warn that Washington may engage in this dialogue from a position of relative weakness. However, the author emphasizes that direct U.S. engagement in the ongoing conflict in Ukraine renders a full-fledged resumption of the Russian–American talks on strategic stability nearly impossible. It is not yet clear what the incumbent administration will do to overcome the impasse in Russian–American relations. Constructive negotiations are only possible if both sides are open to an equal dialogue and recognize each other's legitimate national interests.

Keywords: liberal globalism, American nationalism, USA, Russia, U.S.–Russian relations, strategic stability, arms control, European security, Donald Trump, Joe Biden, Vladimir Putin

About the author: *Vladimir I. Batyuk* — Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: ctas@inbox.ru; ORCID: 0000-0003-1838-8616).

For citation: Batyuk V.I. 2025. Entering 2025: U.S.–Russian relations in the estimates and forecasts of American experts. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 87–112. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-87-112. (In Russ.)

В последние годы исследования в сфере проблематики российско-американских отношений претерпели существенные изменения. Во-первых, нельзя не отметить заметное снижение интереса (осо-

бенно в Соединенных Штатах) к этой теме, особенно по сравнению с советско-американским периодом. Во-вторых, при сопоставлении с работами 1990-х годов становится очевидно, что в трудах и российских, и американских современных исследователей существенно уменьшилось количество позитивных прогнозов относительно перспектив развития отношений двух стран¹ [см., например: Бжезинский, 2007; Цыганков, 2010; Печатнов, Манькин, 2012; Киссинджер, 2015; Безопасность и контроль над вооружениями... , 2016; Богатуров, 2019; Подлесный, 2022; Самуйлов, 2024; Blackwill, Gordon, 2018; Russia and the United States... , 2018; Sokolsky, Rumer, 2020; Vaddi, Acton, 2020]. В целом аналитики весьма скептически оценивают возможности нормализации взаимоотношений между Москвой и Вашингтоном² [Charap, Priebe, 2023; McConnel, 2025].

И этот скептицизм понятен: в последние годы двусторонние отношения находились в состоянии глубокого кризиса. После встречи президентов В.В. Путина и Дж. Байдена 16 июня 2021 г. никаких российско-американских контактов на высшем уровне не было. Полностью был заморожен российско-американский диалог по стратегическим вооружениям. После того как США и их союзники по НАТО отвергли в конце декабря 2021 г. российские инициативы по безопасности в Европе³, прекратился и какой-либо предметный разговор между Москвой и Вашингтоном о региональных проблемах. Экономические санкции, которые были введены Соединенными

¹ См., например: Вебер Ю., Крикович А. Измотать и пересидеть: Истоки американского поведения в отношении России // Россия в глобальной политике. 07.03.2016. Доступ: <http://www.globalaffairs.ru/number/Izmotat-i-peresidet-18030> (дата обращения: 10.04.2025); Ifft E.M., Goodby J. Beyond New START // Hoover Institution. 27.01.2023. Available at: <https://www.hoover.org/research/beyond-new-start> (accessed: 10.04.2025).

² Drezner D.W. The end of American exceptionalism. Trump's reelection will redefine U.S. power // Foreign Affairs. 12.11.2024. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/end-american-exceptionalism> (accessed: 10.04.2025); Schake K. The case for conservative internationalism: How to reverse the inward turn of Republican foreign policy // Foreign Affairs. 04.12.2023. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/donald-trump-case-conservative-internationalism?s=ESPZZ004NX&utm_medium=promo_email&utm_source=edit&utm_campaign=special_send_election24_prospects&utm_content=20241106&utm_term=ESPZZ004NX (accessed: 10.04.2025).

³ Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств — членов Организации Североатлантического договора // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 17.12.2021. Доступ: https://www.mid.ru/foreign_policy/tso/nato/1790803/ (дата обращения: 10.04.2025).

Штатами после 2014 г., исключали саму возможность превращения российско-американских торгово-экономических связей в значимый фактор двусторонних отношений.

В доктринальных документах, принятых обеими странами в последние годы, были констатированы принципиальные идеологические различия в их подходах к российско-американскому взаимодействию. В утвержденной президентом В.В. Путиным в марте 2023 г. Концепции внешней политики РФ было сказано: «Российская Федерация заинтересована в поддержании стратегического паритета, мирном сосуществовании с США и установлении баланса интересов между Россией и США с учетом их статуса крупнейших ядерных держав, особой ответственности за стратегическую стабильность и состояние международной безопасности в целом. Перспективы формирования такой модели российско-американских отношений зависят от степени готовности США к отказу от политики силового доминирования и пересмотру антироссийского курса в пользу взаимодействия с Россией на основе принципов суверенного равенства, обоюдной выгоды и уважения интересов друг друга»⁴.

Вместе с тем в Стратегии национальной безопасности (СНБ) США, утвержденной президентом Дж. Байденом в октябре 2022 г., об американской политике на российском направлении говорится следующее: Вашингтон сталкивается со стратегическим вызовом, который «исходит от держав, сочетающих авторитарное управление с ревизионистской внешней политикой. Именно их поведение представляет собой вызов международному миру и стабильности, особенно ведение агрессивных войн или подготовка к ним, активный подрыв демократических политических процессов в других странах, использование технологий и цепочек поставок для экономического принуждения <...> и экспорт нелиберальной модели международного порядка». В документе подчеркивается, что Россия представляет «непосредственную угрозу» Соединенным Штатам, в то время как Китай «является единственным конкурентом, имеющим как намерение изменить международный порядок, так и, во всё большей

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229) // Президент России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/1> (дата обращения: 10.04.2025).

степени, экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для достижения данной цели»⁵.

В этой связи хотелось бы отметить, что в США в настоящее время сложился двухпартийный консенсус относительно того, что не Россия, а Китай является «врагом № 1» для Соединенных Штатов. Так, в докладе правоконсервативного и прореспубликанского Фонда «Наследие» «Необходимость определения приоритетов: стратегия защиты интересов Америки в более опасном мире», опубликованном 1 августа 2024 г., утверждается, что Вашингтон должен сосредоточить свои усилия на противостоянии Пекину, предоставив американским союзникам честь бороться с Россией, которая представляет меньшую угрозу для США [Velez-Green, Peters, 2024].

Приведенные цитаты из российского и американского документов стратегического планирования хорошо показывают всю глубину идеологических расхождений между Москвой и Вашингтоном. Россия готова строить двусторонние отношения на основе, как было отмечено, «обоюдной выгоды и уважения интересов друг друга». Это типичный политический реализм, которым и руководствуется в своей внешней политике Российская Федерация. И этот подход не исключает взаимовыгодного сотрудничества двух стран.

Для американской стороны, как показывает приведенная цитата из СНБ-2022, это совершенно неприемлемо. Самостоятельная российская внутренняя и внешняя политика воспринималась администрацией Дж. Байдена как стратегический вызов Соединенным Штатам. Еще совсем недавно в сознании американских правящих кругов российско-американские отношения в XXI в. трактовались как борьба авторитаризма с демократией, и никакой компромисс тут невозможен: это будет поправление тех ценностей, на которых зиждется Америка.

Таким образом, во взаимоотношениях между Москвой и Вашингтоном возобновилась идеологическая борьба. И если во время первой холодной войны именно Советская Россия выступала радикальной революционной силой, то в XXI в. мы можем наблюдать удивительную метаморфозу: Российская Федерация стала консервативной страной, ревнительницей *Realpolitik*, международного

⁵ National Security Strategy, October 2022. P. 8 // Naval Postgraduate School. Available at: <https://nps.edu/documents/115559645/121916825/2022+Dist+A+National+Security+Strategy.pdf> (accessed: 10.04.2025).

права и стабильности, а Соединенные Штаты превратились, если воспользоваться штампом советской пропаганды, в «главную революционную силу современности», которая стремится изменить мир по своему образцу и подобию, неся свободу и демократию на своих штыках [Батюк, 2018].

Победа Д. Трампа на президентских выборах 2024 г. означает, однако, колоссальный сдвиг во внешнеполитических установках Соединенных Штатов. Идеология либерального глобализма, которой руководствовалась Демократическая партия США, сменилась концепцией американского национализма, доминирующей сегодня в Республиканской партии.

В данной статье предпринята попытка выявить ключевые подходы политических и научных элит США к развитию российско-американских отношений в момент передачи власти от администрации Дж. Байдена администрации Д. Трампа и в первые месяцы 2025 г. Этот анализ представляется нам тем более актуальным, что впервые за многие годы можно констатировать наличие серьезных разногласий в американских правящих кругах по вопросу об американской политике на российском направлении.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

1) провести сравнительный анализ подходов американских реалистов, выступающих за возобновление российско-американского диалога, и американских либеральных ястребов и неоконсерваторов, рассматривающих такой диалог как подрыв американских демократических и либеральных ценностей;

2) выявить, какие проблемы в двусторонних отношениях воспринимаются представителями американского экспертного сообщества в качестве ключевых;

3) обозначить возможные последствия сдвигов в идеологии американской внешней политики после прихода к власти Д. Трампа в 2025 г.

От триумфализма к поиску диалога?

Как представляется, в настоящий момент значительная часть американской элиты по-прежнему не готова к равноправному диалогу с РФ. В сознании американских правящих кругов на протяжении последних 30 с лишним лет утвердилось представление о России как о бывшей великой державе, находящейся в состоянии необратимого

упадка. И именно этот упадок якобы предопределяет неизменную враждебность Москвы в отношении Соединенных Штатов.

По мнению советника президента-республиканца Дж. Буша-мл. по вопросам национальной безопасности (2001–2005) и государственного секретаря США (2005–2009) К. Райс, «сегодня внутренние противоречия России очевидны. Путин свел на нет более чем 30-летнюю интеграцию России в международную экономику и полагается на сеть оппортунистических государств, которые бросают ему крохи, чтобы поддержать его режим. Никто не знает, как долго сможет продержаться эта оболочка российского величия, но она может причинить много вреда, прежде чем треснет. Соппротивление и сдерживание российской военной агрессии необходимы до тех пор, пока это не произойдет». Вывод К. Райс однозначен: «русский вопрос» может быть решен только посредством «смены режима»⁶.

Следует отметить в этой связи, что К. Райс не одинока в своем подходе к российско-американским отношениям. Среди американских экспертов достаточно распространена точка зрения, что любой российско-американский диалог в любом обозримом будущем невозможен. Так, в докладе, подготовленном аппаратом Хельсинкской комиссии США (близкой к Демократической партии) в октябре 2024 г., утверждается, что Россия представляет серьезную и постоянную угрозу для Соединенных Штатов и «демократического мира». И это обстоятельство, по мнению авторов доклада, не изменится, даже если в стране произойдет столь желанная для американских правящих кругов «смена режима»: и в этом случае «Россия не сможет быть ответственным международным игроком. Мы должны быть готовы противостоять России в долгосрочной перспективе»⁷.

Для достижения этой цели, как указывают авторы доклада, США должны быть готовы создать «санитарный кордон» вокруг РФ из граничащих с ней стран: «Предоставляя Украине все возможности

⁶ Rice C. The perils of isolationism: The world still needs America — and America still needs the world // Foreign Affairs. 20.08.2024. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/perils-isolationism-condoleezza-rice?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=The%20Perils%20of%20Isolationism&utm_content=20240823&utm_term=FA%20This%20Week%20-%20112017 (accessed: 10.04.2025).

⁷ Contesting Russia: Preparing for the long-term Russian threat. A report by the U.S. Helsinki Commission staff // Commission on Security and Cooperation in Europe (U.S. Helsinki Commission). 30.09.2024. Available at: <https://www.csce.gov/wp-content/uploads/2024/09/Contesting-Russia-Report-2-2-1.pdf> (accessed: 10.04.2025).

для победы над Россией, Соединенные Штаты могут продемонстрировать странам, которые считают ее своей лучшей надеждой на защиту и поддержку, что Россия на самом деле является плохим партнером и что США и другие демократические страны более надежны. Во всех регионах Центральной и Восточной Европы, Центральной Азии, Кавказа и Причерноморья, которые составляют основу деятельности Хельсинкской комиссии США, Соединенные Штаты должны реализовать всеобъемлющую стратегию противодействия России. Этот процесс должен включать поддержку <...> наших партнеров и союзников, которые находятся на переднем крае борьбы с российским влиянием, предложение экономических мер и мер безопасности, которые являются жизнеспособными альтернативами российским...»⁸.

Далеко не все американские эксперты, однако, согласны с тем, что позитивные перемены в российско-американских отношениях если и возможны, то только после «смены режима» в РФ. Так, в своей коллективной статье в журнале «Foreign Affairs» научные сотрудники Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон)⁹ утверждают, что «Вашингтон должен оставаться открытым для переговоров с Россией по контролю над вооружениями, кибервойнам и региональным конфликтам между союзниками каждой из сторон. Не связывая эти переговоры с масштабными политическими переменами в России, Вашингтон должен ясно продемонстрировать, что Соединенные Штаты не стремятся к войне с РФ и даже должны сотрудничать с Москвой по таким вопросам, как изменение климата и освоение космоса»¹⁰. Тем не менее, несмотря на принципиальную возможность российско-американского диалога, по мнению соавторов, американская политика в отношении России

⁸ Ibidem.

⁹ Данный центр позиционирует себя как центристский, но фактически он близок к Демократической партии США. См. подробнее: Kurtzleben D. Think tank employees tend to support Democrats // U.S. News and World Report. 03.03.2011. Available at: <https://www.usnews.com/news/articles/2011/03/03/think-tank-employees-tend-to-support-democrats> (accessed: 10.04.2025).

¹⁰ Bergmann M., Kimmage M., Mankoff J., Snegovaya M. America's new twilight struggle with Russia. To prevail, Washington must revive containment // Foreign Affairs. 06.03.2024. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/russian-federation/americas-new-twilight-struggle-russia> (accessed: 10.04.2025).

должна строиться на основе стратегии сдерживания, причем именно в том смысле, который вкладывал в это слово Дж. Кеннан¹¹.

Аналогичной точки зрения придерживается и сотрудник Совета по международным делам Т. Грэм (республиканец), крупнейший американский специалист по России. По его мнению, и после окончания конфликта на Украине президент В.В. Путин и его преемники будут стремиться укрепить международные позиции РФ в качестве великой державы. Эту политику российской элиты, однако, могут изменить «демократический прорыв, распад России или ее экономический коллапс», но такие варианты развития событий Т. Грэм рассматривает как «отдаленные возможности»¹².

В этих условиях, как утверждает автор, в постконфликтный период Россия почти наверняка будет стремиться отодвинуть военную угрозу, исходящую из Европы, как можно дальше от своей территории. Это будет создавать постоянное давление вдоль границы НАТО и России, которая «протянется от Баренцева до Черного моря». Наиболее разумной реакцией Соединенных Штатов и их союзников по Североатлантическому альянсу, как полагает Т. Грэм, должно стать сочетание сдерживания и диалога: наряду с укреплением военной мощи НАТО США и их союзникам следует восстановить нормальный дипломатический диалог с Москвой — как для урегулирования проблем безопасности (включая контроль над вооружениями), так и для сотрудничества в решении глобальных проблем (таких, например, как изменение климата). Следует также ослабить экономические санкции и возобновить социальные контакты между людьми¹³.

Именно такого подхода придерживалась администрация Дж. Байдена вплоть до самого конца своего пребывания у власти. Так, высшие должностные лица этой администрации неоднократно заявляли о необходимости нанесения «стратегического поражения» РФ на Украине¹⁴ и в то же время выступали за возобновление российско-американского диалога по вопросам стратегической стабиль-

¹¹ Ibidem.

¹² Graham T.E. NATO vs. Russia: How to ensure conflict is avoided // The National Interest. 23.10.2024. Available at: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/nato-vs-russia-how-ensure-conflict-avoided-213337> (accessed: 10.04.2025).

¹³ Ibidem.

¹⁴ Secretary Antony J. Blinken at Aspen Security Forum fireside chat moderated by Mary Louise Kelly of National Public Radio // State Department website [2021–2025]. Available at:

ности¹⁵. Вообще «стратегию противодействия России» официальный Вашингтон начал проводить еще в последние годы президентской каденции Б. Обамы и продолжил при Д. Трампе и Дж. Байдене. Итоги этой многолетней политики выглядят, однако, безрадостно: США так и не смогли добиться изоляции РФ. Напротив, антироссийский курс американских правящих кругов стал одной из причин сближения Москвы и Пекина.

Как отмечает в этой связи старший научный сотрудник право-консервативного Института Катона Д. Бэндоу, вашингтонским политикам следует прекратить содействовать укреплению отношений России и Китая. Более того, США и Европа должны стремиться положить конец войне на Украине и вернуть Москву в западный экономический и политический строй¹⁶. Д. Бэндоу утверждает: «В геополитическом плане Россия стала самым активным противником американских интересов во всем мире, сотрудничая с Ираном и Северной Кореей, а также Китаем, осуществляя военное вмешательство в Африку и на Ближний Восток, укрепляя экономические и политические связи с Индией и завоевывая поддержку на Глобальном Юге»¹⁷. В этой связи Д. Бэндоу рекомендует подумать о сближении с Москвой. Россия же, по его мнению, с готовностью перейдет на сторону Запада, поскольку «сталкивается с более серьезными долгосрочными вызовами со стороны КНР, чем со стороны Европы, и сохраняет значительные инвестиции в инфраструктуру и торговлю с последней»¹⁸.

Постепенно часть политико-академической элиты США начала избавляться от наваждения триумфализма, который доминировал в сознании американских правящих кругов после краха биполярного мира. Представления о том, что Россия — это «бывшая великая держава, находящаяся в состоянии упадка», оказались, как уже

<https://2021-2025.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-aspen-security-forum-fireside-chat-moderated-by-mary-louise-kelly-of-national-public-radio/> (accessed: 10.04.2025).

¹⁵ Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan for the Arms Control Association (ACA) Annual Forum // U.S. Embassy and Consulates in Russia. 02.06.2023. Available at: <https://ru.usembassy.gov/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-for-the-arms-control-association-aca-annual-forum/> (accessed: 10.04.2025).

¹⁶ Bandow D. Both parties got us to where we are on foreign policy // The American Conservative. 15.08.2024. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/both-parties-got-us-to-where-we-are-on-foreign-policy/> (accessed: 10.04.2025).

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

было сказано, слишком живучими, но они чем дальше, тем больше вступали в конфликт с объективными реалиями.

Пожалуй, первой сферой, где в Соединенных Штатах были вынуждены начать пересмотр предрассудков о «находящейся в упадке» России, стали стратегические ядерные вооружения.

Российско-американский стратегический диалог: от «холодной войны № 2» к новой разрядке?

В истории советско/российско-американских отношений уже бывали периоды, когда конфронтация сменялась разрядкой. Это дает основание многим российским и американским экспертам надеяться на то, что на смену нынешней «холодной войне № 2» придет «разрядка № 2». Ведь речь идет об отношениях между двумя ядерными сверхдержавами, на долю которых по-прежнему приходится свыше 90% всех имеющихся в мире ядерных боезарядов¹⁹, и только нормальный диалог между Москвой и Вашингтоном может предотвратить глобальный ядерный апокалипсис. В то же время не приходится рассчитывать на то, что этот переход от новой холодной войны к новой разрядке произойдет легко и без проблем. По всей видимости, «разрядка № 2» будет выглядеть совсем не так, как «разрядка № 1».

Если движущей силой разрядки, которая началась на рубеже 1960–1970-х годов и продолжилась после 1984 г., был советско-американский диалог о контроле над стратегическими ядерными вооружениями, то сегодня он вряд ли сможет стать локомотивом новой разрядки. Тогда, 55 лет тому назад, локальные конфликты охватывали достаточно удаленные и от Соединенных Штатов, и от Советского Союза регионы (Индокитай, Ближний Восток). В Европе же, а также на Корейском полуострове военно-политическая ситуация в то время была достаточно стабильной.

В настоящее время продолжается вооруженный конфликт на Украине, который может иметь катастрофические последствия для России. Если США могли уйти из Вьетнама после своего военного поражения или из Ирана после антишахской революции, то Россия просто не может «уйти» из Украины. Даже в случае прекращения вооруженного конфликта его последствия будут в любой обозримой

¹⁹ SIPRI yearbook 2024. Armaments, disarmament and international security. Summary // Stockholm International Peace Research Institute. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-06/yb24_summary_en_2_1.pdf (accessed: 10.04.2025).

перспективе сказываться и на системе безопасности в Европе, и на российско-американских отношениях.

По всей видимости, «разрядка № 2» будет строиться не вокруг контроля над стратегическими ядерными вооружениями, а вокруг предотвращения возобновления вооруженного конфликта на востоке Европы. Этот вопрос, разумеется, может быть решен только в рамках реформирования системы безопасности в регионе.

Следует напомнить в этой связи, что важнейшим компонентом «разрядки № 1» стало решение вопроса о безопасности на Европейском континенте после принятия Заключительного акта Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки 1 августа 1975 г.²⁰ Данный документ зафиксировал неизменность послевоенных границ в Европе, в чем были заинтересованы в первую очередь СССР и его союзники по Варшавскому договору.

В настоящее время, однако, перспективы достижения аналогичной договоренности весьма сомнительны. Ранее уже были упомянуты российские инициативы по безопасности в Европе, озвученные в конце декабря 2021 г., в соответствии с которыми РФ предложила США исключить дальнейшее расширение НАТО, ее военную активность в постсоветских республиках (Восточная Европа, Украина, Закавказье, Центральная Азия) и присоединение к альянсу Украины, а также обоюдно не разворачивать ракеты малой и средней дальности в Европе и не размещать дополнительные вооружения за пределами границ НАТО по состоянию на 1997 г.²¹ Кроме того, альянсу также было предложено отказаться от наименования друг друга как противников в стратегических документах и от действий, которые стороны могут расценить как угрозу²².

Что касается собственно Соединенных Штатов, то Российская Федерация предложила Вашингтону заключить соглашение о неразвертывании американского и российского ядерного оружия за рубежом и о ликвидации соответствующей инфраструктуры. Кроме того, Москва предлагала отказаться от военных учений с отработ-

²⁰ Сопещение по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт, Хельсинки, 1975 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Доступ: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

²¹ Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств — членов Организации Североатлантического договора...

²² Там же.

кой сценариев его применения, а также не подготавливать военных ядерных стран для применения ядерного оружия. Российская сторона предложила также, что Москва и Вашингтон не будут использовать территорию других стран для подготовки или осуществления нападения друг на друга²³.

Нельзя не обратить внимание на то, что Россия в последние годы — и до начала специальной военной операции, и после — пыталась увязать урегулирование региональных конфликтов, прежде всего конфликта на Украине, с контролем над ядерными вооружениями. Так, ответом Москвы на попытки Соединенных Штатов нанести «стратегическое поражение» России на Украине стало решение российского руководства о приостановлении действия Договора СНВ-3²⁴.

Москва может себе позволить использовать этот механизм увязки, поскольку в настоящее время РФ лидирует в гонке ядерных вооружений. В то время как российская сторона смогла обновить свою стратегическую ядерную триаду на 95% (по данным американской разведки)²⁵, Соединенные Штаты только приступили к этому процессу. Особую озабоченность у американского военно-политического руководства вызывает наметившееся отставание Соединенных Штатов и от России, и от КНР по гиперзвуковым системам²⁶.

²³ Лакстыгал И., Мишутин Г. Россия опубликовала свои предложения НАТО о безопасности // Ведомости. 17.12.2021. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/12/17/901302-rossiya-opublikovala-bezopasnosti> (дата обращения: 10.04.2025).

²⁴ Федеральный закон от 28.02.2023 г. № 38-ФЗ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» // Президент России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48972> (дата обращения: 10.04.2025).

²⁵ Statement of Lieutenant General Andrew J. Gebara, USAF Deputy Chief of Staff for Strategic Deterrence & Nuclear Integration before the Subcommittee on Strategic Forces of the House Armed Services Committee on Nuclear Forces, April 30, 2024. P. 4 // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/118/meeting/house/117235/witnesses/HHRG-118-AS29-Wstate-GebaraA-20240430.pdf> (accessed: 10.04.2025).

²⁶ Tirpak J.A. Strategic Command needs new three-way deterrence model, Deputy Commander says // Air & Space Forces Magazine. 27.08.2021. Available at: https://www.airforcemag.com/strategic-command-new-three-way-nuclear-deterrence-model/?mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAAF_POEMVDn4PU2Zqos409fFgT1aDRvj56GkYwffzL TxQjHxyHPb41FQulNEgE0WpC (accessed: 10.04.2025).

Известно, что высокопоставленные представители администрации Дж. Байдена, включая и самого президента, неоднократно предлагали начать как можно скорее российско-американские и американо-китайские переговоры по ядерным вооружениям, оставив за скобками серьезнейшие проблемы во взаимоотношениях между США и РФ, с одной стороны, и США и КНР — с другой.

Так, советник президента Дж. Байдена по вопросам национальной безопасности Дж. Салливан в июне 2023 г. выдвинул три инициативы, направленные на укрепление стратегической стабильности: во-первых, начать двусторонние дискуссии по контролю над вооружениями с Россией и Китаем без предварительных условий (оставив за скобками Украину); во-вторых, дополнить российско-американский и американо-китайский диалог по стратегической стабильности многосторонним общением в рамках «Большой пятерки» — между пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН (США, РФ, КНР, Великобритания и Франция); в-третьих, распространить контроль также на гиперзвуковые системы, противоспутниковое оружие и искусственный интеллект²⁷.

Свидетельством того, что данное выступление Дж. Салливана не было всего лишь отражением его личных взглядов, стало заявление президента Дж. Байдена от 13 октября 2024 г. — за несколько месяцев до окончания его президентской каденции — о том, что Соединенные Штаты готовы вести переговоры с Россией, Китаем и Северной Кореей без предварительных условий для уменьшения ядерной угрозы²⁸.

В настоящее время, однако, конфликт на Украине, в котором США принимают непосредственное участие, исключает, как уже было сказано, возобновление российско-американского диалога по стратегической стабильности. Но если даже в обозримой перспективе эта проблема будет снята и возникнут соответствующие политические условия для российско-американских переговоров по контролю над стратегическими ядерными вооружениями, у этих переговоров будут очень серьезные проблемы.

²⁷ Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan for the Arms Control Association (ACA) Annual Forum...

²⁸ Statement congratulating the Nobel Peace Prize recipients // The American Presidency Project. 13.10.2024. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/statement-congratulating-the-nobel-peace-prize-recipients-1> (accessed: 10.04.2025).

Американские эксперты отдают себе отчет в том, что возобновление российско-американского диалога по ограничению ядерных вооружений — непростая задача. И Вашингтон, как полагают многие представители политико-академической элиты Соединенных Штатов, будет участвовать в этом диалоге с позиций относительной слабости.

Для того чтобы не допустить этого, составители доклада Комиссии Конгресса США (сформирована на двухпартийной основе) по стратегическому положению Соединенных Штатов предложили нарастить стратегический и нестратегический ядерный арсенал, увеличив количество термоядерных боеголовок на таких новых носителях, как межконтинентальная баллистическая ракета «Sentinel», крылатая ракета LRSO, стратегический бомбардировщик B-21 «Raider»; нарастить количество развернутых новых атомных подводных лодок типа «Columbia»²⁹. К аналогичным выводам пришли и другие представители американской политико-академической элиты, в частности М. Макконнелл, лидер республиканского меньшинства в Сенате вплоть до 3 января 2025 г., и А. Кендалл-Тейлор — типичный «либеральный ястреб»³⁰.

К попыткам изменить неблагоприятный для США стратегический ядерный баланс, который сложился в настоящее время, можно отнести и предложения использовать развертывание американских систем средней дальности в Европе как козырь для торга на будущих переговорах с Россией по стратегическим вооружениям. После того как США приняли решение о размещении на территории ФРГ ракетных систем средней дальности (таких как крылатая ракета

²⁹ America's Strategic Posture: The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States. P. 47–49 // American Faith. Available at: <https://americanfaith.com/wp-content/uploads/2023/10/Strategic-Posture-Commission-Report.pdf> (accessed: 10.04.2025).

³⁰ McConnell M. The price of American retreat: Why Washington must reject isolationism and embrace primacy // Foreign Affairs. 16.12.2024. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/price-american-retreat-trump-mitch-mcconnell?utm_medium=promo_email&utm_source=fa_edit&utm_campaign=pre_release_mcconnell_b&utm_content=20241216&utm_term=ESZZZ004D4 (accessed: 10.04.2025); Kendall-Taylor A., Kofman M. Putin's point of no return: How an unchecked Russia will challenge the West // Foreign Affairs. 18.12.2024. Available at: https://www.foreignaffairs.com/russia/putins-point-no-return?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=Putin%E2%80%99s%20Point%20of%20No%20Return&utm_content=20241220&utm_term=EWZZZ003ZX (accessed: 10.04.2025).

«Tomahawk» наземного базирования и баллистическая SM-6), американская сторона дала понять, что эти американские системы могут стать предметом будущих российско-американских переговоров по контролю над ядерными вооружениями³¹.

Вместе с тем далеко не все американские специалисты по контролю над вооружениями считают, что подобные шаги — это верный путь к возобновлению переговоров между Москвой и Вашингтоном по ядерному оружию. Даже самые горячие сторонники российско-американского диалога по вопросам стратегической стабильности не рассчитывают, однако, на быстрый успех и высокую результативность, надеясь в лучшем случае на «неформальное соглашение» между новой администрацией Д. Трампа и российской стороной. Интересно, что к аналогичному выводу пришли также сотрудники правоконсервативного Института Гувера Е. Иффт и Дж. Гудби и исполнительный директор леволиберальной Ассоциации контроля над вооружениями Д. Кимпбэлл³².

Российско-американские отношения могли бы сдвинуться с мертвой точки благодаря успешному двустороннему диалогу по региональным вопросам, прежде всего по урегулированию ситуации на Украине³³. Проблема, однако, состоит в том, что многие представители американских правящих кругов не видят в настоящее время перспектив для такого диалога, по крайней мере до тех пор, пока Россия не столкнется с преобладающей мощью США и их союзников по НАТО на востоке Европы.

Так, по мнению сенатора от Кентукки (и до недавних пор лидера республиканцев в Сенате) М. Макконнела, администрация Д. Трампа должна продолжить снабжать Украину оружием: «Победа России неизбежна только в том случае, если Запад оставит Украину»³⁴. Аналогичных взглядов придерживаются и американские эксперты по России из числа близких к демократам либеральных ястребов

³¹ Кирсанов Д. Анатолий Антонов: основа для стабилизации отношений с Вашингтоном сейчас отсутствует // ТАСС. 05.08.2024. Доступ: <https://tass.ru/interviews/21531567> (дата обращения: 10.04.2025).

³² Ifft E.M., Goodby J. Op. cit.; Kimpball D.G. Does the United States need more nuclear weapons? // Arms Control Association. July/August 2024. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2024-07/features/does-united-states-need-more-nuclear-weapons> (accessed: 10.04.2025).

³³ Graham T.E. Op. cit.

³⁴ McConnell M. Op. cit.

А. Кендалл-Тейлор и М. Кофман. По их мнению, дипломатическое решение украинской проблемы приведет к укреплению позиций России и ослаблению национальной безопасности США³⁵.

Впрочем, и среди сторонников Демократической партии наблюдаются тенденции отхода от прежних триумфалистских установок. Так, по мнению обозревателя продемократической газеты «The Washington Post» Л. Хокстадера, представления о России как о «бумажном тигре» оказались ошибочными: «Стратегия Путина кажется всё более обоснованной, поскольку общественная поддержка Украины в Соединенных Штатах и некоторых частях Европы ослабевает. Там исчезли надежды на то, что Россия может потерпеть поражение на поле боя или что ее экономика рухнет под тяжестью санкций, введенных США»³⁶.

Схожих взглядов придерживается и старший научный сотрудник Института Квинси (британец по происхождению и сторонник политического реализма по своим убеждениям) А. Ливен. По его словам, украинцы «не должны обольщаться тем, что наша поддержка будет продолжаться бесконечно или что она, возможно, поможет Украине вернуть утраченную территорию. Поэтому у нас нет честной и жизнеспособной альтернативы, кроме как оказать также давление на украинское правительство, чтобы оно согласилось на компромиссный мир. Если следующая администрация США не сможет придерживаться этого курса, то существует серьезный риск того, что <...> украинская армия в конечном счете потерпит крах. Вашингтон окажется перед выбором: либо смириться с серьезным поражением на Украине, либо вмешаться напрямую и подвергнуть себя риску <...> ядерной войны с Россией»³⁷.

* * *

До сих пор не очень понятно, однако, что будет делать нынешняя администрация для выхода из сложившейся в российско-американских отношениях ситуации. В ближайшем окружении Д. Трам-

³⁵ Kendall-Taylor A., Kofman M. Op. cit.

³⁶ Hockstader L. The losing strategy of underestimating Russia // The Washington Post. 19.09.2024. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/09/19/russia-navy-putin-ukraine/> (accessed: 10.04.2025).

³⁷ Lieven A. Ukraine: Compromise or collapse // The Nation. 29.10.2024. Available at: <https://www.thenation.com/article/world/ukraine-russia-putin-war-peace/> (accessed: 10.04.2025).

па — очень разные люди с разными взглядами на цели и методы американской внешней политики.

Есть там и неоконсерваторы, полагающие, что Д. Трамп должен проводить тот же самый триумфалистский курс в отношении России и других противников США, но только без слабостей, присущих, по их мнению, предшествовавшей администрации. Очень показательна в этом смысле статья старшего научного сотрудника консервативного Гудзоновского института Л. Коффи в журнале «Foreign Policy», в которой утверждается, что «поражение Украины и победа России будут восприняты как внутри страны, так и за рубежом как провал США и лично Трампа», а значит, «настало время снять ненужные ограничения администрации Байдена на использование Украиной западного оружия. Лазейки в режиме санкций против России надо наконец законопатить. А Северной Корее, Ирану и Китаю следует напомнить, что их поддержка российской спецоперации не останется незамеченной новой администрацией»³⁸. При этом в статье подчеркивается, что единственная надежная основа для прочного мира на Украине — это пресловутая «формула Зеленского» из 10 пунктов, которая предусматривает безоговорочную капитуляцию России³⁹. В этой связи Л. Коффи предупреждает, что «любое урегулирование, навязывающее Украине невыгодную сделку, чревато внешнеполитической катастрофой, по сравнению с которой сумбурный вывод войск из Афганистана при Байдене покажется цветочками». А избежать такого развития событий можно будет только в том случае, если в новой администрации будут служить такие проверенные неоконсервативные кадры, как М. Помпео, М. Рубио, Т. Коттон и Р. О’Брайен⁴⁰.

Расчеты на то, что триумфалистская политика в отношении противников Соединенных Штатов на международной арене в ее трампиистском исполнении обязательно принесет положительные результаты, однако, ни на чем не основаны, и многие в США это понимают.

Большое число американских экспертов-международников отдают себе отчет в том, что «момент однополярности», который

³⁸ Coffey L. Why Ukraine is ready to gamble on Trump // Foreign Policy. 08.11.2024. Available at: <https://foreignpolicy.com/2024/11/08/trump-ukraine-russia-war-peace-deal-putin-zelensky/> (accessed: 10.04.2025).

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

сложился треть века назад, теперь в прошлом и никогда больше не повторится. У Соединенных Штатов просто нет ресурсов для того, чтобы диктовать свою волю всему миру, и именно нехватка ресурсов для проведения глобалистской внешней политики — это главная проблема, с которой в настоящее время сталкивается Белый дом, кто бы ни был его хозяином. Как сказал в интервью журналу «Foreign Affairs» американский историк и специалист по международным отношениям С. Коткин (центрист по своим политическим взглядам), «самой глубокой структурной тенденцией для США является в некотором смысле пропасть, которая образовалась между нашими обязательствами и нашими возможностями. Мы говорили о том, чтобы взять на себя больше обязательств, будь то вступление Украины в НАТО или подписание союзного договора с Саудовской Аравией, даже несмотря на то что внутри страны и за рубежом есть сомнения, обладаем ли мы желанием и возможностями выполнить наши текущие обязательства. Справится ли наша оборонно-промышленная база с задачей защиты всех наших нынешних союзников по договору. И есть вопросы по поводу нашей финансовой ситуации, которая была очень серьезно подорвана и, вероятно, еще больше ухудшится при Трампе 2.0, как это было при Байдене и Трампе 1.0»⁴¹. Приведение американской внешней политики в соответствие с американскими ресурсами и возможностями — это основная задача, которая встала перед второй администрацией Д. Трампа, в том числе и на российском направлении. И дело не только в материальных ресурсах, но и в том, что и в самих Соединенных Штатах, и в мире в целом слабеет вера в американское идейное превосходство. Так, профессор Университета Тафта Д. Дрезнер, близкий к Демократической партии, полагает, что при второй администрации Д. Трампа наступит конец «американской исключительности»: «От Гарри Трумэна до Джо Байдена президенты США придерживались мнения, что американские ценности и идеалы играют важную роль во внешней политике Соединенных Штатов. Это утверждение неоднократно оспаривалось, но продвижение демократии и прав человека уже до-

⁴¹ Trump and the future of American power: A conversation with Stephen Kotkin // Foreign Affairs. 07.11.2024. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/trump-and-future-american-power-stephen-kotkin?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=How%20Trump%20Will%20Change%20the%20World&utm_content=20241108&utm_term=EWZZZ003ZX (accessed: 10.04.2025).

вольно давно считается отвечающим национальным интересам»⁴². Однако, по мнению Д. Дрезнера, просчеты в политике США подорвали силу американской исключительности и при Трампе 2.0 с ней будет покончено⁴³.

В свою очередь профессор Чикагского университета, один из крупнейших американских экспертов-международников Дж. Миршаймер указывает на серьезный кризис либерально-глобалистской идеологии, которой руководствовалась американская правящая элита в постбиполярном мире: по его мнению, либеральный глобализм будет всегда проигрывать национализму⁴⁴. К аналогичному выводу пришел и профессор Гарвардского университета С. Уолт, полагающий, что американская стратегия «либеральной гегемонии», которую США проводили после окончания холодной войны, привела к подрыву американских позиций на международной арене [Walt, 2018].

Судя по публичным заявлениям и самого Д. Трампа, и первых назначенцев на ответственные посты, они готовы пересмотреть многие из тех подходов администрации Дж. Байдена, которые стали для ее сторонников «символом веры». Так, трамписты не считают пресловутые «10 пунктов Зеленского» неперемнной основой любого мирного урегулирования на Украине и готовы в принципе признать те территориальные перемены, которые произошли после февраля 2022 г.⁴⁵

Более того, в ходе пресс-конференции в Мар-а-Лаго 7 января 2025 г. новоизбранный президент Д. Трамп заявил, что существовала российско-украинская договоренность о невступлении Украины в Североатлантический альянс, но «Байден сказал: нет, вы должны быть в состоянии вступить в НАТО»⁴⁶. Иными словами, для

⁴² Drezner D.W. Op. cit.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Mearshimer J.J. Why the Ukraine crisis is the west's fault. The liberal delusions that provoked Putin // Foreign Affairs. 18.08.2014. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/141769/john-j-mearshimer/why-the-ukraine-crisis-is-the-west-s-fault> (accessed: 10.04.2025).

⁴⁵ Boot M. How Trump the dealmaker can broker peace in Ukraine // The Washington Post. 12.11.2024. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/11/12/donald-trump-russia-ukraine-peace-deal/> (accessed: 10.04.2025).

⁴⁶ Трамп: понимание всегда заключалось в том, что Украина не может вступить в НАТО // ТАСС. 07.01.2025. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22833705> (дата обращения: 10.04.2025).

Д. Трамп и его сторонников не только «возвращение к границам 1991 года», но и вступление Украины в НАТО не является непременным условием решения украинского вопроса.

Есть основания полагать, что в США постепенно увеличивается число представителей политико-академической элиты, полагающих, что нынешнее состояние российско-американских отношений ненормально и не соответствует интересам самих Соединенных Штатов. Слабеют и триумфалистские настроения в американских кругах; далеко не все американские эксперты и политики-практики готовы теперь рассматривать Россию в качестве «бывшей великой державы, находящейся в состоянии упадка». О смене настроений в Вашингтонских коридорах власти свидетельствует, в частности, опубликованная в марте 2025 г. «Ежегодная оценка угроз», подготовленная разведывательным сообществом США. Об «упадке России» в документе — ни слова; напротив, указывается на укрепление российских военных, экономических и политических позиций в мире⁴⁷. В этих условиях, как нам представляется, постепенно формируется необходимый политико-идеологический фон для возобновления конструктивного российско-американского диалога, от которого зависят не только объективные интересы Соединенных Штатов и Российской Федерации, но и безопасность в мире в самых разных областях — от стратегической стабильности до защиты окружающей среды.

С этой точки зрения возобновление российско-американского взаимодействия в феврале 2025 г. — и на высшем уровне, и на уровне глав внешнеполитических ведомств — стало закономерным следствием отхода новой трамповской администрации от либерально-глобалистских идеологем и возвращения к *Realpolitik*. Нормальный диалог между Москвой и Вашингтоном несовместим с пресловутыми «либеральными ценностями», но полностью соответствует национальным интересам США. Прошедшие в феврале–марте переговоры между ответственными российскими и американскими представителями в Эр-Рияде, Москве и Вашингтоне показали, что стороны готовы отстаивать свои национальные интересы, понимая при этом, что партнеры имеют право действовать аналогично.

⁴⁷ Annual threat assessment of the U.S. Intelligence Community, March 2025. P. 16–21 // Office of the Director of National Intelligence. Available at: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2025-Unclassified-Report.pdf> (accessed: 10.04.2025).

Как сказал президент В.В. Путин, возобновление российско-американского «серьёзного диалога, диалога о фундаментальном решении и украинского, и других кризисов, в том числе, разумеется, – мы всегда об этом говорим, никогда от этого не отказывались – мирным путём; о создании такой системы, которая действительно обеспечит баланс и взаимный учёт интересов, системы неделимой европейской и глобальной безопасности, причём на долгосрочную перспективу, когда безопасность одних не может быть обеспечена за счёт или в ущерб безопасности других, и уже точно не за наш счёт, не за счёт России»⁴⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюк В.И. Российско-американские отношения: между идеализмом и реализмом // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А.В. Лукина. М.: Международные отношения, 2018. С. 276–290.

2. Безопасность и контроль над вооружениями 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2016.

3. Бжезинский Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007.

4. Богатуров А.Д. Заключение. Международный порядок 2010-х гг. // Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018 / Под ред. А.Д. Богатунова. М.: Юрайт, 2019. С. 328–331.

5. Киссинджер Г. Понять Путина. Политика здравого смысла. М.: Алгоритм, 2015.

6. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012.

7. Подлесный П.Т. Новый миропорядок для XXI века: взгляды из Вашингтона и интересы России. М.: Весь мир, 2022.

8. Самуйлов С.М. Трамп друг или враг? Внешняя политика США от Трампа до Байдена и обратно. М.: Книжный мир, 2024.

9. Цыганков А.П. Российско-американское партнерство? «Русская угроза» под пером критики «перезагрузки» в США // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 6. С. 31–46.

⁴⁸ Заседание коллегии ФСБ России. Владимир Путин выступил на заседании коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации // Президент России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76338> (дата обращения: 10.04.2025).

10. Blackwill R.D., Gordon P.H. Containing Russia: How to respond to Moscow's intervention in U.S. democracy and growing geopolitical challenge. Council special report no. 80 // Council on Foreign Relations. January 2018. Available at: https://www.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/CSR80_BlackwillGordon_ContainingRussia.pdf (accessed: 10.04.2025).

11. Charap S., Priebe M. Avoiding a long war. U.S. policy and the trajectory of the Russia-Ukraine conflict // RAND Corporation. January 2023. Available at: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA2510-1.html> (accessed: 10.04.2025).

12. McConnell M. The price of American retreat: Why Washington must reject isolationism and embrace primacy // Foreign Affairs. 16.12.2024. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/price-american-retreat-trump-mitch-mcconnell?utm_medium=promo_email&utm_source=fa_edit&utm_campaign=pre_release_mcconnell_b&utm_content=20241216&utm_term=ESZZZ004D4 (accessed: 10.04.2025).

13. Russia and the United States in the evolving world order / Ed. by A. Tokunov, N.C. Noonan, T. Shakleina. Moscow: MGIMO University, 2018.

14. Sokolsky R., Rumer E. U.S.-Russian relations in 2030. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2020. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep24912.1?seq=3> (accessed: 10.04.2025).

15. Vaddi P., Acton J.M. A ReSTART for U.S.-Russian nuclear arms control: Enhancing security through cooperation. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2020. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep26176> (accessed: 10.04.2025).

16. Velez-Green A., Peters R. The prioritization imperative: A strategy to defend America's interests in a more dangerous world. Special report no. 288. Washington, D.C.: The Heritage Foundation, 2024. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2024-08/SR288.pdf> (accessed: 10.04.2025).

17. Walt S.M. The hell of good intentions. America's foreign policy elite and the decline of U.S. primacy. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

REFERENCES

1. Batyuk V.I. 2018. Rossiisko-amerikanskije otnosheniya: mezhdou idealizmom i realizmom [Russian-American relations: Between idealism and realism]. In: Lukin A.V. (ed.). *Novye mezhdunarodnye otnosheniya: osnovnye tendentsii i vyzovy dlya Rossii* [New international relations: Key trends and challenges for Russia]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 276–290. (In Russ.)

2. Arbatov A.G., Bubnova N.I. (eds.). 2016. *Bezopasnost' i kontrol' nad vooruzheniyami 2015–2016. Mezhdunarodnoe vzaimodeistvie v bor'be s global'nymi ugrozami* [Security and arms control, 2015–2016. International cooperation in

combating global threats]. Moscow, IMEMO RAN Publ., Politicheskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)

3. Brzezinski Zb. 2004. *The choice: Global domination or global leadership*. New York, Basic Books [Russ. ed.: Bzhezinski Zb. 2007. *Vybor: mirovoe gosподstvo ili global'noe liderstvo*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.].

4. Bogaturov A.D. 2019. *Zaklyuchenie*. *Mezhdunarodnyi poryadok 2010-kh gg.* [Conclusion. The international order of the 2010s]. In: Bogaturov A.D. (ed.). *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. Opyat' razdelennyi mir. 1980–2018* [Systemic history of international relations. The world divided again, 1980–2018]. Moscow, Yurait Publ., pp. 328–331. (In Russ.)

5. Kissinger H. 2015. *Ponyat' Putina. Politika zdravogo smysla* [To understand Putin. The politics of common sense]. Moscow, Algoritm Publ. (In Russ.)

6. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of U.S. foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

7. Podlesnyi P.T. 2022. *Novyi miroporyadok dlya XXI veka: vzglyady iz Vashingtona i interesy Rossii* [New world order for the 21st century: Views from Washington and Russia's interests]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

8. Samuilov S.M. 2024. *Tramp drug ili vrag? Vneshnyaya politika SShA ot Trampa do Baidena i obratno* [Trump, friend or foe? U.S. foreign policy from Trump to Biden and the reverse]. Moscow, Knizhnyi mir Publ. (In Russ.)

9. Tsygankov A.P. 2010. Rossiisko-amerikanskoe partnerstvo? 'Russkaya ugroza' pod perom kritiki 'perezagruzki' v SShA [Russian-American partnership? The 'Russian threat' and the criticism of Russian 'reset' in the USA]. *Moscow State University Bulletin. Series 12. Political sciences*, no. 6, pp. 31–46. (In Russ.)

10. Blackwill R.D., Gordon P.H. 2018. *Containing Russia: How to respond to Moscow's intervention in U.S. democracy and growing geopolitical challenge. Council special report no. 80*. Council on Foreign Relations. Available at: https://www.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/CSR80_BlackwillGordon_ContainingRussia.pdf (accessed: 10.04.2025).

11. Charap S., Priebe M. 2023. *Avoiding a long war. U.S. policy and the trajectory of the Russia-Ukraine conflict*. RAND Corporation. Available at: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA2510-1.html> (accessed: 10.04.2025).

12. McConnell M. 2024. *The price of American retreat: Why Washington must reject isolationism and embrace primacy*. Foreign Affairs. December 16. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/price-american-retreat-trump-mitch-mcconnell?utm_medium=promo_email&utm_source=fa_edit&utm_campaign=pre_release_mcconnell_b&utm_content=20241216&utm_term=ESZZZ004D4 (accessed: 10.04.2025).

13. Torkunov A., Noonan N.C., Shakleina T. (eds.). 2018. *Russia and the United States in the evolving world order*. Moscow, MGIMO University.

14. Sokolsky R., Rumer E. 2020. *U.S.-Russian relations in 2030*. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep24912.1?seq=3> (accessed: 10.04.2025).

15. Vaddi P., Acton J.M. 2020. *A ReSTART for U.S.-Russian nuclear arms control: Enhancing security through cooperation*. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep26176> (accessed: 10.04.2025).

16. Velez-Green A., Peters R. 2024. *The prioritization imperative: A strategy to defend America's interests in a more dangerous world. Special report no. 288*. Washington, D.C., The Heritage Foundation. Available at: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2024-08/SR288.pdf> (accessed: 10.04.2025).

17. Walt S.M. 2018. *The hell of good intentions. America's foreign policy elite and the decline of U.S. primacy*. New York, Farrar, Straus and Giroux.

Статья поступила в редакцию 06.12.2024;
одобрена после рецензирования 07.04.2025;
принята к публикации 12.06.2025

The paper was submitted 06.12.2024;
approved after reviewing 07.04.2025;
accepted for publication 12.06.2025

АРКТИКА — ЗОНА КОНФЛИКТА?

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-113-144

Научная статья / Research paper

В.Н. Конышев, М.Л. Лагутина, А.А. Сергунин*

МЕЖДУНАРОДНОЕ АРКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9*

*Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС
199178, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43*

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23*

Арктика, которая долгое время рассматривалась как регион, находящийся за рамками международных конфликтов и противоречий,

* *Конышев Валерий Николаевич* — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительных политических исследований, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: konyshev06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7257-6848); *Лагутина Мария Львовна* — доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: m.lagutina@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6240-7488); *Сергунин Александр Анатольевич* — доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; профессор, Нижегородский государственный университет (e-mail: a.sergunin@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-4683-0611).

* Исследование выполнено при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600010-1.

постепенно превращается в объект межгосударственного соперничества. Вместе с тем даже «украинский кризис» 2014 г. и начало специальной военной операции не отменили полностью присущую региону логику взаимовыгодного сотрудничества. Цель настоящей статьи заключается в определении потенциальных направлений для продолжения, а возможно, и углубления конструктивного диалога в Арктике. В связи с этим в рамках данной статьи последовательно рассматриваются новейшие тенденции в межгосударственном взаимодействии в таких областях, как: совершенствование международно-правового режима в Арктике, развитие сотрудничества в области энергетики, транспорта, логистики, научных исследований, выработки адекватной климатической стратегии и экологического мониторинга. Авторы заключают, что, хотя деструктивная позиция «коллективного Запада», занятая им в отношении России в Арктике в последние годы, создала немало проблем для развития плодотворного международного сотрудничества в регионе и во многом обесценила концепцию «арктической исключительности», возможности для восстановления конструктивного диалога во всех рассмотренных областях сохраняются. Особую роль в этом процессе может сыграть научная дипломатия. В то же время авторы констатируют, что этот диалог будет развиваться в новых условиях: происходит формирование двух мало пересекающихся сфер международного сотрудничества в Арктике. Одна из них охватывает взаимодействие между странами «коллективного Запада», которое «кристаллизуется» вокруг «ядра» в виде США и НАТО, вторая же включает отношения между Россией и дружественными ей странами Азии (Китай, Вьетнам, Индия, ОАЭ), причем круг этих стран в перспективе может расшириться.

Ключевые слова: Арктика, Россия, США, НАТО, БРИКС, Северный морской путь, Полярный кодекс, Арктический совет, международное сотрудничество, «синяя экономика»

Для цитирования: Коньшев В.Н., Лагутина М.Л., Сергунин А.А. Международное арктическое сотрудничество в эпоху глобальной нестабильности: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 2. С. 113–144. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-113-144.

**Valeriy N. Konyshev, Maria L. Lagutina,
Alexander A. Sergunin**

**INTERNATIONAL ARCTIC COOPERATION
IN THE ERA OF GLOBAL INSTABILITY:
CHALLENGES AND PROSPECTS**

*St. Petersburg State University
7-9 University Embankment, St. Petersburg, 199034*

*North-West Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
57-43 Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Sredny Avenue, 199178*

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022*

The Arctic, which has long been regarded as a region free from international conflicts and contradictions, is gradually becoming an arena of interstate rivalry. At the same time, even the ‘Ukrainian crisis’ of 2014 and the beginning of the special military operation did not completely cancel the mutually beneficial cooperation present in the region. This article identifies potential areas for continuing and possibly deepening the constructive dialogue in the Arctic. In this regard, this article examines the latest trends in interstate cooperation in such areas as international legal regime, interaction in the fields of energy, transport logistics and scientific research, as well as elaboration of an adequate climate strategy and environmental monitoring in the Arctic. The authors conclude that although the destructive position of the ‘collective West’ toward Russia in the Arctic in recent years has created many problems for the development of fruitful international cooperation in the region and has largely devalued the concept of ‘Arctic exceptionalism’, opportunities for restoring constructive dialogue in all the areas considered remain. Science diplomacy could play a special role in this process. At the same time, the authors state that this dialogue will develop under new conditions: two hardly overlapping spheres of international cooperation in the Arctic are emerging. One of them encompasses interactions between the countries of the ‘collective West’, crystallizing around the ‘core’ represented by the United States and NATO, while the second centers around relations between Russia and friendly Asian countries (China, Vietnam, India, UAE), and the number of these countries may increase in the future.

Keywords: Arctic, Russia, USA, NATO, BRICS, Northern Sea Route, Polar Code, Arctic Council, international cooperation, ‘blue economy’

About the authors: *Valeriy N. Konyshev* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Chair of Comparative Politics, North-West Institute

of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: konyshev06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7257-6848); *Maria L. Lagutina* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, St. Petersburg State University (e-mail: m.lagutina@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6240-7488); *Alexander A. Sergunin* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, St. Petersburg State University; Professor, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (e-mail: a.sergunin@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-4683-0611).

Acknowledgements: The research was funded by the St. Petersburg State University under the project no. 124032600010-1.

For citation: Konyshev V.N., Lagutina M.L., Sergunin A.A. 2025. International Arctic cooperation in the era of global instability: Challenges and prospects. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 113–144. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-113-144. (In Russ.)

Долгое время, даже в период холодной войны, в мировом политико-академическом сообществе была популярна концепция «арктической исключительности». Суть ее заключалась в том, что независимо от характера общих отношений между арктическими государствами и/или военно-политическими блоками (например, НАТО и Варшавским договором) Арктика неизменно оставалась вне рамок геополитического соперничества региональных и глобальных игроков [Knecht, 2013; Knecht, Keil, 2013]. Все стороны негласно признавали уникальный характер этого региона, где у международных акторов было больше точек соприкосновения, чем разногласий.

Это касалось сотрудничества в сфере рыболовства (соответствующие соглашения СССР/России с Норвегией, Гренландией, Фарерскими островами, США), оказания помощи на морях, предотвращения инцидентов между военными кораблями, диалога между коренными народами, изучения изменения климата, экологического мониторинга и проведения различных совместных научных исследований [см. подробнее: Young, 2012]. Неслучайно первая значимая советская мирная инициатива — «мурманская речь» М.С. Горбачёва¹ (как бы противоречиво ее ни оценивали современники и нынешние

¹ Главное теперь — практическое осуществление задач перестройки: Сборник материалов о поездке М.С. Горбачёва в Мурманскую область 30 сентября — 2 октября 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 35–38.

исследователи) — была предпринята именно в отношении Северной Европы [Фокин, Смирнов, 2012: 6–11]. Даже западные исследователи признают, что именно эта инициатива дала толчок идее арктического сотрудничества, прежде всего в природоохранной сфере, а также в области диалога между коренными народами Крайнего Севера («процесс Рованиеми») [Åtland, 2008]. Позже это сотрудничество оформилось институционально в виде Арктического совета (1996).

Парадоксально, но факт, что даже после начала «украинского кризиса» в 2014 г. концепция «арктической исключительности» продемонстрировала свою живучесть [Dolata, 2015: 4–5; Käpylä, Mikkola, 2015; Exner-Pirot, Murray, 2017]. Несмотря на общее ухудшение отношений между Россией и «коллективным Западом» и свертыwanie ряда совместных энергетических и судостроительных проектов, экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) происходило достаточно динамично. Арктический совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), Северный форум (международное объединение арктических регионов) и другие многосторонние институты продолжали интенсивно работать, и даже возникали новые региональные учреждения (см. далее).

Однако с началом российской специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. «коллективный Запад» резко поменял свою позицию по вопросам арктического сотрудничества и сделал совершенно определенный выбор в пользу курса на конфронтацию, а не на взаимодействие в этом регионе. Характерно, что враждебность Запада распространилась не только на Россию, но и на Китай, которого стали подозревать в пособничестве Москве и наличии собственных экспансионистских устремлений в Арктике.

Популярной темой в западном политико-академическом сообществе стал дискурс о «конце» «арктической исключительности» [Branka, 2022; Devyatkin, 2023]. По мнению большинства западных политиков, ученых и аналитиков прикладного плана, Арктика больше не имеет иммунитета перед воздействием извне, т. е. перед международными кризисами типа украинского или любого другого, в который вовлечены Россия и ее соперники из западного лагеря. По этой причине в мировом (не только западном) научно-аналитическом сообществе довольно расхожим стало мнение, что якобы возможности для международного сотрудничества в Арктике от-

существуют как в настоящее время, так и в обозримой перспективе² [Журавель, Медведев, 2023: 63–68; Журавель, 2024].

Было бы неправильно полностью отвергать тезисы о «конце» «арктической исключительности» и кризисе международного арктического сотрудничества. Во многом они отражают нынешнее состояние дел в данном регионе. Однако стоит разобраться более предметно и без эмоций относительно того, какой урон арктическому сотрудничеству был нанесен действиями «коллективного Запада», в каком состоянии находятся конкретные (функциональные) сферы этого сотрудничества, в каком направлении оно эволюционирует и, наконец, каковы его перспективы в обозримом будущем.

В связи с этим в рамках данной статьи рассматриваются не только негативные последствия событий на Украине для Арктики, но и ряд пока еще скромных, только намечающихся позитивных тенденций в регионе, например положительная динамика в оформлении международно-правового режима, развитие сотрудничества в области энергетики, транспорта, логистики, научных исследований, выработки адекватной климатической стратегии, экологического мониторинга. В каждой из этих областей также отслеживается институциональная динамика, хотя она развивается весьма неравномерно в зависимости от сферы взаимодействия между арктическими игроками. В фиксации этих намечающихся позитивных тенденций и определении потенциальных направлений арктического сотрудничества в период международной турбулентности и заключается новизна авторского подхода.

Последствия «украинского кризиса» для региональной подсистемы международных отношений

Первые отрицательные последствия кризиса на Украине Арктика ощутила сразу после его начала в 2014 г. [Хотькова и др., 2014; Konyshyev, Sergunin, 2017]. Американские, европейские и японские компании довольно быстро покинули большинство энергетических проектов в АЗРФ (особенно на шельфе). «British Petroleum»,

²Paul M. Arctic repercussions of Russia's invasion: SWP comment no. 39 // Stiftung Wissenschaft und Politik. June 2022. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2022C39_ArcticAndRussiasInvasion.pdf (accessed: 15.06.2025); Woudhuysen J. The battle for the Arctic: Russia, China and the West are scrambling for control over the frozen tundra // Spiked. 28.12.2023. Available at: <https://www.spiked-online.com/2023/12/28/the-battle-for-the-arctic/> (accessed: 15.06.2025).

«Shell», «Equinor» (бывшая «Statoil») сохранили свое участие в ряде нефтегазовых проектов на суше АЗРФ. Единственным исключением была французская компания «Total Energies», которая, сохранив свою долю в 20% в первом проекте «Новатэка» по производству сжиженного природного газа («Ямал СПГ» в Сабетте), продолжала активно сотрудничать с российским партнером. Москве пришлось искать замену западным компаниям среди китайских и индийских инвесторов. Так, в том же «Ямал СПГ» на смену ушедшим западным инвесторам пришли китайские «China National Petroleum Company» (20%) и Фонд Шелкового пути (9,9%) [см. подробнее: Alexeeva, Lasserre, 2018: 276–277].

Японские корабли отказались строить газозолы ледового класса для транспортировки сжиженного природного газа (СПГ) с Ямала. В итоге заказ на строительство 15 кораблей ушел к южнокорейской «Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering Company» (ныне «Hanwha Ocean») [см. подробнее: Эпштейн, Тахаева, 2018].

Западные страны свернули диалог с Россией в сфере военной безопасности. В частности, российских представителей перестали приглашать на заседания Круглого стола арктических сил безопасности, созданного в 2010 г. Прекратил также свою деятельность Арктический форум глав оборонных ведомств.

Россия отказалась от идеи превращения Арктического совета из межправительственного дискуссионного форума в полноценную международную организацию с правом принятия обязывающих решений и обсуждения вопросов военной безопасности [см. подробнее: Sergunin, 2021]. В сложившейся ситуации важно было сохранить Арктический совет хотя бы в его тогдашнем виде, чтобы иметь хоть какую-то международную дискуссионную площадку в регионе.

Тем не менее во многих областях арктическое сотрудничество продолжалось и даже переживало некоторый подъем. Так, японские компании подключились ко второму проекту «Новатэка» по производству СПГ на Ямале — «Арктик СПГ-2» [см. подробнее: Полхова, Сергунин, 2020].

Возникли новые региональные институты: Арктический экономический совет (2014) и Арктический форум береговых охран (2015). В 2014–2015 гг. Международная морская организация (ММО) приняла так называемый Полярный кодекс, вводивший новые требования к обеспечению безопасности морского судоходства

и снижению загрязнения с судов в полярных водах³. В 2017 г. под эгидой Арктического совета восемь его членов подписали межправительственное соглашение об укреплении международного арктического научного сотрудничества⁴, что было существенным шагом в развитии научно-технических связей не только между арктическими государствами, но и с внерегиональными игроками, имевшими статус наблюдателей в этом форуме [Sergunin, Shibata, 2023]. Наконец, в 2018 г. было подписано очень важное соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в районе открытого моря центральной части Северного Ледовитого океана (СЛО)⁵. Это соглашение помимо ряда «официальных» арктических государств (России, Норвегии, Дании, США, Канады, Исландии) включало других игроков с глобальными интересами в области рыболовства (КНР, Японию, Южную Корею и ЕС) [Sergunin, 2019].

Таким образом, в тот период «коллективный Запад», по сути, признавал уникальность Арктики (нашедшую воплощение в концепции «арктической исключительности») и необходимость ее «вынесения за скобки» развивавшегося с 2014 г. глобального конфликта с Россией. Однако после начала СВО ситуация в регионе резко поменялась: западные страны стали постепенно отказываться от идеи «исключительности» Арктики и организовали давление на Россию по всему арктическому «полю».

Так, в сфере экономики западные санкции с 2022 г. были направлены против энергетических проектов не только на российском арктическом шельфе, но и на суше. Такие нефтегазовые гиганты, как «British Petroleum», «Shell», «Equinor», полностью прекратили сотрудничество с «Роснефтью» и «Газпромом», в том числе в АЗРФ.

Французская «Total Energies» и японские компании заявили, что остаются в существующих проектах «Новатэка» по СПГ, но не будут инвестировать свои средства и технологии в новые. Позже, когда

³ International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code) // International Maritime Organization. Available at: <https://www.imo.org/en/OurWork/Safety/Pages/polar-code.aspx> (accessed: 15.06.2025).

⁴ Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation // Arctic Council. Available at: <https://oaarchive.arctic-council.org/bitstreams/e75076a2-4ff2-4de6-b08a-58034b991bf7/download> (accessed: 15.06.2025).

⁵ Agreement to prevent unregulated high seas fisheries in the Central Arctic Ocean // EUR-Lex. 15.03.2019. Available at: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22019A0315\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22019A0315(01)) (accessed: 15.06.2025).

США ввели санкции в отношении строительства завода «Арктик СПГ-2», указанные компании, а также китайские инвесторы заявили о замораживании своего участия в этом проекте⁶. Американская «Baker Hughes», французская «Technip» и итальянская «Saipem», участвовавшие в строительстве разных блоков «Арктик СПГ-2», полностью покинули проект. Южнокорейская «Hanwha Ocean», построившая шесть газозовов ледового класса для «Арктик СПГ-2», так и не смогла их передать заказчику из-за боязни вторичных санкций США [см. подробнее: Козьменко С.Ю., Козьменко А.С., 2025].

Западные компании ушли из других секторов экономики АЗРФ. Так, канадская «Kinross Gold», долгое время работавшая в регионе, продала месторождение «Купол» на Чукотке российской компании «Highland Gold»⁷.

Экономические санкции были дополнены политическими демаршами «коллективного Запада». Так, в начале марта 2022 г. семь западных стран — членов Арктического совета, по сути, объявили бойкот российскому председательству в этом форуме и заморозили его деятельность. В июне того же года западные участники Совета объявили о возобновлении его деятельности в ограниченном формате — без России. Лишь в феврале 2024 г., когда Москва прекратила выплаты в бюджет Совета и пригрозила выйти из него, западные страны объявили о возобновлении деятельности рабочих групп в онлайн-режиме⁸, что произошло де-факто только осенью того же года. Однако пока еще далеко до возобновления деятельности этого регионального института в полноценном формате.

Еще более драматичная ситуация сложилась с другим важным арктическим форумом — СБЕР. В марте 2022 г. вслед за Арктическим советом западные участники СБЕР заявили о фактической изоляции России в этой структуре. Когда же Финляндия, будучи

⁶ Эксперт ТЭК Игорь Юшков: «Когда американцы вводят санкции, они их потом не отменяют» // Новые известия. 04.11.2024. Доступ: <https://newizv.ru/news/2025-06-17/poehat-na-kurort-i-umeret-russkih-turistov-ne-spasayut-strahovki-zarubezhom-437191> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ Kinross Gold продала чукотские активы российскому золотодобытчику // Сетевое издание «МК на Чукотке». 20.06.2022. Доступ: <https://www.mk-chukotka.ru/economics/2022/06/20/kinross-gold-prodala-chukotskie-aktivy-rossiyskomu-zolotodobytchiku.html?ysclid=m8mvee8yzd978574882> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ Arctic Council advances resumption of project-level work // Arctic Council. 28.02.2024. Available at: <https://us11.campaign-archive.com/?u=274ca09fc8d82dc42a5dfad22&id=804294c0f3> (accessed: 15.06.2025).

председателем форума в 2021–2023 гг., не подготовила условия для передачи председательства на следующие два года в руки России, Москва заявила о выходе из Совета в сентябре 2023 г.

В рамках антироссийской политической кампании было свернуто сотрудничество с РФ в Северном совете и Совете министров стран Северной Европы; прекращены программы приграничного сотрудничества по линии ЕС–РФ, Северного измерения и проекты городов-побратимов/«близнецов»; заморожены контакты между родственными коренными народами Крайнего Севера, проживающими в России и соседних государствах.

По инициативе западных стран было прекращено научное и образовательное сотрудничество с Россией как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях. Исключением из этого правила остался Международный арктический научный комитет (МАНК), который сохранил в своем составе представителей российского академического сообщества, но всё же значительно снизил объем сотрудничества с ним.

Резко возросла военная активность западных стран, особенно по линии НАТО, что выразилось в:

- интенсификации и росте масштабов военных маневров в Арктике [Коньшев, Сергунин, 2024а, 2024b];
- продвижении Вашингтоном программы США по обеспечению свободы мореплавания (Freedom of Navigation Operations Program, FONOP) (военно-морские корабли США, Великобритании и Норвегии стали регулярно устраивать учения в Баренцевом море с заходом в российскую исключительную экономическую зону; в национальной стратегии США в Арктике и «ведомственных» стратегиях провокационно заявляется о намерениях Вашингтона обеспечить «свободу мореплавания» также в акватории Северного морского пути (СМП), находящейся в российской юрисдикции)⁹;
- возрастании для НАТО значимости Фарерского противолодочного рубежа, который, как и в годы холодной войны, предна-

⁹ 2024 Arctic Strategy // U.S. Department of Defense. June 2024. P. 16. Available at: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (accessed: 15.06.2025); National Strategy for the Arctic Region // The White House (archives). October 2022. P. 5, 13–14. Available at: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (accessed: 15.06.2025).

значается для мониторинга активности российских подводных лодок, выходящих из СЛО для патрулирования в Атлантику и возвращающихся оттуда на свои базы на Кольском полуострове [Vázquez Orbaiceta, 2023];

- интенсификации программ модернизации вооруженных сил в странах Арктического региона [Конышев, Сергунин, 2024a];
- вступлении Финляндии и Швеции в НАТО (2023 и 2024 гг. соответственно).

И всё же, несмотря на сложную геэкономическую и геополитическую обстановку на Крайнем Севере, в данном регионе остается ряд возможностей для взаимовыгодного международного сотрудничества.

Динамика развития международно-правового режима в Арктике

Несмотря на, казалось бы, в целом неблагоприятную международную обстановку, даже в этих условиях происходит дальнейшее развитие и совершенствование правового режима Арктики. Так, вопреки пессимистичным ожиданиям, в феврале 2023 г. Комиссия ООН по границам континентального шельфа (КГКШ ООН) в основном одобрила российскую заявку на расширение континентального шельфа в СЛО¹⁰. Исключение составил лишь небольшой район в южной части бассейна Амундсена, по которому КГКШ ООН запросила у Москвы дополнительные данные. Пересмотренная заявка на этот участок была подготовлена буквально через две недели. Решение Комиссии ожидается через несколько лет — когда до нее дойдет очередь. Вдохновленная этим успехом, Россия собирается подать в КГКШ ООН заявку на расширение континентального шельфа в районе Чукотского плато.

Правда, российский успех ожидаемо вызвал ревность со стороны других претендентов на те или иные участки арктического шельфа. В первую очередь это относится к США, которые в конце декабря 2023 г. в одностороннем порядке объявили о расширении своего

¹⁰ Recommendations of the Commission on the Limits of the Continental Shelf in regard to the partial revised submission made by the Russian Federation in respect of the Arctic Ocean on 3 August 2015 with addenda submitted on 31 March 2021 // Commission on the Limits of the Continental Shelf. 06.02.2023. P. 40. Available at: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01_rev15/2023RusRev1RecSum.pdf (accessed: 15.06.2025).

континентального шельфа на двух участках: один — в море Бофорта к северу от Аляски, а второй — в Беринговом море к западу от Аляски и севернее Алеутских островов. В первом случае инициатива США задевает интересы Канады, также претендующей на этот участок шельфа. Во втором случае Вашингтон установил границу шельфа, не нарушая «линию Бейкера–Шеварднадзе», определяющую морскую границу между США и СССР по соглашению 1990 г.¹¹ Тем не менее российская сторона осудила американский демарш и заявила о непризнании внешних границ континентального шельфа США, установленных в нарушение норм международного морского права¹².

Дело в том, что согласно Конвенции по морскому праву ООН 1982 г. вопросы о расширении континентального шельфа должны решаться исключительно через КГКШ, а не в одностороннем порядке. Вашингтон же, подписав Конвенцию, до сих пор не ратифицировал ее и потому, не являясь частью данного международно-правового режима, не имеет права принимать решения в одностороннем порядке. Ссылки США на то, что они действуют на основе норм обычного права, неубедительны даже для западных юристов¹³.

Положительной тенденцией в развитии регионального правового режима стала имплементация соглашения о запрете коммерческого рыболовства в центральной части СЛО в 2018 г. С 2022 г. ежегодно проходят конференции сторон этого соглашения, на которых фиксируется прогресс в его реализации, выявляются проблемные моменты и ставятся новые задачи по совершенствованию данного режима. Российская сторона участвовала в этих конференциях в очном и заочном (онлайн) режимах.

Что касается еще одного важного международно-правового режима — Полярного кодекса, то его участники не только успешно выполняли его требования, но и продолжали его развивать. В част-

¹¹ The outer limits of the extended continental shelf of the United States of America: Executive summary // U.S. Department of State. 2023. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/12/ECS_Executive_Summary.pdf (accessed: 15.06.2025).

¹² Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при Международном органе по морскому дну (МОМД) С.С. Петровича в ходе 29-й сессии Совета МОМД, Кингстон, Ямайка, 18 марта 2024 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 25.03.2024. Доступ: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1940722/ (дата обращения: 15.06.2025).

¹³ См., например: Solski J.J. The US Arctic gambit: Testing the limits of UNCLOS // The Arctic Institute. 16.01.2024. Available at: <https://www.thearcticinstitute.org/us-arctic-gambit-testing-limits-unclos/> (accessed: 15.06.2025).

ности, с 1 июля 2024 г. вступило в силу решение ММО о запрете использования флотского мазута в качестве топлива судами, осуществляющими деятельность в морских водах Арктики. Требование имеет пятилетний переходный период — до 1 июля 2029 г., в течение которого определенные типы судов смогут использовать флотский мазут в качестве судового топлива¹⁴. На очереди принятие ММО новых, более строгих, мер природоохранного свойства, таких как запрет на сброс с судов балластных вод; шумопонижение судовых двигателей, для того чтобы меньше беспокоить обитателей подводного мира; разработка маршрутов в обход лежбищ морских животных и «птичьих базаров» и пр.

Сотрудничество в сфере энергетики

С одной стороны, этот сектор экономики АЗРФ более всего пострадал от западных санкций, ведь именно на него они и были прежде всего направлены. С другой стороны, ситуация в данном секторе различается в разных проектах. Так, завод «Ямал СПГ» работает в прежнем режиме. Французский («Total Energies») и китайские (CNPC и Фонд Шелкового пути) инвесторы сохраняют свои доли в этом проекте и продолжают реализовывать контракты на поставку СПГ своим потребителям.

В то же время проект «Арктик СПГ-2» стал испытывать трудности с 2022 г., когда США и ряд других стран «коллективного Запада» начали вводить санкции против него. Как результат давления со стороны Вашингтона «Total Energies», CNPC, Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация, а также японские компании «Mitsui» и «JOGMEG» заморозили свое участие в «Арктик СПГ-2». Тем не менее в конце 2023 г. первая очередь завода мощностью 6,6 млн тонн СПГ была введена в строй, а летом 2024 г. началась отгрузка СПГ зарубежным партнерам. К январю 2025 г. была завершена вторая очередь. Сроки сдачи третьей линии были сдвинуты с 2026 на 2028 г.¹⁵

¹⁴ Запрет мазута может помочь развитию судоходства в Арктике на природном газе // ТАСС. 01.07.2024. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/21244795> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁵ РБК: «Арктик СПГ 2» сдвинул срок запуска третьей линии СПГ-завода на 2028 год // Нефть капитал. 22.08.2024. Доступ: <https://oilcapital.ru/news/2024-08-22/rbk-arktik-srg-2-sdvinul-srok-zapuska-tretiey-linii-spg-zavoda-na-2028-god-5173673> (дата обращения: 15.06.2025).

Из-за западных санкций проблемы начались с доставкой СПГ с этого завода потенциальным потребителям. Так, корейские верфи, которые должны были построить газозавозы ледового класса для «Арктик СПГ-2», отказались от своих обязательств, а также от технологической помощи российской верфи «Звезда», планировавшей строить подобные суда для этого предприятия «Новатэка». Тем не менее «Звезда» построила и отправила на ходовые испытания в конце 2024 г. головной танкер «Алексей Косыгин» из серии этого проекта в 6 судов, строительство которых продолжается¹⁶.

Стабильным является российско-индийское сотрудничество в нефтяном секторе АЗРФ. Еще в октябре 2016 г. «Роснефть» сформировала на базе АО «Ванкорнефть» международный энергетический хаб, где ей принадлежит 50,1% акций, а 49,9% — консорциуму индийских инвесторов («Bharat Petroresources Limited», «Indian Oil Corporation Limited», «Oil India Limited», «ONGC Videsh Limited») ¹⁷. В 2016 г. консорциум, состоявший из индийских нефтяных компаний «Bharat Petroresources», «Indian Oil» и «Oil India», приобрел 29,9% доли в ООО «Таас-Юрх Нефтегазодобыча», который на тот момент был совместным предприятием «Роснефти» и «British Petroleum» ¹⁸. Эта компания ведет разработку Среднеботуобинского нефтегазоконденсатного месторождения, расположенного неподалеку от г. Мирный в субарктической зоне Республики Саха (Якутия). В то время как «British Petroleum» вышла из этого проекта после начала СВО, индийский консорциум сохранил там свою долю. В целом индийская сторона продолжает активно участвовать в обоих упомянутых проектах.

Транспортно-логистический сектор

Следует отметить, что транспортно-логистическая система АЗРФ также является приоритетной целью западных санкций. Так, до 2022 г. устойчиво рос интерес различных стран к организации и раз-

¹⁶ Новатэк последние новости об Арктик СПГ-2. Какие могут заплатить дивиденды за 2 полугодие 2024 года? // Smart-lab. 11.03.2025. Доступ: <https://smart-lab.ru/blog/1126826.php> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁷ АО «Ванкорнефть» // Лаборатория новостей. Доступ: <https://newsrab.ru/info/dossier/zao-vankorneft?ysclid=lskjd4oyis23137114> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁸ ООО «Таас-Юрх Нефтегазодобыча» // Роснефть. Доступ: https://www.rosneft.ru/about/Glance/OperationalStructure/Dobicha_i_razrabotka/Vostochnaja_Sibir/tyngd/ (дата обращения: 15.06.2025).

виту кроссполярных перелетов, особенно из Северной Америки в Азию и обратно. По данным Федерального агентства воздушного транспорта РФ, в 2012 г. было совершено 11 214 транзитных кроссполярных рейсов¹⁹, а в 2019 г. они достигли своего пика — 19 968 перелетов²⁰.

Далее кроссполярные перелеты пошли на спад из-за введения запрета «коллективным Западом» на полеты в Россию и через ее территорию. Однако кроссполярные маршруты продолжают активно использовать авиакомпании из дружественных РФ стран. Так, в 2023 г. через воздушное пространство России по кроссполярным маршрутам регулярно выполняли полеты 11 иностранных авиакомпаний: «Air India Limited», «Cathay Pacific Airways», «China Cargo Airlines», «China Eastern Airlines», «China Southern Airlines», «Emirates», «Etihad Airways», «Pakistan International Airlines», «Philippine Airlines», «Qatar Airways Company», «Qatar Executive»²¹.

Следует отметить, что использование кроссполярных маршрутов позволяет авиакомпаниям уменьшить логистические затраты на 25% общей стоимости рейса. Это обусловлено сокращением полетного времени, экономией топлива и снижением размера отчислений за аэронавигационное обслуживание. В совокупности это способствует уменьшению стоимости авиабилетов и повышению качества предоставляемых услуг пассажирам. Также снижается стоимость авиаперевозки грузов, что делает такие товары более конкурентоспособными на рынках.

Еще одно направление западного санкционного давления — перевозки углеводородов по СМП. К санкциям прибегают прежде всего США, которые видят в ямальских проектах «Новатэка» по производству и поставке на мировые рынки СПГ одного из своих основных конкурентов. Вашингтон стремится навредить (или вообще

¹⁹ Данные по фактическому выполнению полетов по кроссполярным маршрутам в январе–декабре 2012 года // Федеральное агентство воздушного транспорта. Доступ: <https://favt.gov.ru/public/materials/e/2/4/a/2/e24a213eeb6a02f0140e2ee74db02178.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

²⁰ Фактическое выполнение полетов по кроссполярным маршрутам, декабрь 2019 г. // Федеральное агентство воздушного транспорта. Доступ: <https://favt.gov.ru/public/materials/6/c/a/d/c/6cadc4843b2e4cfc891a6cb58b11303d.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

²¹ Резервный борт Air India Limited вылетел из Магадана в Сан-Франциско // Федеральное агентство воздушного транспорта. 08.06.2023. Доступ: <https://favt.gov.ru/novosti-novosti/?id=10189> (дата обращения: 15.06.2025).

закреть) «Арктик СПГ-2» не только путем создания помех поставкам оборудования на это предприятие, но и, как уже отмечалось, через блокировку заказанных в Южной Корее для транспортировки СПГ газовозов ледового класса. Кроме того, расчет делался на то, что дальневосточная верфь «Звезда», которая также должна была построить газовозы для обслуживания «Арктик СПГ-2», не успеет выполнить заказ до момента пуска первой и второй линий этого завода.

Однако «Новатэку» на помощь пришли судоходные компании из ОАЭ. Так, к лету 2024 г. на дубайские компании было зарегистрировано 8 газовозов, 4 из которых имели ледовый класс²². В августе 2024 г. 2 газовоза из этого российского «теневое флота», как его называют на Западе, забрали первые партии продукции «Арктик СПГ-2» и отправили их покупателю²³. Так или иначе, проблема поставок газа с «Арктик СПГ-2» в летнее время была решена.

С введением американских санкций против «дочки» «Новатэка» — компании «Арктическая перевалка» возникли трудности с завершением строительства и запуском морских перегрузочных комплексов СПГ около Мурманска и на Камчатке. Эти терминалы предназначены для перевалки СПГ с газовозов ледового класса на обычные танкеры СПГ, что позволило бы ускорить доставку грузов до потребителей и сделать транспортировку СПГ с Ямала в Европу и Азию круглогодичной. Несмотря на западные санкции, «Новатэк» довел до конца строительство обоих терминалов в 2024 г. Для проведения дноуглубительных работ в бухте Бечевинская (Камчатка) привлекалась китайская компания «China Communications Construction Company» за более чем 19,6 млрд руб.²⁴ Однако из-за западных санкций на этих терминалах пока возможна перегрузка

²² Игнатъева А. Дубайские компании скупают танкеры-газовозы, которые сразу же оформляют разрешения ходить по СМП // Neftegaz.ru. 28.06.2024. Доступ: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/842852-dubayskie-kompanii-skupayut-tankery-gazovozy-kotorye-srazu-zhe-oformlyayut-razresheniya-khodit-po-sm/?ysclid=lyixkqr-yx5103497128> (дата обращения: 15.06.2025).

²³ Газовоз с санкционным российским СПГ пошел подальше от европейских глаз // EurAsia Daily. 12.08.2024. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2024/08/12/gazovoz-s-sankcionnym-rossijskim-spg-poshel-podalshe-ot-evropeyskih-glaz> (дата обращения: 15.06.2025).

²⁴ Новиков Р. Китайский подрядчик копает дно камчатских бухт для строительства огромного газового комплекса // Комсомольская правда. 06.07.2022. Доступ: <https://www.dv.kp.ru/daily/27415/4613433/?ysclid=m071ppl63v257360566> (дата обращения: 15.06.2025).

СПГ только по технологии борт-в-борт, а плавучие хранилища газа временно не задействованы²⁵.

В бесперебойном функционировании СМП прежде всего заинтересован Китай, так как по этому маршруту в него поставляются не только СПГ, но и другие полезные ископаемые, а также пиломатериалы, продовольственные и иные товары из АЗРФ и Северной Европы, а в обратном направлении — китайские промышленные товары. По этим причинам, например, ведущая китайская судоходная компания «COSCO» охотно пошла на сотрудничество с «Новатэком» в развитии флота газовозов, необходимых для транспортировки газа с «Ямал СПГ» потребителям. Из 15 газовозов ледового класса, построенных в Южной Корее, 14 принадлежали совместным предприятиям «COSCO» с канадскими, греческими и японскими партнерами²⁶. Правда, после введения американских санкций против ряда подразделений «COSCO», участвовавших в этих совместных предприятиях, информация о собственниках газовозов стала недоступной для общественности. Не исключено, что «COSCO» была вынуждена выйти из этих предприятий.

В мае 2024 г. в Архангельске было подписано многостороннее соглашение по поводу организации экспортно-импортных рейсов из Архангельского морского порта в Шанхай и обратно. Со стороны КНР партнером выступила судоходная компания «Hainan Yangru Newnew Shipping» (HYNS). До этого она осуществляла рейсы из Калининграда, Санкт-Петербурга, Мурманска и Архангельска в Шанхай, Циндао и другие китайские порты²⁷.

Компании из КНР приняли также участие в формировании морских и мультимодальных контейнерных линий. Китайская транспортно-логистическая компания «Torgmoll» запустила контейнерный сервис через СМП. Маршрут «Арктический экспресс № 1» связывает порты Шанхай и Нинбо с Архангельском, далее грузы отправляются в центральные регионы России. По прибытии

²⁵ Дятел Т. Свои берега перевалируют // Коммерсантъ. 24.02.2025. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/7532591> (дата обращения: 15.06.2025).

²⁶ Чей газовоз? Кто владеет флотом для обслуживания СПГ-проектов в Арктике // Яндекс Дзен. 01.10.2019. Доступ: <https://dzen.ru/a/XZNoUt3-9gCsg8I5?ysclid=lyj18bg5aa908422696> (дата обращения: 15.06.2025).

²⁷ Китайцы раскатывают Севморпуть // Монокль. 13.05.2024. Доступ: <https://monocle.ru/monocle/2024/20/kitaytsy-raskatyvayut-sevmorput/> (дата обращения: 15.06.2025).

в столицу Поморья грузы дальше доставляются по железной дороге в Москву и Санкт-Петербург. Общая длина маршрута составляет 1200 км по железной дороге и 6600 морских миль. Весь путь занимает 20–25 дней, что значительно сокращает время доставки по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал. В 2024 г. была запланирована перевозка более 20 тыс. контейнеров по новому мультимодальному коридору²⁸.

В сентябре 2023 г. Мурманская область и ООО «Шаньдунская портовая группа», один из крупнейших портовых операторов Китая, заявили о своем намерении сотрудничать по вопросам расширения действующих логистических маршрутов и открытия новых коридоров перевозки грузов²⁹. Китайских партнеров привлекает то, что Мурманск — незамерзающий порт, который действует круглый год и способен принимать суда практически любого класса и грузоподъемности.

В ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву (март 2023 г.) президент РФ В.В. Путин заявил о готовности России создать рабочий орган по развитию СМП³⁰. По итогам визита российского лидера в Китай в мае 2024 г. была создана подкомиссия по СМП. Было принято решение о формировании трех рабочих российско-китайских групп: по развитию навигации, по безопасности и по арктическому судостроению. В конце ноября 2024 г. подкомиссия провела свое первое заседание³¹.

Индия также проявляет большой интерес к эксплуатации СМП. Например, в октябре 2021 г. она получила первую прямую поставку

²⁸ Из Архангельска в Шанхай запустили новый железнодорожно-морской маршрут // Медиапалуба. 06.07.2024. Доступ: <https://paluba.media/news/80161> (дата обращения: 15.06.2025).

²⁹ Мурманск и Шаньдунская портовая группа намерены сотрудничать по вопросам логистики // ТАСС. 16.09.2023. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/18767773> (дата обращения: 15.06.2025).

³⁰ Путин: Россия и Китай готовы создать рабочий орган по развитию Северного морского пути // Ведомости. 21.03.2023. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/03/21/967507-rossiya-kitai-severnogo-morskogo-puti?ysclid=lovir1jezm729415203> (дата обращения: 15.06.2025).

³¹ Россия и Китай провели первое заседание подкомиссии по Севморпути // РИА Новости. 26.11.2024. Доступ: <https://ria.ru/20241126/rossiya-1985849778.html> (дата обращения: 15.06.2025).

СПГ с предприятия «Новатэк» на Ямале³². Помимо СПГ индийские компании планируют использовать СМП для транспортировки нефти и нефтепродуктов, каменного угля, рудных концентратов и пр. Дели также рассматривает возможность создания контейнерной линии на СМП.

Индия пока не подключилась к разработке собственно арктических морских маршрутов. В настоящее время она развивает совместно с Россией маршрут Владивосток–Ченнаи (ранее — Мадрас), который ориентирован на вывоз закупаемых Индией товаров в Сибири и на российском Дальнем Востоке. В сентябре 2019 г. во Владивостоке премьер-министр Индии Нарендра Моди подписал Меморандум о намерениях в отношении маршрута. При этом стороны обсуждают возможность использования коридора Владивосток–Ченнаи в качестве естественного продолжения трассы СМП. Это позволит существенно (по предварительным данным, с 42–40 до 24–23 суток) сократить время доставки грузов из европейской части России в Индию и обратно по сравнению с традиционными (южными) маршрутами³³.

Индийские судоходные компании понимают, что для эффективной эксплуатации СМП необходимы обученные экипажи. По этой причине в сентябре 2023 г. Индия и Россия достигли договоренности о подготовке индийских моряков для работы в полярных водах. Обучение должно проходить в тренировочном центре Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского во Владивостоке³⁴.

Значительные перспективы имеет мультимодальный маршрут международного транспортного коридора (МТК) «Север–Юг», позволяющий сократить время перевозки грузов между Россией и Индией на 10–15 дней по сравнению с традиционным морским путем через Суэцкий канал, обычно занимающим до 40 дней. Со-

³² Кулик Л., Калинин А. Развитие российско-индийских экономических связей в новых условиях // Российский совет по международным делам. 2022. Доступ: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Russia-India-PolicyBrief43.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

³³ Владивосток — Ченнаи: новый коридор — новые горизонты судостроения // Корабел.ру. 20.04.2023. Доступ: <https://dzen.ru/a/ZED75wVoDBX7kXqh?ysclid=lyj3jpb4b7474247197> (дата обращения: 15.06.2025).

³⁴ Россия и Индия договорились о сотрудничестве в Арктике // Арктический век. 19.09.2023. Доступ: <https://acentury.ru/news/rossia-i-india-dogovorilis-ostrudnichestve-v-arktike/> (дата обращения: 15.06.2025).

глашение о создании МТК между Россией, Индией и Ираном было подписано еще в 2000 г. Поначалу его основной идеей было соединить Индийский океан и Персидский залив с Северной Европой через Каспийское море и Россию. Со временем к соглашению присоединились Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Сирия, Турция и Оман³⁵. Однако из-за отказа европейских стран участвовать в проекте и их санкций в отношении России приоритеты МТК «Север–Юг» несколько изменились. Теперь этот коридор нацелен прежде всего на развитие товаропотока между Ираном и Индией, с одной стороны, и Россией (включая западную часть АЗРФ) — с другой (при участии Азербайджана и стран Центральной Азии). Например, в 2020 г. «РЖД Логистика» и Контейнерная корпорация Индии «CONCOR» подписали сервисное соглашение о совместном развитии мультимодальных перевозок грузов по этому МТК³⁶.

Важно, чтобы сотрудничество России с международными партнерами в транспортно-логистической сфере происходило на принципах «синей экономики». В самом широком смысле под ней понимается морская экономическая деятельность на основе высоких экологических стандартов [«Синяя экономика»..., 2022; Tianming et al., 2021]. Принципы «синей экономики» применимы ко всем отраслям морского хозяйства, включая транспорт, в частности СМП, и всё, что с ним связано.

В случае с СМП важны два аспекта его функционирования: снижение загрязнения морской окружающей среды с судов и модернизация портовой инфраструктуры [Bobylev et al., 2024]. В свою очередь первый компонент «синей» экономической стратегии может быть реализован путем имплементации Полярного кодекса, в котором, как уже отмечалось, предусмотрен ряд мер по обеспечению безопасности полярного судоходства и защите морской окружающей среды. Поскольку и Россия, и иностранные эксплуатанты СМП достаточно последовательно выполняют требования Полярного кодекса, есть все основания надеяться на то, что в этой части развитие СМП как

³⁵ Бродт Л. Активизация азиатских стран в Арктике и российско-индийское сотрудничество в регионе // Российский совет по международным делам. 27.03.2023. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/aktivizatsiya-aziatskikh-stran-v-arktike-i-rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-regione/> (дата обращения: 15.06.2025).

³⁶ Там же.

перспективного международного морского транспортного коридора будет соответствовать принципам «синей экономики».

Что касается второго приоритета, то проблема заключается в том, что при модернизации существующих и строительстве новых морских портов в акватории СМП пока акцент делается на увеличении их экономического потенциала, а не на природоохранной составляющей [Николаева, 2023]. Этот стереотип в отношении СМП еще предстоит преодолеть и найти достойное место экологическому компоненту в стратегии его дальнейшего развития. Следует отметить, что некоторые недавние нормативные документы (Стратегия развития АЗРФ на период до 2035 г.³⁷ и План развития СМП на период до 2035 г.³⁸) предусматривают ряд мер в этом направлении. Опять же, наиболее важные российские партнеры из числа дружественных стран (Индия, Китай) могли бы поделиться своим опытом создания транспортно-логистических узлов на основе высоких экологических стандартов и принять непосредственное участие в модернизации и развитии портовой инфраструктуры АЗРФ [Сергунин, 2024].

Научное сотрудничество

Так называемая арктическая научная дипломатия (АНД), являясь разновидностью публичной дипломатии, особенно востребована в периоды обострения международной обстановки и ухудшения отношений между региональными игроками [Гутенев, Сергунин, 2022]. И хотя большинство стран «коллективного Запада» разорвали институциональные связи с Россией и свернули научные проекты и программы, сотрудничество между академическими сообществами наших стран продолжается на индивидуальном уровне. Многие западные ученые — представители естественных наук выступают за возобновление сотрудничества с Россией в области арктических исследований, так как без российских данных невозможно создать надежную модель климатических изменений в Арктике (и во всём

³⁷ Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Гарант.ру. Доступ: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556/> (дата обращения: 15.06.2025).

³⁸ Распоряжение Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 2115-р «Об утверждении плана развития Северного морского пути на период до 2035 года» // Гарант.ру. Доступ: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751/?ysclid=ligh2bmb6r7340055657> (дата обращения: 15.06.2025).

мире), а также отследить динамику состояния полярных льдов, таяние вечной мерзлоты, изменения в арктической флоре и фауне и пр. Россия также старается компенсировать потери на западном направлении расширением научного сотрудничества со странами Востока. Особенно активно развивается взаимодействие российских научно-образовательных учреждений с партнерами из КНР и Индии. Китайских ученых к сотрудничеству с российскими коллегами подталкивает и то обстоятельство, что в КНР на уровне государственной стратегии принята концепция Полярного (или Ледового) Шелкового пути, нуждающаяся в научном обосновании [см. подробнее: Liu, Solski, 2022].

Как уже отмечалось, под давлением международного академического сообщества руководство Арктического совета приняло решение о возобновлении российского участия во всех шести рабочих группах форума в онлайн-формате с осени 2024 г. Реанимация деятельности Совета, являющегося одной из значимых площадок АНД, весьма позитивно сказалась на оживлении научного сотрудничества в этом регионе.

Ученые-арктиковеды всего мира считают, что приоритеты АНД должны включать следующие направления исследований:

- изменение климата;
- гляциология;
- разграничение континентального шельфа;
- рациональное использование природных ресурсов Арктики;
- сохранение биоразнообразия;
- социогуманитарные аспекты арктического развития;
- коренные народы Севера [Гутенев, Сергунин, 2022: 168].

Несмотря на нарушение институциональных связей между научно-образовательными учреждениями, АНД базируется на довольно прочной нормативно-правовой основе. Помимо двусторонних договоренностей о научном сотрудничестве действует уже упоминавшееся Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества 2017 г. И хотя западные страны не используют все возможности этого правового режима для совместной работы с Россией, Москва применяет ряд положений Соглашения для укрепления научных связей с дружественными неарктическими государствами.

Россия также активно участвует в таком формате, как Министерские встречи по вопросам развития науки в Арктике, проходящие

с 2016 г. Примечательно, что 4-я встреча в этом формате проходила на базе Российского государственного гидрометеорологического университета в Санкт-Петербурге (апрель 2023 г.), т. е. даже в нынешних условиях Россия имеет возможности отстаивать свои интересы в сфере АНД.

Важно отметить, что российские ученые принимают участие в планировании арктических исследований по линии МАНК. Так, они входят в основные рабочие группы по формированию программы научных исследований на 2026–2030 гг. Российские арктиковеды также активно участвуют в подготовке такого значимого научного события, как 5-й Международный полярный год (2032–2033)³⁹.

Большую роль в осуществлении АНД играют международные научные симпозиумы. К сожалению, такой авторитетный международный форум, как «Арктика — территория диалога», организуемый Россией каждые два года и успешно функционировавший с 2010 г., не действовал с 2019 г. в течение нескольких лет. В 2021 г. его перенесли из-за ковидных ограничений. В 2022 г. форум был отменен из-за его бойкота западных арктических стран. Его удалось созвать только в марте 2025 г. в Мурманске. В нем приняли участие представители 21 государства⁴⁰.

Из престижных российских площадок с международным участием остались также ежегодные Форум «Арктика: настоящее и будущее» (Санкт-Петербург) и Форум по устойчивому развитию «Северного форума» (организация российских и зарубежных полярных регионов, созданная еще в 1991 г.) на базе Северо-Восточного федерального университета (г. Якутск). В мае 2024 г. Петрозаводский государственный университет организовал представительный форум «Арктика — наш общий дом». Было принято решение о его проведении раз в два года.

Ряд международных симпозиумов, проходящих ежегодно, открыты для очного или виртуального участия российских ученых:

- «Арктические рубежи» (г. Тромсё, Норвегия);

³⁹ International Polar Year 2032–33: Initial concept note // International Arctic Science Committee. October 2023. Available at: https://iasc.info/images/IPY/Initial_IPY_Concept_Note_-_Version_October_2023.pdf (accessed: 15.06.2025).

⁴⁰ Подведены итоги Международного арктического форума «Арктика — территория диалога» — 2025 // Фонд «Росконгресс». 23.05.2025. Доступ: <https://forumarctica.ru/news/podvedeny-itogi-mezhdunarodnogo-arkticheskogo-foruma-«arktika-territoriya-dialoga»-2025-1/> (дата обращения: 15.06.2025).

- «Северный диалог» (г. Будё, Норвегия);
- Форум «Полярный круг» (г. Рейкьявик, Исландия);
- «Неделя арктической науки» (МАНК, место проведения — на ротационной основе);
- «Арктическая встреча» (г. Анкоридж, США).

Раз в три года Международная ассоциация арктических социальных наук (МААСН) проводит конгресс в одной из стран — членов объединения. Участие российских арктиковедов в этих международных мероприятиях важно с точки зрения не только «демонстрации флага» отечественной науки, но и отстаивания национальных интересов РФ в области арктических исследований.

Исходя из тех же соображений, важно сохранять участие зарубежных ученых — из западных и незападных стран — в работе российских полярных станций. Около 10 станций, расположенных в АЗРФ, готовы принять (и принимали ранее) иностранных полярников⁴¹. В обозримом будущем планируется ввод в строй станции «Снежинка» в Ямало-Ненецком автономном округе, работающей на водороде и специально рассчитанной на участие зарубежных ученых.

В рамках «поворота на Восток» российской АНД Москва инициировала создание научно-исследовательской станции БРИКС на базе законсервированного советского поселка «Пирамида» на архипелаге Шпицберген. Интерес к этому проекту проявили Бразилия, Китай и Индия⁴².

* * *

Подводя итоги, отметим, что деструктивная позиция «коллективного Запада», занятая им в отношении России в Арктике после начала СВО в 2022 г., создала немало проблем для развития плодотворного международного сотрудничества в регионе и во многом обесценила практиковавшуюся на протяжении долгого времени

⁴¹ Ширгазина Э. Российско-индийские отношения в Арктике: перспективы для науки и инфраструктуры // Российский совет по международным делам. 05.10.2022. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/rossijsko-indiyskie-otnosheniya-v-arktike-perspektivy-dlya-nauki-i-infrastruktury/> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴² Минвостокразвития: Индия может стать серьезным покупателем СПГ и нефти с Арктики // ТАСС. 05.06.2023. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/17926789?ysclid=lsk aab8gdb578477123> (дата обращения: 15.06.2025).

концепцию «арктической исключительности». Однако было бы преждевременно совсем «хоронить» эту концепцию, подчеркивавшую уникальность данного региона и подразумевавшую модальность сотрудничества, а не конфронтации на Крайнем Севере. То же самое касается и конкретных (функциональных) направлений международного взаимодействия в регионе. Несмотря на указанные трудности, всё же определенные возможности для взаимовыгодного сотрудничества в Арктике по-прежнему сохраняются. В то же время нынешняя реальность внесла серьезные коррективы в характер и направления этого взаимодействия.

Во-первых, в настоящее время формируются две мало пересекающиеся сферы международного сотрудничества в Арктике. Одна сфера — это совместная работа стран «коллективного Запада», которая кристаллизуется вокруг «ядра» в виде США и НАТО (с подсистемой из пяти стран Северной Европы, исторически имеющих особые отношения). Вторая сфера — сотрудничество между Россией и дружественными ей государствами Азии (Китай, Вьетнам, Индия, ОАЭ), причем их круг в перспективе может расширяться.

Во-вторых, несмотря на то что разрыв между этими сферами продолжает углубляться, еще остаются определенные ниши для диалога между ними. Так, европейские государства и Япония по-прежнему получают ямальский СПГ и закупают через третьи страны (Индию) российскую нефть (в том числе из АЗРФ). Хотя и в значительно меньшем объеме, но всё же продолжается научное сотрудничество между западными и российскими учеными по арктической проблематике. Возобновление деятельности рабочих групп Арктического совета с российским участием — дальнейший шаг на пути возрождения АНД, хотя и не в прежних масштабах.

В-третьих, международно-правовой режим Арктики продемонстрировал не только жизнестойкость, но и способность к развитию и совершенствованию в таких сферах, как разграничение континентального шельфа, безопасность судоходства, охрана морской окружающей среды, рыболовство, научное сотрудничество и пр.

В-четвертых, в таких сферах, как энергетика и развитие транспортно-логистической инфраструктуры АЗРФ, российский «поворот на Восток» будет продолжаться и сотрудничество будет развиваться с дружественными РФ странами, прежде всего из числа членов БРИКС.

В то же время, и это в-пятых, по-прежнему существуют области, которые открыты для сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами: изменение климата, защита окружающей среды, сохранение биоразнообразия, состояние вечной мерзлоты, ледников и ледового покрова в СЛО, поисково-спасательные операции, предотвращение и борьба с последствиями природных и техногенных катастроф, сохранение самобытных хозяйства и культуры коренных народов Севера, устойчивое развитие региона, самые разнообразные научные исследования и пр.

В-шестых, несмотря на серьезный кризис региональной институциональной инфраструктуры (заморозка Арктического совета, выход России из СБЕР), пока рано говорить о ее полном коллапсе. Сохраняют работоспособность в Арктике структуры ООН: ММО, Программа ООН по окружающей среде, Программа развития ООН. Северный форум и Арктический экономический совет также продолжают работу, хотя и не так активно, как прежде. Арктический совет возобновил свою деятельность на уровне рабочих групп в онлайн-формате.

В связи с этим есть основания надеяться, что после окончания украинского конфликта вполне вероятно постепенное восстановление международного арктического сотрудничества и региональной институциональной инфраструктуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гутенев М.Ю., Сергунин А.А. Арктическая научная дипломатия России: теория и практика // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 3. С. 155–174. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-06.

2. Журавель В.П. Вопросы обороны и безопасности в Арктике в контексте украинского кризиса // Современная Европа. 2024. № 3. С. 150–160. DOI: 10.31857/S0201708324030124.

3. Журавель В.П., Медведев Д.А. Международное сотрудничество России в Арктике в условиях геополитической трансформации. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2023.

4. Козьменко С.Ю., Козьменко А.С. Планирование развития арктических морских коммуникаций в эпоху гибридной войны // Арктика и Север. 2025. № 59. С. 44–62. DOI: 10.37482/issn2221_2698.2025.59.44.

5. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России // Вестник Московского университета. Серия 25: Между-

народные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 127–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152.

6. Конышев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной стратегии США в Арктике // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 226–243. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.57.226.

7. Николаева А.Б. Развитие портовой инфраструктуры как потенциал для увеличения грузооборота Северного морского пути // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26. № 3 (81). С. 140–149. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.009.

8. Полхова Е.В., Сергунин А.А. «Арктическое лобби» в Японии: структура, механизмы влияния и роль в развитии сотрудничества с Российской Федерацией // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 4. С. 99–130. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-4-99-130.

9. Сергунин А.А. Роль стран БРИКС в развитии «синей экономики» Арктической зоны Российской Федерации // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире: Материалы Второй международной научно-практической конференции: В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов. М.: ИД «УМЦ», 2024. С. 629–635.

10. «Синяя экономика» и проблемы развития Арктики / Под ред. С.М. Никонорова, К.В. Папенова, К.С. Ситкиной. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022.

11. Фокин Ю.Е., Смирнов А.И. Киркенесская Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. М.: Национальный институт исследований глобальной безопасности, 2012.

12. Хотькова Е.С., Глущенко Ю.Н., Аничкина Т.Б. и др. Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С. 9–43.

13. Эпштейн В.А., Тахаева А.Р. Арктическая политика Южной Кореи // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 7 (60). С. 23–28. DOI: 10.24158/pep.2018.7.3.

14. Alexeeva O., Lasserre F. An analysis on Sino-Russian cooperation in the Arctic in the BRI era // Advances in Polar Science. 2018. Vol. 29. No. 4. P. 269–282. DOI: 10.13679/j.advps.2018.4.00269.

15. Åtland K. Mikhail Gorbachev, the Murmansk initiative, and the desecuritization of interstate relations in the Arctic // Cooperation and Conflict. 2008. Vol. 43. No. 3. P. 289–311. DOI: 10.1177/0010836708092838.

16. Bobylev N., Lagutina M., Sboichakova A., Sergunin A. The Northern Sea Route as a driver of Russia's Arctic 'blue economy' // Proceedings of topical issues in international political geography (TIPG 2023) / Ed. by R. Bolgov et al. Cham: Springer, 2024. P. 537–554.

17. Branka T. The end of Ar[c]tic exceptionalism? New Ar[c]tic approach after February 24, 2022 // *Przegląd Strategiczny*. 2022. No. 15. P. 373–392. DOI: 10.14746/ps.2022.1.22.

18. Devyatkin P. Arctic exceptionalism: A narrative of cooperation and conflict from Gorbachev to Medvedev and Putin // *The Polar Journal*. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 336–357. DOI: 10.1080/2154896X.2023.2258658.

19. Dolata P. *The Arctic: A diverse and evolving region*. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2015.

20. Exner-Pirot H., Murray R. Regional order in the Arctic: Negotiated exceptionalism // *Politik*. 2017. Vol. 20. No. 3. P. 47–64. DOI: 10.7146/politik.v20i3.97153.

21. Käpylä J., Mikkola H. *On Arctic exceptionalism: Critical reflections in the light of the Arctic Sunrise case and the crisis in Ukraine*. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2015. Available at: <https://fiia.fi/en/publication/on-arctic-exceptionalism> (accessed: 15.06.2025).

22. Knecht S. Arctic regionalism in theory and practice: From cooperation to integration? // *The Arctic of regions vs. the globalized Arctic: Arctic Yearbook 2013* / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Plouffe. Akureyri: Northern Research Forum, 2013. P. 164–183. Available at: <https://www.arcticyearbook.com/> (accessed: 15.06.2025).

23. Knecht S., Keil K. Arctic geopolitics revisited: Spatialising governance in the circumpolar North // *The Polar Journal*. 2013. Vol. 3. No. 1. P. 178–203. DOI: 10.1080/2154896X.2013.783276.

24. Konyshov V., Sergunin A., Subbotin S. Russia's Arctic strategies in the context of the Ukrainian crisis // *The Polar Journal*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 104–124. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1335107.

25. Liu N., Solski J.J. The Polar Silk Road and the future governance of the Northern Sea Route // *Leiden Journal of International Law*. 2022. Vol. 35. No. 4. P. 853–866. DOI: 10.1017/S0922156522000516.

26. Sergunin A. *Russia and Arctic fisheries* // *Governing marine living resources in the Polar regions* / Ed. by N. Liu, C.M. Brooks, T. Qin. Northampton: Edward Elgar Publishing Limited, 2019. P. 109–137.

27. Sergunin A. Thinking about Russian Arctic council chairmanship: Challenges and opportunities // *Polar Science*. 2021. Vol. 29. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.polar.2021.100694.

28. Sergunin A., Shibata A. Implementing the 2017 Arctic Science Cooperation Agreement: Challenges and opportunities as regards Russia and Japan // *The Yearbook of Polar Law*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 45–75. DOI: 10.1163/22116427_014010004.

29. Tianming G., Bobylev N., Gadal S. et al. Planning for sustainability: An emerging blue economy in Russia's coastal Arctic? // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. No. 9. P. 1–15. DOI: 10.3390/su13094957.

30. Vázquez Orbaiceta G. The resurgence of the GIUK gap's strategic significance: Opinion paper 49/2023 // Instituto Español de Estudios Estratégicos. 16.05.2023. Available at: https://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_opinion/2023/DIEEEE049_2023_GONVAZ_Artico_EN G.pdf (accessed: 15.06.2025).

31. Young O.R. Governing the Arctic: From Cold War theater to mosaic of cooperation // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2005. Vol. 11. No. 1. P. 9–15. DOI: 10.1163/19426720-01101002.

REFERENCES

1. Gutenev M.Yu., Sergunin A.A. 2022. Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya Rossii: teoriya i praktika [Russia's Arctic science diplomacy: Theory and practice]. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 155–174. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-06. (In Russ.)

2. Zhuravel' V.P. 2024. Voprosy oborony i bezopasnosti v Arktike v kontekste ukrainskogo krizisa [Defense and security issues in the Arctic in the context of the Ukrainian conflict]. *Contemporary Europe*, no. 3, pp. 150–160. DOI: 10.31857/S0201708324030124. (In Russ.)

3. Zhuravel' V.P., Medvedev D.A. 2023. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Rossii v Arktike v usloviyakh geopoliticheskoi transformatsii* [Russia's international cooperation in the Arctic in the context of geopolitical transformation]. Moscow, Tsentr strategicheskikh otsenok i prognozov Publ. (In Russ.)

4. Koz'menko S.Yu., Koz'menko A.S. 2025. Planirovanie razvitiya arkticheskikh morskikh kommunikatsii v epokhu gibridnoi voyny [Planning the development of Arctic maritime communications in the era of hybrid warfare]. *Arctic and North*, no. 59, pp. 44–62. DOI: 10.37482/issn2221_2698.2025.59.44. (In Russ.)

5. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. 2024a. Voennaya bezopasnost' v Arktike: novye ugrozy dlya Rossii [Military security in the Arctic: New threats to Russia]. *Lomonosov World Politics Journal*, 2024a, vol. 16, no. 3, pp. 127–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152. (In Russ.)

6. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. 2024b. O novoi voennoi strategii SShA v Arktike [On the new US military strategy in the Arctic]. *Arctic and North*, no. 57, pp. 226–243. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.57.226. (In Russ.)

7. Nikolaeva A.B. 2023. Razvitie portovoi infrastruktury kak potentsial dlya uvelicheniya gruzooborota Severnogo morskogo puti [Enhancing cargo capacity along the Northern Sea Route through harbor infrastructure development]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*, vol. 26, no. 3 (81), pp. 140–149. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.009. (In Russ.)

8. Polkhova E.V., Sergunin A.A. 2020. 'Arkticheskoe lobbi' v Yaponii: struktura, mekhanizmy vliyaniya i rol' v razvitiu sotrudnichestva s Rossiiskoi Fede-

ratsiei [The Arctic lobby in Japan: Structures, mechanisms of influence and the role in developing cooperation with the Russian Federation]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 12, no. 4, pp. 99–130. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-4-99-130. (In Russ.)

9. Sergunin A.A. 2024. Rol' stran BRIKS v razvitiy 'sinei ekonomiki' Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii [The role of the BRICS countries in the development of the 'blue economy' of the Arctic zone of the Russian Federation]. In: Bulavina M.A., Gerasimov V.I. (eds.). *Strany BRIKS: strategii razvitiya i mekhanizmy sotrudnichestva v izmenyayushchemsya mire: Materialy Vtoroi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: V 2 ch. Ch. 1* [BRICS countries: Development strategies and mechanisms of cooperation in a changing world: Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Part 1]. Moscow, ID 'UMTs' Publ., pp. 629–635. (In Russ.)

10. Nikonorov S.M., Papenov K.V., Sitkina K.S. (eds.). 2022. 'Sinyaya ekonomika' i problemy razvitiya Arktiki [The 'blue economy' and the problems of Arctic development]. Moscow, Ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova Publ. (In Russ.)

11. Fokin Yu.E., Smirnov A.I. 2012. *Kirkenesskaya Deklaratsiya o sotrudnichestve v Barentsevom/Evroarkticheskom regione: vzglyad iz Rossii 20 let spustya* [Kirkenes Declaration on Cooperation in the Barents/Euro-Arctic Region: A view from Russia 20 years later]. Moscow, Natsional'nyi institut issledovaniy global'noi bezopasnosti Publ. (In Russ.)

12. Khot'kova E.S., Glushchenko Yu.N., Anichkina T.B. et al. 2014. Arktika v sovremennoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii i natsional'nye interesy Rossii [The Arctic in the contemporary system of international relations and Russian national interests]. *National Strategy Issues*, no. 5 (26), pp. 9–43. (In Russ.)

13. Epshtein V.A., Takhaeva A.R. 2018. Arkticheskaya politika Yuzhnoi Korei [Arctic interests of South Korea]. *Society: Politics, Economics, Law*, no. 7 (60), pp. 23–28. DOI: 10.24158/pep.2018.7.3. (In Russ.)

14. Alexeeva O., Lasserre F. 2018. An analysis on Sino-Russian cooperation in the Arctic in the BRI era. *Advances in Polar Science*, vol. 29, no. 4, pp. 269–282. DOI: 10.13679/j.advps.2018.4.00269.

15. Åtland K. 2008. Mikhail Gorbachev, the Murmansk initiative, and the desecuritization of interstate relations in the Arctic. *Cooperation and Conflict*, vol. 43, no. 3, pp. 289–311. DOI: 10.1177/0010836708092838.

16. Bobylev N., Lagutina M., Sboichakova A., Sergunin A. 2024. The Northern Sea Route as a driver of Russia's Arctic 'blue economy'. In: Bolgov R. et al. (eds.). *Proceedings of topical issues in international political geography (TIPG 2023)*. Cham, Springer, pp. 537–554.

17. Branka T. 2022. The end of Ar[c]tic exceptionalism? New Ar[c]tic approach after February 24, 2022. *Przegląd Strategiczny*, no. 15, pp. 373–392. DOI: 10.14746/ps.2022.1.22.

18. Devyatkin P. 2023. Arctic exceptionalism: A narrative of cooperation and conflict from Gorbachev to Medvedev and Putin. *The Polar Journal*, vol. 13, no. 2, pp. 336–357. DOI: 10.1080/2154896X.2023.2258658.

19. Dolata P. 2015. *The Arctic: A diverse and evolving region*. Berlin, Friedrich-Ebert-Stiftung.

20. Exner-Pirot H., Murray R. 2017. Regional order in the Arctic: Negotiated exceptionalism. *Politik*, vol. 20, no. 3, pp. 47–64. DOI: 10.7146/politik.v20i3.97153.

21. Käpylä J., Mikkola H. 2015. *On Arctic exceptionalism: Critical reflections in the light of the Arctic Sunrise case and the crisis in Ukraine*. Helsinki, The Finnish Institute of International Affairs. Available at: <https://fiia.fi/en/publication/on-arctic-exceptionalism> (accessed: 15.06.2025).

22. Knecht S. 2013. Arctic regionalism in theory and practice: From cooperation to integration? In: Heininen L., Exner-Pirot H., Plouffe J. (eds.). *The Arctic of regions vs. the globalized Arctic: Arctic Yearbook 2013*. Akureyri, Northern Research Forum, pp. 164–183. Available at: <https://www.arcticyearbook.com/> (accessed: 15.06.2025).

23. Knecht S., Keil K. 2013. Arctic geopolitics revisited: Spatialising governance in the circumpolar North. *The Polar Journal*, vol. 3, no. 1, pp. 178–203. DOI: 10.1080/2154896X.2013.783276.

24. Konyshov V, Sergunin A., Subbotin S. 2017. Russia's Arctic strategies in the context of the Ukrainian crisis. *The Polar Journal*, vol. 7, no. 1, pp. 104–124. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1335107.

25. Liu N., Solski J.J. 2022. The Polar Silk Road and the future governance of the Northern Sea Route. *Leiden Journal of International Law*, vol. 35, no. 4, pp. 853–866. DOI: 10.1017/S0922156522000516.

26. Sergunin A. 2019. Russia and Arctic fisheries. In: Liu N., Brooks C.M., Qin T. (eds.). *Governing marine living resources in the Polar regions*. Northampton, Edward Elgar Publishing Limited, pp. 109–137.

27. Sergunin A. 2021. Thinking about Russian Arctic council chairmanship: Challenges and opportunities. *Polar Science*, vol. 29, pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.polar.2021.100694.

28. Sergunin A., Shibata A. 2023. Implementing the 2017 Arctic Science Cooperation Agreement: Challenges and opportunities as regards Russia and Japan. *The Yearbook of Polar Law*, vol. 14, no. 1, pp. 45–75. DOI: 10.1163/22116427_014010004.

29. Tianming G., Bobylev N., Gadal S. et al. 2021. Planning for sustainability: An emerging blue economy in Russia's coastal Arctic? *Sustainability*, vol. 13, no. 9, pp. 1–15. DOI: 10.3390/su13094957.

30. Vázquez Orbaiceta G. 2023. *The resurgence of the GIUK gap's strategic significance: Opinion paper 49/2023*. Instituto Español de Estudios Estratégicos.

gicos. Available at: https://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_opinion/2023/DIEEEEO49_2023_GONVAZ_Artico_EN G.pdf (accessed: 15.06.2025).

31. Young O.R. 2005. Governing the Arctic: From Cold War theater to mosaic of cooperation. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, vol. 11, no. 1, pp. 9–15. DOI: 10.1163/19426720-01101002.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024;
одобрена после рецензирования 15.06.2025;
принята к публикации 17.07.2025

The paper was submitted 30.09.2024;
approved after reviewing 15.06.2025;
accepted for publication 17.07.2025

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-145-176

Научная статья / Research paper

С.С. Шестакова*

ПЕРЕГОВОРЫ ПО ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЕ: ФЕНОМЕН СВПД, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В условиях роста нестабильности и конфликтности в современных международных отношениях усиливается деградация международных режимов, в частности режима нераспространения ядерного оружия. Яркой иллюстрацией этой тенденции стал углубляющийся кризис вокруг иранской ядерной программы (ИЯП), который не только подрывает международную безопасность, но и приобретает особое региональное измерение на фоне эскалации палестино-израильского конфликта. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение характера и содержания дипломатических усилий, направленных на мирное урегулирование ситуации вокруг ИЯП в преддверии истечения срока рассмотрения иранского ядерного досье в Совете Безопасности ООН. Цель настоящей статьи заключается в выявлении специфики переговорного процесса по ИЯП, его основополагающих принципов и механизмов, а также в изучении проблем и перспектив дальнейшего развития ситуации вокруг ИЯП в современных условиях. Опираясь на неинституциональный подход к анализу международных отношений, автор приходит к выводу, что Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) следует рассматривать как элемент уникальной переговорной системы, включающей ряд формальных и неформальных норм и практик, которую можно обобщенно обозначить понятием «дух СВПД». Однако вскоре после одобрения СВПД эта переговорная система оказалась в состоянии кризиса. В статье под-

* Шестакова Софья Сергеевна — аспирант кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: shestak.sonyu@gmail.com).

робно рассмотрены проблемы, которые фактически завели переговоры по ИЯП в тупик. В частности, отмечается, что отсутствие прогресса в урегулировании ситуации вокруг ИЯП на текущем этапе обусловлено политизацией переговорного процесса и кризисом доверия между его сторонами, восстановлением санкционного режима в отношении Ирана и введением последним дополнительных требований в адрес США и стран «евротройки», а также превышением технических показателей ИЯП и израильским фактором. В этом контексте автор обозначает три сценария развития ситуации вокруг ИЯП в контексте перспектив иранской ядерной сделки: восстановление СВПД в первоначальном виде; его частичную ревизию либо невозможность его реставрации. Автор полагает, что ввиду неблагоприятной международно-политической конъюнктуры ситуация вокруг СВПД в краткосрочной перспективе будет развиваться в логике третьего сценария.

Ключевые слова: СВПД, иранская ядерная сделка, иранская ядерная программа, Иран, нераспространение ядерного оружия, «евротройка», Группа «5+1», США, Израиль, МАГАТЭ

Для цитирования: Шестакова С.С. Переговоры по иранской ядерной программе: феномен СВПД, современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 2. С. 145–176. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-145-176.

Sofya S. Shestakova

**NEGOTIATIONS ON THE IRANIAN NUCLEAR PROGRAM:
PHENOMENON OF THE JCPOA, CURRENT STATUS,
AND PROSPECTS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The growing instability and conflict in contemporary world politics result in the further erosion of international regimes, particularly those of nuclear non-proliferation. A vivid illustration of this trend is the deepening crisis over Iran's nuclear program (INP), which not only undermines international security but also acquires a special regional dimension against the backdrop of the escalating Palestinian-Israeli conflict. This context, as well as the pending deadline for the review of Iran's nuclear dossier in the UN Security Council, makes the study of the

nature and content of the diplomatic efforts aimed at a peaceful settlement of the situation around the INP particularly relevant. This article identifies the specific features of the INP negotiation process, its core principles, and mechanisms, and examines the problems and prospects of further developments around the INP under the current conditions. Building on the neo-institutional approach to international studies, the author concludes that the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) should be considered an element of a unique negotiation system that encompasses a range of formal and informal norms and practices and can be generally denoted as 'JCPOA spirit'. However, this system fell into a crisis shortly after the Iran nuclear deal was approved. This article delves into the problems that have effectively led the INP negotiations to an impasse. The author concludes that the lack of progress in resolving the situation around the INP at the current stage is attributed to a number of factors, including the politicization of the negotiation process, the credibility gap between its parties, the reenactment of sanctions against Iran and the introduction of additional demands by the latter on the U.S. and the E3 countries, as well as the breach of the INP specifications and the 'Israeli' factor. In this context, the author outlines three scenarios for the developments around Iran's nuclear dossier given the prospects of the Iran nuclear deal: restoration of the JCPOA in its original form, its partial revision, or failure to revive the arrangement. The author argues that given the unfavorable international political environment, the situation around the JCPOA will develop under the third scenario in the short run.

Keywords: JCPOA, Iran nuclear deal, Iran's nuclear program, Iran, nuclear nonproliferation, E3, P5+1, United States, Israel, IAEA

About the author: *Sofya S. Shestakova* — PhD Candidate at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: shestak.sonya@gmail.com).

For citation: Shestakova S.S. 2025. Negotiations on the Iranian nuclear program: Phenomenon of the JCPOA, current status, and prospects. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 145–176. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-145-176. (In Russ.)

Для современного мирового порядка, отличающегося турбулентностью и конфликтностью, характерно наличие углубляющихся кризисов международных режимов. Одним из таких примеров является режим нераспространения ядерного оружия (ЯО). В настоящее время мы можем наблюдать эрозию нормативной правовой

базы — преимущественно межгосударственной (российско-американской) — в сфере контроля над вооружениями, отсутствие прогресса в ратификации основополагающих договоров (Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, ДВЗЯИ), продолжающуюся гонку ядерных вооружений и их модернизацию, безрезультатные с точки зрения принятия итоговых документов и беспрецедентные по уровню политизации Обзорные конференции Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Другое проявление кризиса режима нераспространения — ситуация вокруг иранской ядерной программы (ИЯП). Эта проблема проявляется как в международном (в контексте режима нераспространения ЯО), так и в региональном измерении, добавляя градус напряженности в и без того отличающийся высокой степенью конфликтности регион Ближнего Востока. Текущая эскалация палестино-израильского конфликта и ее ирано-израильская составляющая создают риски для режима нераспространения ЯО. В информационном пространстве всё чаще появляются новости о потенциальном ударе Израиля по ядерным объектам Ирана¹. Однако стоит отметить, что для Израиля подобная ситуация не нова: прецедент был создан операцией «Опера» для уничтожения иракского ядерного реактора «Осирак». Более того, израильское руководство не раз пыталось убедить мировую общественность, в первую очередь США, решить вопрос вокруг ИЯП силовым путем².

Несмотря на это, предпочтение в способах урегулирования ситуации вокруг ИЯП отдается дипломатическому методу. Главным

¹ Murphy F. Where are Iran's main nuclear sites and what does it use them for? // Reuters. 01.04.2025. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/irans-main-nuclear-facilities-long-israels-sights-2024-10-02/> (accessed: 05.04.2025); Staff T. Israel said mulling attacks on Iran oil fields, nuclear sites in response to missile attack // The Times of Israel. 02.10.2024. Available at: <https://www.timesofisrael.com/israel-said-mulling-attacks-on-iran-oil-rigs-nuclear-sites-in-response-to-missile-attack/> (accessed: 05.04.2025); Pastis S. Will Israel attack Iran's nuclear program? Here's what to know about Iran's nuclear capacity // Forbes. 08.10.2024. Available at: <https://www.forbes.com/sites/stephenpastis/2024/10/03/will-israel-attack-irans-nuclear-program-heres-what-to-know-about-irans-nuclear-capacity/> (accessed: 05.04.2025).

² Netanyahu pressed for Iran attacks, but was denied: ex-defense chief // Reuters. 22.08.2015. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-israel-iran-idUSKCN0QR0KR20150822> (accessed: 05.04.2025); Керри: Израиль, саудовцы и египтяне уговаривали США атаковать Иран // STMEGI Media Group. 29.11.2017. Доступ: <https://stmegi.com/posts/53430/kerri-izrail-saudovtsy-i-egiptyane-ugovarivali-ssha-atakovat-iran/?ysclid=lhne1dsupz877470190> (дата обращения: 05.04.2025).

достижением в этом направлении стало одобрение Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2015 г. между «шестеркой» (или «Группой 5+1») международных посредников (Великобритания, Германия, Китай, Россия, США, Франция) и Ираном. Иранская ядерная сделка стала своего рода «амальгамой»: государства с разными политическими системами и идеологическими установками смогли договориться по значимой проблеме в рамках международного режима нераспространения ЯО. Однако после выхода США при администрации Д. Трампа из СВПД в 2018 г. начался постепенный отказ от соблюдения условий соглашения. К сожалению, переговоры 2021–2022 гг. по восстановлению действенности иранской ядерной сделки не принесли значительных результатов. Вместе с тем приближается «день окончания действия» резолюции Совета Безопасности (СБ) ООН № 2231: 18 октября 2025 г. Совет завершит рассмотрение иранского ядерного досье³. В этом контексте, с одной стороны, давление на Иран усиливается: страны «евротройки» заявляют о намерении запустить механизм восстановления санкций СБ ООН до «дня окончания действия»⁴; Совет управляющих МАГАТЭ последовательно принимает антииранские резолюции⁵. С другой стороны, в качестве ответных действий Иран модернизирует свою ядерную программу, превысив технические ограничения, разрешенные СВПД, в частности, по общему запасу обогащенного урана⁶.

В отечественных и зарубежных академических кругах основной нарратив состоит в том, что ядерная программа Ирана предстает как проблема современных международных отношений. Методы ее

³Резолюция 2231 (2015) — Иранская ядерная проблема // Организация Объединенных Наций. Доступ: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/content/2231/background> (дата обращения: 05.04.2025).

⁴Nichols M. Europeans tell UN ready to 'snap back' Iran sanctions if needed // Reuters. 12.12.2024. Available at: <https://www.reuters.com/world/europeans-tell-un-ready-snap-back-iran-sanctions-if-needed-2024-12-11/> (accessed: 05.04.2025).

⁵Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию по Ирану, сообщили СМИ // РИА Новости. 22.11.2024. Доступ: <https://ria.ru/20241122/magate-1985103940.html> (дата обращения: 05.04.2025). См. тексты резолюций с 2003 по 2024 г.: IAEA and Iran — IAEA resolutions // International Atomic Energy Agency. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/focus/iran/iaea-and-iran-iaea-resolutions> (accessed: 05.04.2025).

⁶Verification and monitoring in the Islamic Republic of Iran in light of United Nations Security Council resolution 2231 (2015), May 27, 2024 // International Atomic Energy Agency. Available at: <https://www.iaea.org/sites/default/files/24/06/gov2024-26.pdf> (accessed: 05.04.2025).

урегулирования традиционно представлены двумя измерениями: дипломатическим и силовым. Стоит отметить, что рассмотренная далее историография по данному вопросу относится к периоду до одобрения СВПД в 2015 г. Концепции авторов, исследующих дипломатические варианты урегулирования кризиса, условно можно представить в виде трех подходов. Первый — «зона возможного согласия» (*a zone of possible agreement*) [Sebenius, Singh, 2012], или политико-дипломатический метод [Арбатов, 2007; Сажин, 2012a, 2012b, 2016], т. е. разработка конкретных предложений для достижения соглашения, подкрепляемых как позитивными, так и негативными стимулами технического, экономического, политического и военного характера. Второй — создание международных ядерных консорциумов, под контроль которых была бы постановлена ИЯП [Мизин, 2010; Forden, Thomson, 2007; Maleki, 2010]. Третий — метод «ad-hoc», предлагаемый к применению в каждом конкретном случае зафиксированного нарушения ДНЯО с установлением системы гарантий со стороны мировых держав [Мизин, 2009].

При этом существует определенный пласт зарубежных работ, в которых военный вариант решения ситуации вокруг ИЯП рассматривается в качестве возможного⁷ или нежелательного⁸ [Sagan, 2006]. Примечательна складывающаяся тенденция: публикации, в которых допускается силовой метод, появлялись в информационном пространстве в кризисный период переговорного процесса на фоне углублявшейся модернизации ИЯП (так, статья М. Кройнига вышла в январе 2012 г. в условиях роста нерешенных вопросов МАГАТЭ к Ирану⁹; в январе 2025 г. на фоне тупика в восстановлении СВПД и эскалации на Ближнем Востоке был опубликован материал в СМИ

⁷ Bolton J.R. To stop Iran's bomb, bomb Iran // The New York Times. 26.03.2015. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/03/26/opinion/to-stop-irans-bomb-bomb-iran.html> (accessed: 05.04.2025); Kroenig M. Time to attack Iran: Why a strike is the least bad option // Foreign Affairs. 01.01.2012. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2012-01-01/time-attack-iran> (accessed: 05.04.2025).

⁸ Cordemans A.H. Rethinking our approach to Iran's search for the bomb // Center for Strategic and International Studies. 2012. Available at: <https://www.csis.org/analysis/rethinking-our-approach-irans-search-bomb> (accessed: 05.04.2025); Kahl C.H. Not time to attack Iran: Why war should be a last resort // Foreign Affairs. 01.03.2012. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/not-time-attack-iran> (accessed: 05.04.2025).

⁹ Timeline of Iran's nuclear activities // United States Institute for Peace. 17.08.2021. Available at: <https://iranprimer.usip.org/resource/timeline-irans-nuclear-activities> (accessed: 05.04.2025).

об обсуждаемых планах Дж. Байдена нанести удар по ядерным объектам Ирана¹⁰, аналогичные идеи озвучивались в академических кругах¹¹). Можно предположить, что появление подобных публикаций выступает в качестве инструмента давления на Иран, а также преследует цель повлиять на динамику переговорного процесса — с точки зрения как его возможного торпедирования (Дж. Болтон о военном ударе по иранским реакторам как о единственном эффективном методе писал в марте 2015 г., на финальном этапе согласования СВПД), так и акцентирования на (не)целесообразности военного метода (Л. Кал в марте 2012 г. характеризовал нападение на ядерную инфраструктуру как крайнюю меру, т. е. только в том случае, если другие — дипломатические — методы исчерпают себя).

Ключевой вехой урегулирования ситуации вокруг ИЯП стало одобрение иранской ядерной сделки в 2015 г., после чего проблематика СВПД прочно вошла в отечественную и зарубежную историографию. Существующий кластер работ условно можно разделить на три группы. Первая — исследования, анализирующие положения СВПД [Сажин, 2016; Tabatabai, 2017], в том числе критически [Tarock, 2016]. Оценивая значение иранской ядерной сделки, В.И. Сажин отмечает, что СВПД выходит за рамки иранской ядерной проблемы, а его принципы могут быть применены для других стран — участниц ДНЯО [Сажин, 2016: 243]. Ко второй группе можно отнести публикации, посвященные прогрессу в реализации СВПД [Баклицкий, 2019; Малмир, 2019; Fitzpatrick, 2017] и перспективам их дальнейшей имплементации (доклады «Международной антикризисной группы» 2017¹² и 2022¹³ гг. [Ермухамбетова, 2021; What future for the Iran nuclear

¹⁰ Ravid B. Scoop: Biden discussed plans to strike Iran nuclear sites if Tehran speeds toward bomb // Axios. 02.01.2025. Available at: <https://www.axios.com/2025/01/02/iran-nuclear-weapon-biden-white-house> (accessed: 05.04.2025).

¹¹ Malik H. Making Iran choose between the bomb and bankruptcy // The Washington Institute for Near East Policy. 13.01.2025. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/making-iran-choose-between-bomb-and-bankruptcy> (accessed: 05.04.2025).

¹² Implementing the Iran nuclear deal: A status report // International Crisis Group. 16.01.2017. Available at: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/iran/173-implementing-iran-nuclear-deal-status-report> (accessed: 05.04.2025).

¹³ The Iran nuclear deal at six: Now or never // International Crisis Group. 17.02.2022. Available at: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/iran/230-iran-nuclear-deal-six-now-never> (accessed: 05.04.2025).

deal?, 2018]). Наконец, третья группа включает литературу, раскрывающую хронологию, стратегию, ключевые темы переговорного процесса по СВПД [Баклицкий, 2019; Dalton, 2016; Pop, 2020]. Однако стоит отметить, что проблема особенностей самих переговоров по ИЯП и их концептуального осмысления остается проработанной не в полной мере. В частности, в научной литературе не раскрыты принципы и механизмы функционирования этого процесса, без чего невозможно сформировать комплексное понимание его составляющих.

В связи с этим в статье предпринимается попытка заполнить эту лакуну. Цель настоящего исследования — представить СВПД в виде системы норм и принципов, установившихся как результат «переговорного режима». Для того чтобы приблизиться к пониманию сложившегося положения дел вокруг иранской ядерной сделки, автор определяет в качестве исследовательских задач: проследить динамику и эволюцию СВПД; выявить и проанализировать основные препятствия на пути нормализации диалога его ключевых участников; а также определить возможные перспективы переговорного процесса по ИЯП в контексте СВПД.

В основе исследования лежит неинституциональный подход, который дал возможность учесть роль институционального фактора в урегулировании ситуации вокруг ИЯП. Исследование неформальной структуры политических институтов [Helmke, Levitsky, 2004] позволило проанализировать неформализованный комплекс мер и практик в рамках переговорного процесса по ядерной программе Ирана. Неинституциональная теория исходит из того, что основные проблемы анархии (как отсутствие порядка в международных отношениях) могут быть уменьшены в результате взаимозависимости и институционализации международного сотрудничества [Spindler, 2013: 148]. В этой связи неинституционализм представляет собой часть исследований вопросов международных «порядка» или «режимов» в мировой политике [Spindler, 2013: 148]. В контексте данной статьи особое внимание уделяется анализу «порядка, возникшего в результате переговоров» (*negotiated order*), т.е. закреплению норм и принципов как части договоренностей, достигнутых в ходе переговорного процесса [Young, 1982]. Так, в статье речь идет о резолюции № 2231 СБ ООН¹⁴, зафиксировавшей положения СВПД в междуна-

¹⁴ Резолюция 2231 (2015) — Иранская ядерная проблема...

родном праве. Автор исследования полагает, что в рамках «порядка, возникшего в результате переговоров», сформировалась система норм и принципов, которую можно обозначить понятием «дух СВПД»¹⁵.

Выводы исследования получены с применением метода ситуативного анализа, благодаря которому были выявлены ключевые аспекты и особенности урегулирования ситуации вокруг ИЯП. Обращение к историко-генетическому методу позволило показать устойчивые тенденции в развитии переговорного процесса, на основе чего был представлен прогнозный анализ развития ситуации вокруг иранской ядерной сделки.

Метод экспертного интервью позволил раскрыть внутренние аспекты переговоров, которые ранее не освещались в публикациях в открытом доступе. Автором проведены личные беседы с российскими дипломатами, непосредственно участвующими в переговорном процессе с Ираном по его ядерной программе: с заместителем Постоянного представителя РФ при международных организациях в Вене Р.А. Устиновым и бывшим первым секретарем Постоянного представительства РФ при международных организациях в Вене Г.И. Масловым.

«Дух СВПД»

Проблема ИЯП стоит на повестке дня международного сообщества с 2003 г.¹⁶ В 2015 г. удалось достичь компромисса и мирным путем разрешить сложившийся кризис: после многолетних переговоров был одобрен СВПД¹⁷, который скреплен резолюцией СБ ООН № 2231¹⁸. Несущей конструкцией договоренностей по ИЯП

¹⁵ Термин «дух СВПД» был сформулирован российским дипломатом — участником переговорного процесса по СВПД, заместителем Постоянного представителя Российской Федерации при международных организациях в Вене Р.А. Устиновым в ходе интервью с автором статьи (Москва, апрель 2024 г.).

¹⁶ В 2003 г. началось расследование обнаруженных инспекторами МАГАТЭ следов высокообогащенного урана на иранской атомной станции в Натанзе. См. подробнее: Carrel-Billiard F., Wing C. Iran and the NPT // International Peace Institute. Available at: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2010/04/pdfs_iranchapt.pdf (accessed: 05.04.2025).

¹⁷ Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. 16.07.2015. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/225/51/PDF/N1522551.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁸ Резолюция 2231 (2015) — Иранская ядерная проблема...

стала формула¹⁹ В.В. Путина, озвученная им в 2012 г.: урегулирование ситуации мирным способом путем признания права Тегерана на обогащение при обеспечении транспарентности ИЯП и применении Дополнительного протокола МАГАТЭ, а также путем снятия санкций в отношении Ирана²⁰. Страны-участницы взяли на себя обязательства содействовать его реинтеграции в мировую экономическую систему. СВПД стал, по мнению заместителя министра иностранных дел РФ С.А. Рябкова, «квинтэссенцией мысли и политической воли»²¹, а также концептуально продемонстрировал договороспособность Ирана и США. «Венский успех» показал перспективность логики игры с «ненулевой суммой».

Для того чтобы лучше понять специфику СВПД, представляется целесообразным взглянуть на этот договор через линзы теории неоинституционализма, одной из ключевых категорий анализа в рамках которой является концепция «режима» [Spindler, 2013: 148]. Согласно определению одного из крупнейших представителей неоинституционализма Р. Кеохейна, «режим» представляет собой «институциональные договоренности, оформленные в виде контрактов или договоров» (например, послевоенные международные торговые и валютные режимы; режим нераспространения ядерного оружия) [цит. по: Young, 1986: 110]. Р. Кеохейн утверждает, что формирование режима — это процесс торга или переговоров, в ходе которого члены группы нащупывают зону согласия, или контрактную зону, и постепенно приходят к соглашению о наборе взаимодовлетворяющих институциональных механизмов [Keohane, 1984: 76]. Режимы, по мнению неолибералов, способствуют сотрудничеству в мировой политике, снижают неопределенность и огра-

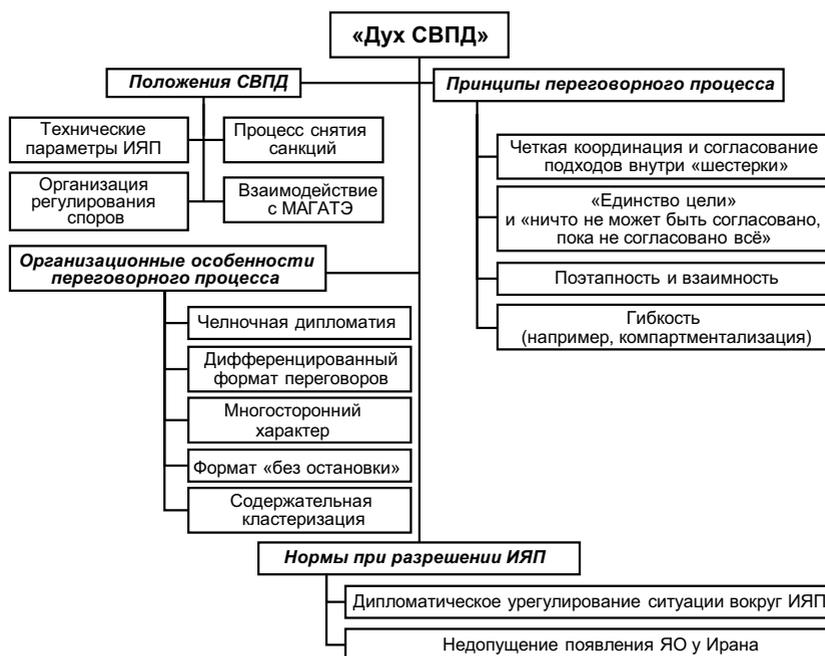
¹⁹ Интервью автора с российским дипломатом — участником переговорного процесса по СВПД, бывшим первым секретарем Постоянного представительства РФ при международных организациях в Вене Г.И. Масловым (Москва, февраль 2024 г.).

²⁰ Заявление МИД России в связи с достижением договоренности между «Группой шести» и Ираном по вопросу о всеобъемлющем урегулировании ситуации вокруг иранской ядерной программы // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 14.07.2015. Доступ: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1511804/ (дата обращения: 05.04.2025).

²¹ Стенограмма беседы с заместителем министра иностранных дел РФ С.А. Рябковым. Венские договоренности по иранской ядерной программе: роль России и перспективы реализации // Центр энергетики и безопасности. 14.08.2015. Доступ: http://ceness-russia.org/data/page/p1490_1.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

ничивают асимметрию информации в международных отношениях [Keohane, 1984: 13]. Американский профессор О.Р. Янг понимает «режим» как «социальный институт, регулирующий действия тех, кто заинтересован в определенных видах деятельности» [Young, 1982: 277]. Классифицируя типы режимов, он вводит понятие «порядок, возникающий в результате переговоров» (*negotiated order*), — режим, характеризующийся целенаправленными усилиями его участников по согласованию основных положений, официальному оформлению достигнутых договоренностей [Young, 1982: 283].

В этом контексте СВПД предстает как результат специфического «переговорного режима», характеризующегося неформализованным комплексом мер и практик переговорного процесса по ИЯП, в рамках которого была заложена концептуальная основа норм и принципов (рисунок). Цель «переговорного режима» в виде формализации

Составные части «духа СВПД» как системы норм и принципов

Источник: составлено автором.

выработанных договоренностей была достигнута при одобрении СВПД и его последующем подкреплении в виде резолюции № 2231 СБ ООН. Как таковой СВПД характеризуется рядом уникальных особенностей.

К *организационным особенностям* рассматриваемого переговорного процесса относятся челночная дипломатия и дифференцированный формат переговоров (двусторонние, трехсторонние, семисторонние и проч.). Подобная практика стала проявлением функционирования неформальной структуры политических институтов, поскольку изначальная переговорная инициатива была выдвинута странами «евротройки» без мандата СБ ООН [Helmke, Levitsky, 2004]. Более того, принципиальная особенность переговорного процесса по СВПД состояла в том, что переговоры проходили в формате «без остановки» (*non-stop process*) и зачастую велись параллельно — на двустороннем и многостороннем уровнях²². С организационной точки зрения переговорный процесс был разбит на основные блоки: формировались группы, фокусирувавшиеся на выработке договоренностей по верификационным механизмам, модернизации реактора в Араке, центрифугах, отмене санкций, развитии международного сотрудничества с Ираном в области мирного атома, синхронизации всех процессов и других сопутствующих вопросах²³. Подобная содержательная кластеризация позволяла обеспечить устойчивость переговорного процесса.

Несмотря на возникавшие в ходе переговоров разногласия как между странами «Группы 5+1» с Ираном, так и внутри «шестерки» международных посредников, стороны придерживались ключевых *переговорных принципов*: «единство цели» и «ничто не может быть согласовано, пока не согласовано всё»²⁴. Перед началом обсуждения с иранскими визави осуществлялись четкая координация и согласование подходов внутри «шестерки» для выработки общего²⁵. Предложенные российской стороной и принятые всеми участниками

²² Интервью автора с российским дипломатом — участником переговорного процесса по СВПД, бывшим первым секретарем Постоянного представительства РФ при международных организациях в Вене Г.И. Масловым (Москва, февраль 2024 г.).

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

принципы поэтапности и взаимности позволили выйти на консенсусное одобрение СВПД²⁶. Устойчивость сделки обеспечивалась благодаря многостороннему характеру и гибкости, позволявшей менять отдельные положения, оставаясь при этом в рамках формального соглашения и переговорного процесса [Баклицкий, 2019: 194]. Гибкость в том числе проявлялась и через компартиментализацию, т. е. отделение вопросов по ИЯП от региональных (например, связанных с деятельностью Ирана на Ближнем Востоке) и относящихся к его внутренней политике (ракетная программа, права человека и др.).

Наконец, деятельность «переговорного института» при урегулировании ситуации вокруг ИЯП основывалась на двух ключевых нормах: дипломатическое разрешение иранского ядерного кризиса и обеспечение исключительно мирного характера ИЯП, т. е. недопущение появления ЯО у Ирана.

Таким образом, в результате «переговорного режима», по мнению автора, сложилась уникальная переговорная система, которую можно обозначить понятием «дух СВПД» как целостный комплекс норм и принципов, включающий: положения СВПД; принципы, на которых основывается переговорный процесс; организационные переговорные особенности; нормы, в соответствии с которыми происходит регулирование ситуации вокруг ИЯП.

Кризис СВПД

Однако успех переговоров вокруг ИЯП оказался временным: в 2018 г. США вышли из СВПД и ужесточили свой курс в отношении Ирана. Это в свою очередь привело к тому, что год спустя Иран отказался соблюдать договоренности²⁷. Важной задачей с этого момента стало сохранение не только иранской ядерной сделки, но и репутации «оставшихся» пяти участников как игроков, способных обеспечить действенность СВПД.

Победа демократа Дж. Байдена на выборах в США в 2021 г. обозначила новый этап в восстановлении СВПД: переговорный

²⁶ Заявление МИД России в связи с достижением договоренности между «Группой шести» и Ираном...

²⁷ В Иране утвердили закон об активизации ядерной деятельности // РИА Новости. 02.12.2020. Доступ: <https://ria.ru/20201202/iran-1587377963.html> (дата обращения: 05.04.2025).

процесс по реставрации иранской ядерной сделки продолжался с марта 2021 г. по август 2022 г. (с перерывами, разным составом участников и локаций). К февралю 2022 г. сложилась ситуация, когда спустя год после прихода Дж. Байдена на пост президента США и продолжавшихся переговоров открылось окно возможностей для восстановления СВПД (Постоянный представитель РФ при международных организациях в Вене М.И. Ульянов характеризовал это словами «мы в пяти минутах от финиша»²⁸). Тем не менее момент был упущен. В результате 18-месячных переговоров в августе 2022 г. был подготовлен итоговый текст восстановления СВПД. Однако он так и не был принят, а переговоры были приостановлены; никакого прогресса на этот счет не произошло ни в 2023, ни в 2024 г. В этих условиях будущее ядерной сделки остается неопределенным. Для того чтобы понять причины данного обстоятельства, необходимо выявить и проанализировать препятствия, которые затруднили урегулирование ситуации вокруг ИЯП и/или привели к отсутствию прогресса на этом направлении.

Во-первых, между отдельными сторонами не было доверия, а затем и прямого диалога. Советник по внешней политике аятоллы А. Хаменеи К. Харрази отметил, что прямые переговоры с США были затруднены «из-за толстой стены недоверия и американской политики»²⁹. По мнению ирано-американского ученого В. Насра, «ни одна из сторон не доверяет другой; США хотят от Ирана уступок, которые Иран не готов предоставить ни им напрямую, ни европейцам, и они даже не в состоянии больше переговариваться»³⁰. Помимо деградации ирано-американских отношений имеет место и усугубляющийся раскол в переговорном процессе «шестерки»: кризис между Россией и странами Запада. Если раньше кризисные

²⁸ Черненко Е. «Мы в пяти минутах от финиша» // Коммерсантъ. 07.02.2022. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5205569> (дата обращения: 05.04.2025).

²⁹ Sinaiee M. Khamenei adviser says Iran has not opted for nukes but has capability // Iran International. 17.07.2022. Available at: <https://www.iranintl.com/en/202207176618> (accessed: 05.04.2025).

³⁰ Donevan C., Dorning C., Kelly M.L. 5 years after U.S. left Iran nuclear deal, more enriched Uranium and much less trust // NPR. 30.05.2023. Available at: <https://www.npr.org/2023/05/30/1178919266/trump-abandoned-the-nuclear-deal-5-years-ago-could-the-u-s-stop-a-bomb-from-iran> (accessed: 05.04.2025).

явления, связанные с противоречиями между Ираном и США, удавалось сдерживать за счет взаимодействия РФ и «евротройки», то после начавшейся в феврале 2022 г. специальной военной операции (СВО) отношения между Россией и Западом достигли исторического минимума.

Во-вторых, снятые ранее с Ирана санкции были восстановлены. После выхода США при президентстве Д. Трампа из СВПД Вашингтон ввел дополнительные ограничения в рамках политики «максимального давления»³¹. Если в 2015 г. иранская ядерная сделка базировалась на условном принципе «снятие санкций в обмен на ограничение ядерной программы», то в 2021–2022 гг. Тегеран участвовал в переговорах, основываясь на принципе «отмены санкций против Ирана уже недостаточно» [Маргоев, Хейрие, 2021]. Для восстановления СВПД Ирану нужны четкие гарантии снятия санкций, а не «добрая воля» США и стран «евротройки». В пользу этого свидетельствует принятый в конце 2020 г. закон «Стратегическая мера по отмене санкций»³², согласно которому Организация атомной энергии Ирана должна нарастить темпы модернизации и увеличить интенсивность ядерной деятельности, а также прекратить действие Дополнительного протокола МАГАТЭ, если участники СВПД не вернутся к выполнению своих обязательств в течение 2 месяцев с момента вступления закона в силу.

В-третьих, в ответ на политику «максимального давления» Иран ввел дополнительные переговорные требования в адрес США и ЕС³³:

- Вашингтон должен гарантировать, что ни одна администрация в будущем не выйдет из соглашения с Ираном по его ядерной программе³⁴;

³¹ Егупец А. 40 лет санкций: как Иран переживает экономическую блокаду Запада // Коммерсантъ. 19.03.2022. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5269023> (дата обращения: 05.04.2025).

³² В Иране утвердили закон об активизации ядерной деятельности...

³³ U.S. and Iranian delegations fail to reach a deal to restore the Iran nuclear deal // NPR. 05.07.2022. Available at: <https://www.npr.org/2022/07/05/1109779539/u-s-and-iranian-delegations-fail-to-reach-a-deal-to-restore-the-iran-nuclear-dea> (accessed: 05.04.2025).

³⁴ Экберова Э. В Иране назвали условия для возвращения США в СВПД // Anadolu Ajansı. 09.11.2021. Доступ: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/в-иране-назвали-условия-для-возвращения-сша-в-свпд/2414918> (дата обращения: 05.04.2025).

- США должны снять все антииранские санкции³⁵ и выплатить Тегерану компенсацию за санкционный ущерб в размере 1 трлн долл.³⁶;
- Иран не вернется к уровню ограничений по СВПД в вопросе обогащения урана³⁷;
- более того, Тегеран выступает против включения в сделку проблематики расширения своего регионального влияния и создания собственного конвенционального вооружения (прежде всего баллистических ракет)³⁸.

Как отмечают в этой связи американские исследователи, «Иран продемонстрировал, что, по его мнению, СВПД не относится к его региональной деятельности, и развивает последнюю, не опасаясь, что это поставит под угрозу первую» [Pollack, Saab, 2017: 21].

Стоит отметить, что одним из аргументов в пользу твердой позиции Ирана на переговорах является наличие, с точки зрения Тегерана, двойных стандартов в рамках режима ДНЯО: страны «шестерки» поддерживают стратегические отношения с Израилем, Индией и Пакистаном, которые обладают ЯО и не являются участниками ДНЯО, но в то же время оказывают давление на неядерный Иран, что приводит иранское руководство к выводу: как только страны получают ЯО, они становятся неуязвимыми [Mousavian, 2012: 468]. Бывший официальный представитель Ирана в переговорах по его ядерной программе С. Мусавиан отмечал, что все условия, которые применяются к Ирану, должны быть применены и к другим государствам, обладающим развитым потенциалом в ядерной сфере и связанной с ним возможностью создания ЯО [Mousavian, 2012: 468].

³⁵ شرط رهبری برای بازگشت ایران به برجام [Условие Верховного лидера для возвращения Ирана в СВПД] // Министерство иностранных дел Исламской Республики Иран. 19.11.2020. Доступ: <https://mfa.gov.ir/portal/newsview/627469/رهبر-معظم-انقلاب-شرط-بازگشت-ایران-به-تعهدات-برجامی-آمریکایی-باید-تحریم-ها-را-در-عمل-کلاً-لغو-کند-%C2%A0%ASلامی> (дата обращения: 05.04.2025). (На перс. яз.)

³⁶ Иран потребовал от США \$1 трлн компенсации за санкции // ТАСС. 17.11.2024. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22421861> (дата обращения: 05.04.2025).

³⁷ Sanger D.E., Broad W.J. Iran challenges Trump, announcing end of nuclear restrictions // The New York Times. 30.11.2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/01/05/world/middleeast/trump-iran-nuclear-agreement.html> (accessed: 05.04.2025).

³⁸ Sinaiee M. Khamenei adviser says Iran has not opted for nukes but has capability...

Этот пример свидетельствует об институциональных проблемах режима нераспространения.

В-четвертых, ИЯП существенно превысила технические показатели, дозволенные СВПД. В ответ на выход США из СВПД Иран взял курс на модернизацию своей ядерной программы и развил ее до той степени, что вернуться к первоначальным рамкам Соглашения крайне затруднительно. По оценкам МАГАТЭ, по состоянию на ноябрь 2024 г. общий запас обогащенного урана в форме UF_6 у Ирана составил 5807,2 кг, что почти в 20 раз выше предельного уровня, установленного СВПД (не более 300 кг урана, обогащенного максимум на 3,67%). В частности, Тегеран увеличил производство обогащенного до 60% урана до 182,3 кг³⁹. В июле 2024 г. Иран заявил о планах установить 8 каскадов по 174 центрифуги IR-6 на ядерном объекте в Фордо и 18 каскадов центрифуг IR-2М в Натанзе⁴⁰.

В-пятых, переговорный процесс политизировался и тем самым искусственно затягивался, а нежелание вернуться за стол переговоров прикрывалось внешними обстоятельствами. Для президента США Б. Обамы разрешение иранской ядерной проблемы было одним из приоритетов внешней политики, и во многом его успех в отношении Ирана и достижения компромисса по СВПД был обусловлен готовностью его администрации отделить ядерные переговоры от других вопросов [Mousavian, Mahmoudieh, 2021]. Последующие администрации, напротив, усугубляли ситуацию вокруг ИЯП: США при первом сроке администрации Д. Трампа вышли из СВПД, при Дж. Байдене в значительной степени сохранялась преемственность жесткого курса: Вашингтон требовал от Ирана пойти на уступки, в частности прекратить обогащение урана, перед тем как будут сняты санкции, наложенные прошлой администрацией⁴¹. Таким образом, ультиматумы были приоритетнее сотрудничества как одной из основных форм взаимодействия с Ираном. В 2022 г. США фактически сдерживали переговорный процесс, ссылаясь на российско-иранское сотрудничество в контексте СВО, а также на подавление прави-

³⁹ Verification and monitoring in the Islamic Republic of Iran...

⁴⁰ Reuters: Иран сообщил об установке новых центрифуг для обогащения урана // ТАСС. 13.06.2024. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/21091645> (дата обращения: 05.04.2025).

⁴¹ Байден назвал условие снятия санкций с Ирана // РИА Новости. 07.02.2021. Доступ: <https://ria.ru/20210207/sanktsii-1596409649.html> (дата обращения: 05.04.2025).

тельством протестов в Иране после гибели М. Амини⁴². Одной из действительно существенных причин замедления переговоров по восстановлению СВПД стало намерение Дж. Байдена продолжить в рамках этого процесса обсуждение ракетной программы Ирана и соблюдения им прав человека⁴³.

Наконец, фактор Израиля, который рассматривается скорее как препятствие, влияющее на прогресс в переговорном процессе с Ираном, должен быть проанализирован отдельно. В стратегии Армии обороны Израиля от 2018 г. определяются два типа угроз национальной безопасности: стратегические и военные⁴⁴. Иран считается главным стратегическим противником, а его ядерная программа — одной из ключевых угроз для Израиля. В связи с этим Израиль стремится всесторонне изолировать Иран на мировой арене и ослабить его экономику для блокирования ядерных разработок [Карасова, 2022]. Более того, Израиль не раз предлагал решить проблему ИЯП военным способом посредством реализации стратегии превентивной эскалации, цель которой — лишить Иран возможности экзистенциально угрожать Израилю. В этом вопросе израильское руководство надеялось на США (на их особые отношения и влияние израильского лобби на американскую политическую элиту). Однако применение силового подхода не находило поддержки в Вашингтоне, а нанести прямой удар по Ирану, не согласовав его предварительно с американским руководством, Израиль не решался хотя бы потому, что между ним и США действует договоренность

⁴² Brewer E., Rome H. Biden's Iran gamble: A risky new strategy to keep Tehran from going nuclear // Foreign Policy. 09.06.2023. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/iran/bidens-iran-gamble> (accessed: 05.04.2025); Беленькая М., Черненко Е. Иран частично амнистировали // Коммерсантъ. 31.05.2023. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/6014903> (дата обращения: 05.04.2025).

⁴³ The United States' commitment to countering Iranian weapons development and proliferation // U.S. Virtual Embassy Iran. 18.10.2023. Available at: <https://ir.usembassy.gov/the-united-states-commitment-to-countering-iranian-weapons-development-and-proliferation/> (accessed: 05.04.2025); Иран отказался вести переговоры с Западом за рамками СВПД // Russian.China.org.cn. 17.02.2022. Доступ: http://russian.china.org.cn/international/txt/2022-02/17/content_78053523.htm (дата обращения: 05.04.2025).

⁴⁴ 11.05.2018, אסטרטגיית צה"ל. לשכת הרמטכ"ל, [Стратегия Армии обороны Израиля]. Канцелярия начальника Генерального штаба, 2018. С. 12–13. (На иврите.)

о принципе «без сюрпризов» в сфере безопасности и иностранных дел⁴⁵.

Подобная риторика Израиля провоцирует более жесткую позицию Тегерана. Бывший министр иностранных дел К. Харрази⁴⁶ заявил, что «если существование Ирана окажется под угрозой, нам придется изменить ядерную доктрину. <...> В случае нападения на ядерные объекты со стороны сионистского режима наша система сдерживания изменится»⁴⁷. В этом контексте примечательно исследование иранских ученых из Гилянского университета, посвященное влиянию стратегической культуры на невоенизацию ИЯП [Ghannadi et al., 2022]. Авторы предполагают, что для Ирана концепции «ядерного сдерживания» и «баланса сил» остаются «упрощенными», т. е. страна никогда не находилась под прямой или непосредственной ядерной угрозой, как США, СССР, Китай или Пакистан, поэтому иранское руководство не приняло решение о военизации ИЯП [Ghannadi et al., 2022]. Более того, ЯО рассматривается единственно как средство массового поражения, а не сдерживания [Ghannadi et al., 2022]. Таким образом, при наличии действительной экзистенциальной угрозы логика поведения Ирана в отношении его ядерной программы может быть подвержена изменениям в сторону ее военизации. В этой связи заслуживает отдельного внимания беспрецедентный виток ирано-израильской эскалации, связанный со взаимными ракетными ударами в 2024 г. Несмотря на то что в краткосрочной перспективе это не привело к началу полномасштабной военной кампании, в долгосрочной — подобная атака Ирана может быть представлена в виде отложенного *casus belli* для перевода ситуации в военную плоскость.

⁴⁵ Ravid B. U.S., Israel vow 'no surprises' policy on Iran nuke talks // Haaretz. 10.06.2014. Available at: <https://www.haaretz.com/.premium-u-s-israel-vow-no-surprises-on-iran-1.5251434> (accessed: 05.04.2025).

⁴⁶ Глава Стратегического совета по международным отношениям и министр иностранных дел Ирана (1997–2005), член Совета по определению политической целесообразности (с 2022 г.).

⁴⁷ Iran will have to change nuclear doctrine if existence threatened: Ex-FM // Islamic Republic News Agency. 09.05.2024. Available at: <https://en.irna.ir/news/85471128/Iran-to-change-nuclear-doctrine-if-existence-threatened-Ex-FM> (accessed: 05.04.2025).

Перспективы урегулирования ситуации вокруг ИЯП

В нынешних условиях можно предположить три сценария дальнейшего развития ситуации вокруг ИЯП в контексте перспектив иранской ядерной сделки. *Первый сценарий — восстановление СВПД в его первоначальном виде.* Российская сторона придерживается позиции, что при наличии политической воли и готовности сторон можно восстановить ядерную сделку в сжатые сроки⁴⁸. В феврале 2022 г. Постоянный представитель РФ при международных организациях в Вене М.И. Ульянов отметил, что был согласован соответствующий 20-страничный документ⁴⁹, в котором зафиксированы конкретные шаги по возвращению к СВПД в его первоначальном виде⁵⁰. В документе речь идет о действиях, которые Иран предпримет в отношении своей ядерной программы, а также об отмене санкций со стороны США и порядке реализации этих договоренностей. Формально восстановительный пакет документов, сверстаный с незначительными корректировками к осени 2022 г., до сих пор остается на столе, являясь, по сути, единственным способом быстро и эффективно снять практически все имеющиеся озабоченности вокруг ИЯП⁵¹. Однако «полный тупик» в процессе восстановления СВПД⁵², продолжающаяся политика «максимального давления» на Иран и его ответные шаги в виде модернизации своей ядерной программы⁵³ делают этот сценарий всё менее реалистичным.

Второй сценарий — значительный пересмотр текста СВПД. Необходимо отметить, что вариант с заключением новой альтернативной сделки не был предметом для обсуждения в рамках существовавшего (и формально не завершенного) переговорного

⁴⁸ Завершить переговоры по СВПД можно за пару дней, заявил Ульянов // РИА Новости. 25.11.2022. Доступ: <https://ria.ru/20221125/svcpd-1834111998.html> (дата обращения: 05.04.2025).

⁴⁹ Черненко Е. «Мы в пяти минутах от финиша»...

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Завершить переговоры по СВПД можно за пару дней, заявил Ульянов...

⁵² Черненко Е. МИД РФ: процесс восстановления иранской ядерной сделки находится «в полном тупике» // Коммерсантъ. 11.11.2024. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/7296836> (дата обращения: 05.04.2025).

⁵³ Черненко Е. В одну сделку дважды // Коммерсантъ. 16.09.2024. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/7159548> (дата обращения: 05.04.2025).

процесса в 2021–2022 гг. Тем не менее серьезные изменения в предварительных переговорных условиях, отход от технических показателей, предусмотренных СВПД, со стороны Ирана, а также попытка США увязать ядерные вопросы с не имеющими к ним отношения сюжетами позволяют допустить, что ядерная сделка не может быть восстановлена в ее изначальном виде.

Однако, если рассматривать гипотетический сценарий с существенной модификацией текста СВПД или, тем более, заключением некоей другой договоренности, необходимо понимать, что на это могут уйти годы переговоров⁵⁴. При этом в основе такого процесса будут лежать опыт и «дух СВПД». В этой связи примечательно заявление министра иностранных дел Ирана А. Арагчи, что положенные в основу СВПД принципы могут стать базой для новых договоренностей⁵⁵. В то же время нужно учитывать, что иранская сторона неоднократно исключала возможность заключения какой-либо промежуточной сделки⁵⁶, а также соглашения, содержащего обязательства, которые выходили бы за рамки СВПД⁵⁷. Таким образом, автор считает, что если модификация текста и возможна, то на основе формулы СВПД: создание доверия в отношении ИЯП в обмен на снятие санкций (при этом расширение тематики соглашения до неядерных вопросов и заключение временных договоренностей для Ирана недопустимо). В условиях наличия ключевых препятствий на пути урегулирования ситуации вокруг ИЯП данный сценарий представляется труднодостижимым.

Третий сценарий — невозможность реставрации СВПД. Затягивание переговорного процесса, нежелание идти на взаимные

⁵⁴ Интервью автора с российским дипломатом — участником переговорного процесса по СВПД, заместителем Постоянного представителя РФ при международных организациях в Вене Р.А. Устиновым (Москва, апрель 2024 г.).

⁵⁵ Черненко Е. В одну сделку дважды...

⁵⁶ Иран: никаких дискуссий о промежуточной сделке в Вене не будет // ИА Регнум. 07.12.2021. Доступ: <https://regnum.ru/news/3443339> (дата обращения: 05.04.2025); Иран исключает вероятность заключения «промежуточной сделки» на переговорах в Вене — источник // Russian.China.org.cn. 23.01.2022. Доступ: http://russian.china.org.cn/international/txt/2022-01/23/content_78005753.htm (дата обращения: 05.04.2025).

⁵⁷ Иран не примет никаких обязательств, выходящих за рамки СВПД // Информационное агентство Исламской Республики. 16.12.2021. Доступ: <https://ru.irna.ir/news/84579002/Иран-не-примет-никаких-обязательств-выходящих-за-рамки-СВПД> (дата обращения: 05.04.2025).

уступки говорят в пользу того, что период, когда реставрация СВПД была возможна, завершен. В декабре 2022 г. Дж. Байден символично заявил: «сделка мертва», но официально мы об этом не объявим⁵⁸. Одновременно есть основания полагать, что и другие страны — участницы переговорного процесса официально не заявят об отказе от восстановления — хотя бы частичного — СВПД⁵⁹. О невозможности реставрации сделки в первоначальном виде заявил министр иностранных дел Ирана А. Арагчи⁶⁰ в 2024 г.

В случае если СВПД невозможно будет восстановить ни в первоначальном, ни в измененном виде, вероятны два варианта развития дальнейшей ситуации. Во-первых, как уже было отмечено, на каком-то этапе у сторон может появиться интерес к заключению некоего альтернативного соглашения. Ключевой момент состоит в том, что материализация этого стремления, вероятно, растянется не на одно десятилетие. Во-вторых, потенциальное невосстановление СВПД и отсутствие альтернативных действующих договоренностей по иранскому ядерному досье могут привести к эскалации и к череде негативных последствий (например, к реализации военного метода). Безусловно, положение дел вокруг ИЯП будет зависеть от целого ряда причин, в первую очередь от стратегии нынешней администрации Д. Трампа.

В рамках его второго президентского срока, однако, маловероятно продвижение в сторону урегулирования данного вопроса. В пользу этого свидетельствуют, во-первых, деятельность в этом направлении в течение его первого срока, а во-вторых, ряд последних заявлений (в частности, призывы не запрещать Израилю наносить удары по

⁵⁸ Байден заявил, что ядерная сделка с Ираном «мертва», но объявлять об этом США не будут // ТАСС. 20.12.2022. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16644811> (дата обращения: 05.04.2025).

⁵⁹ ЕС по-прежнему привержен ядерной сделке с Ираном // Интерфакс. 25.07.2024. Доступ: <https://www.interfax.ru/world/972495> (дата обращения: 05.04.2025); Китай привержен восстановлению СВПД — постпред КНР при ООН // Жэньмин Жибао. 26.06.2024. Доступ: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0626/c31520-20185641.html> (дата обращения: 05.04.2025); Рябина Ю. Россия, Иран и Китай призвали к восстановлению ядерной сделки // Российская газета. 05.06.2024. Доступ: <https://rg.ru/2024/06/05/rossiia-iran-i-kitaj-prizvali-k-восстановлению-ядерной-сделки.html> (дата обращения: 05.04.2025).

⁶⁰ Черненко Е. В одну сделку дважды...

ядерным объектам Ирана⁶¹) и назначения «ястребов»⁶² — сторонников более жесткого курса (например, на должность госсекретаря — М. Рубио⁶³, на пост министра обороны — П. Хегсета⁶⁴, на пост помощника по национальной безопасности — М. Уолтца⁶⁵). Несмотря на предвыборное обещание Д. Трампа быть «дружелюбным» с Ираном⁶⁶, 4 февраля 2025 г. он подписал меморандум по национальной безопасности о восстановлении «политики максимального давления» на Тегеран⁶⁷. Были выдвинуты следующие требования:

- Иран должен отказаться от ЯО и межконтинентальных баллистических ракет;
- террористическая сеть Ирана должна быть нейтрализована (речь идет об «оси сопротивления»);
- разработки Ирана в области ракет, а также других асимметричных и обычных вооружений должны быть остановлены⁶⁸.

Одновременно с этим ужесточается санкционный режим в отношении иранского нефтяного сектора⁶⁹: в марте 2025 г. были введены новые вторичные санкции⁷⁰. Общий формат взаимодействия

⁶¹ Трамп призвал не запрещать Израилю атаковать ядерные объекты Ирана // Известия. 05.10.2024. Доступ: <https://iz.ru/1769983/2024-10-05/tramp-prizval-ne-zapreshchat-izrailiu-atakovat-iadernye-obekty-irana> (дата обращения: 05.04.2025).

⁶² Harb A. Marco Rubio: A traditionalist hawk in the age of Trump // Al Jazeera. 20.02.2025. Available at: <https://www.aljazeera.com/features/2025/2/20/marco-rubio-a-traditionalist-hawk-in-the-age-of-trump> (accessed: 05.04.2025).

⁶³ Что известно о кандидате на пост госсекретаря США Марко Рубио // ТАСС. 23.11.2024. Доступ: <https://tass.ru/info/22396389> (дата обращения: 05.04.2025).

⁶⁴ Что известно о кандидате на пост министра обороны США Пите Хегсете // ТАСС. 13.11.2024. Доступ: <https://tass.ru/info/22390413> (дата обращения: 05.04.2025).

⁶⁵ Трамп назначил Майкла Уолтца советником по нацбезопасности // Ведомости. 12.11.2024. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/11/12/1074626-tramp-naznachil-uolttsa-sovetnikom> (дата обращения: 05.04.2025).

⁶⁶ Трамп пообещал быть дружелюбным с Ираном // РИА Новости. 16.08.2024. Доступ: <https://ria.ru/20240816/tramp-1966504759.html> (дата обращения: 05.04.2025).

⁶⁷ Fact sheet: President Donald J. Trump restores maximum pressure on Iran // The White House. 04.02.2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/02/fact-sheet-president-donald-j-trump-restores-maximum-pressure-on-iran/> (accessed: 05.04.2025).

⁶⁸ Ibidem.

⁶⁹ Минэнерго США: администрация Трампа готова ужесточить санкции против нефти Ирана // ТАСС. 11.03.2025. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/23357157> (дата обращения: 05.04.2025).

⁷⁰ Treasury sanctions Iranian oil minister, shadow fleet operators // U.S. Department of The Treasury. 13.03.2025. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sb0049> (accessed: 05.04.2025).

с Ираном строится на основе ультиматумов: «либо сделка, либо военный удар»⁷¹. Д. Трамп отметил, что «предпочел бы мирное соглашение, чем другой вариант [военный удар], но другой вариант решит проблему»⁷². В марте 2025 г. было обнаружено, что Д. Трамп в письме верховному лидеру Ирана А. Хаменеи установил срок в 2 месяца на заключение новой ядерной сделки⁷³. Неизвестно, в чем она будет заключаться, но в данном контексте уместно вспомнить о 12 требованиях, выдвинутых бывшим госсекретарем США М. Помпео⁷⁴; вполне вероятно, что администрация Д. Трампа будет руководствоваться ими. Одна из причин ужесточения курса в отношении Ирана заключается в том, что, по мнению Вашингтона, позиции Тегерана ослабли — в оборонном и стратегическом плане он стал более уязвим в связи с ударами Израиля по ПВО и позициям «оси сопротивления» в Сирии, Ливане, Палестине.

В свою очередь Иран неоднократно подчеркивал, что в условиях угроз и санкций переговоры не ведет⁷⁵. А. Хаменеи назвал приглашение Д. Трампа к переговорам «обманом общественного мнения», способом «затянуть узел санкций и увеличить давление на Иран»⁷⁶. По мнению российского востоковеда В. Сажина, «если Тегеран пойдет на переговоры на условиях Трампа, то это пошатнет идеологиче-

⁷¹ Постпред Ирана призвал СБ ООН осудить угрозы США в адрес республики // Рамблер. 11.02.2025. Доступ: <https://news.rambler.ru/politics/54189136-postpred-irana-prizval-sb-oon-osudit-ugrozy-ssha-v-adres-respubliki/> (дата обращения: 05.04.2025).

⁷² Там же.

⁷³ Ravid B. Scoop: Trump's letter to Iran included 2-month deadline for new nuclear deal // Axios. 19.03.2025. Available at: <https://www.axios.com/2025/03/19/trump-letter-iran-nuclear-deal> (accessed: 05.04.2025).

⁷⁴ Trevithick J. Pompeo's 12 demands for Iran read more like a declaration of war than a path to peace // TWZ. 21.05.2018. Available at: <https://www.twz.com/20989/pompeos-12-demands-for-iran-read-more-like-a-declaration-of-war-than-a-path-to-peace> (accessed: 05.04.2025).

⁷⁵ Шварцман В., Постникова Е. Смогут ли ультиматумы Трампа остановить военную ядерную программу Ирана // РБК. 11.02.2025. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/11/02/2025/67ab68a89a79476c24d7b92d> (дата обращения: 05.04.2025).

⁷⁶ Iran's Khamenei spurns Trump letter, delivered by UAE, offering nuclear talks // The Times of Israel. 12.03.2025. Available at: https://www.timesofisrael.com/irans-khamenei-spurns-trump-letter-delivered-by-uae-offering-nuclear-talks/?__cf_chlTk=yNxcCbOyc6wiED7GjOtERFsht.8XWjKzOfb1dAk5rvE-1742406599-1.0.1.1-8BcrXXSd0hpfvHxcbH7B4aigaqrfNyPOB.l7nQgTPVn4 (accessed: 05.04.2025).

ские основы Ирана»⁷⁷. МИД Ирана заявил, что ответом на политику «максимального давления» станет «максимальное сопротивление»⁷⁸.

В этом контексте заслуживают внимания динамика российско-американских отношений и активизация Д. Трампа на украинском треке⁷⁹. С начала СВО западным странам, в частности США, был предоставлен дополнительный повод для обоснования политического давления на Иран из-за его поддержки России. Потенциальное снятие этого пункта может открыть новые возможности и для урегулирования ситуации вокруг ИЯП. Например, 12 февраля 2025 г., в рамках первого телефонного разговора Д. Трампа и В. Путина, США предложили России стать посредником в американо-иранских переговорах⁸⁰. Характерно, что по результатам второго звонка, состоявшегося 18 марта 2025 г., американская сторона в пресс-релизе отдельно отметила: «...лидеры двух стран разделяют мнение о том, что Иран никогда не должен быть в состоянии уничтожить Израиль»⁸¹. Кремль такую формулировку не включил⁸². Ранее, 14 марта 2025 г., прошла трехсторонняя встреча делегаций Китая, России и Ирана по широкому кругу вопросов, в том числе состоялось углубленное обсуждение ИЯП и отмены санкций⁸³.

Преждевременно делать выводы относительно какого-либо нового переговорного формата и конфигурации сил в нем (в том числе посреднических) в контексте урегулирования ситуации вокруг ИЯП, на

⁷⁷ Шварцман В., Постникова Е. Смогут ли ультиматумы Трампа остановить военную ядерную программу Ирана...

⁷⁸ Иран не примет переговоры под давлением // Информационное агентство Исламской Республики. 13.02.2025. Доступ: <https://ru.irna.ir/news/85749473/Иран-не-примет-переговоры-под-давлением> (дата обращения: 05.04.2025).

⁷⁹ Шварцман В., Постникова Е. Смогут ли ультиматумы Трампа остановить военную ядерную программу Ирана...

⁸⁰ Баласян Л. Bloomberg: Россия готова стать посредником в переговорах США и Ирана // Коммерсантъ. 04.03.2025. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/7551789> (дата обращения: 05.04.2025).

⁸¹ President Donald J. Trump's call with President Vladimir Putin // U.S. Embassy & Consulates in Russia. 18.03.2025. Available at: <https://ru.usembassy.gov/president-donald-j-trumps-call-with-president-vladimir-putin/> (accessed: 05.04.2025).

⁸² Телефонный разговор с Президентом США Дональдом Трампом // Президент России. 18.03.2025. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/76477> (дата обращения: 05.04.2025).

⁸³ Совместное заявление Пекинской встречи Китая, России и Ирана // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 14.03.2025. Доступ: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/2003366/ (дата обращения: 05.04.2025).

данном этапе идет установочный обмен мнениями. Представленные сценарии отображают будущее СВПД в долгосрочной перспективе, т. е. его «окончательную судьбу». Учитывая текущее состояние ирано-американских отношений, внутривнутриполитические позиции стран, а также меняющуюся геополитическую конъюнктуру, автор полагает, что в краткосрочной перспективе события будут развиваться в логике третьего сценария. Ситуация вокруг ИЯП будет зависеть в том числе от решения по «дню окончания действия» резолюции СБ ООН № 2231 18 октября 2025 г., т. е. будет ли закрыто иранское ядерное досье, а также будет ли запущен механизм восстановления санкций СБ ООН.

* * *

Совместный всеобъемлющий план действий остается уникальным явлением в области нераспространения ЯО и ключевым достижением в разрешении иранской ядерной проблемы. Результатом «переговорного режима», опиравшегося на неформализованный комплекс мер и практик переговорного процесса по ИЯП, стала особая переговорная система, которую можно обозначить понятием «дух СВПД». Составными его элементами являются: положения СВПД; принципы, на которых основывается переговорный процесс; организационные переговорные особенности; нормы, в соответствии с которыми происходит регулирование ситуации вокруг ИЯП.

На фоне кризиса мирового порядка и растущего напряжения на Ближнем Востоке современная ситуация вокруг иранского ядерного досье остается напряженной. Переговорный процесс в формате «шестерки» международных посредников и Ирана для восстановления действия СВПД продолжался до 2022 г., однако проект документа, призванного реставрировать иранскую ядерную сделку, остался непринятым. В статье были определены ключевые препятствия, которые не позволили прийти к осязаемому результату в этом вопросе. Среди них — отсутствие доверия и диалога, политизация переговорного процесса, техническое развитие ИЯП, превышающее нормы СВПД, восстановление санкций в отношении Ирана, ужесточение переговорной позиции Тегерана, а также попытка Израиля направить урегулирование иранского ядерного кризиса в военное русло.

Перспективы дальнейшего развития ситуации вокруг СВПД выглядят туманными. Автором были намечены три сценария: восстановление соглашения в его первоначальном виде; значительная модификация текста и, наконец, невозможность реставрации СВПД. Поскольку Д. Трамп с возвращением на пост президента США возобновил политику «максимального давления» в отношении Ирана, который в качестве ответной меры проводит политику «максимального сопротивления», наиболее вероятным представляется, что в краткосрочной перспективе события вокруг СВПД будут развиваться в логике третьего сценария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А.Г. Иранский ядерный узел // Современная Европа. 2007. № 1 (29). С. 24–36.
2. Баклицкий А.А. Совместный всеобъемлющий план действий по иранской ядерной программе: история и влияние на политику Тегерана в сфере национальной безопасности // Персидский бастион / Под ред. Ю.Ю. Лямина, Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. С. 182–195.
3. Ермухамбетова М.В. СВПД: дальнейшие перспективы соглашения // Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности / Отв. ред. Т.В. Каширина. М.: Информационно-внедренческий центр «Меридиан»; Российское общество политологов, 2021. С. 256–260.
4. Карасова Т.А. Региональная политика Израиля и иранская проблема // Свободная мысль. 2022. № 4 (1694). С. 105–118.
5. Малмир Э.Н. Исполнение Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе // Евразийский юридический журнал. 2019. № 4 (131). С. 26–31.
6. Маргоев А., Хейрие Д. Возможна ли верификация снятия санкций как гарантия иранской ядерной сделки? // Пути к миру и безопасности. 2021. № 2 (61). С. 110–128. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-110-128.
7. Мизин В.И. Возможное решение иранской ядерной проблемы // Обозреватель. 2009. № 8 (235). С. 94–101.
8. Мизин В.И. Иранская ядерная программа: возможны варианты? // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 5–12.
9. Сажин В.И. Вероятность и перспективы реализации Совместного всеобъемлющего плана действий по решению иранской ядерной проблемы // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы /

Под ред. Н.М. Мамедовой, М.С. Каменевоy, И.Е. Федоровой. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 243–253.

10. Сажин В.И. Иранская ядерная проблема: итоги 2012 года // Вестник Московского университета. Серия XXV: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 70–96.

11. Сажин В.И. Ядерная программа Ирана как фактор дестабилизации на Ближнем и Среднем Востоке // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2012. № 7. С. 497–509.

12. Dalton S.R. The Iran nuclear negotiations: One year on // Asian Affairs. 2016. Vol. 47. No. 3. P. 351–365. DOI: 10.1080/03068374.2016.1225896.

13. Fitzpatrick M. Assessing the JCPOA // Adelphi Series. 2017. Vol. 57. No. 466–467. P. 19–60. DOI: 10.1080/19445571.2017.1555914.

14. Forden G., Thomson J. Iran as a pioneer case for multilateral nuclear arrangements. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2007. Available at: https://web.mit.edu/stgs/pdfs/Forden-Thomson_Proposal_24_May_2007.pdf (accessed: 05.04.2025).

15. Ghannadi A., Niakoe S.A., Simbar R. The influence of strategic culture on non-weaponization of Iran's nuclear program // A Quarterly Journal of Foreign Relations. 2022. Vol. 14. No. 3. P. 1–36. DOI: 10.22034/fr.2022.165679. (In Arab.)

16. Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: A research agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2. No. 4. P. 725–740. DOI: 10.1017/S1537592704040472.

17. Keohane R.O. After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy. Princeton: Princeton University Press, 1984.

18. Maleki A. Iran's nuclear file: Recommendations for the future // Daedalus. 2010. Vol. 139. No. 1. P. 105–116. DOI: 10.1162/daed.2010.139.1.105.

19. Mousavian S.H. The Iranian nuclear crisis: A memoir. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2012.

20. Mousavian S.H., Mahmoudieh Y. Evolution of the Biden administration's approach to Iran nuclear deal and prospects for regional peace // Pathways to Peace and Security. 2021. No. 2 (61). P. 129–138. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-129-138.

21. Pollack K.M., Saab B.Y. US strategy options for Iran's regional challenge. Washington, D.C.: Atlantic Council, 2017.

22. Pop A. Diplomatic negotiations and the Iran nuclear deal: Between the realistic and liberal paradigms // CES Working Papers. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 100–110. Available at: https://ceswp.uaic.ro/articles/CESWP2020_XII2_POP.pdf (accessed: 05.04.2025).

23. Sagan S.D. How to keep the bomb from Iran // Foreign Affairs. 2006. Vol. 85. No. 5. P. 45–59. DOI: 10.2307/20032069.

24. Sebenius J.K., Singh M.K. Is a nuclear deal with Iran possible? An analytical framework for the Iran nuclear negotiations // *International Security*. 2012. Vol. 37. No. 3. P. 52–91. DOI: 10.1162/ISEC_a_00108.

25. Spindler M. *International relations: A self-study guide to theory*. Opladen: Barbara Budrich Publishers, 2013.

26. Tabatabai A. Negotiating the ‘Iran talks’ in Tehran: The Iranian drivers that shaped the Joint Comprehensive Plan of Action // *The Nonproliferation Review*. 2017. Vol. 24. No. 3–4. P. 225–242. DOI: 10.1080/10736700.2018.1426180.

27. Tarock A. The Iran nuclear deal: Winning a little, losing a lot // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. No. 8. P. 1408–1424. DOI: 10.1080/01436597.2016.1154435.

28. What future for the Iran nuclear deal? / Ed. by M. Wohlfeld, S. Calleya. Msida: Mediterranean Academy of Diplomatic Studies, University of Malta, 2018. Available at: <https://www.um.edu.mt/media/um/docs/institutes/medac/ourresearch/medagenda/MedAgendaApril2018,WhatfuturefortheIranNuclearDeal.pdf> (accessed: 05.04.2025).

29. Young O.R. *International regimes: Toward a new theory of institutions* // *World Politics*. 1986. Vol. 39. No. 1. P. 104–122. DOI: 10.2307/2010300.

30. Young O.R. *Regime dynamics: The rise and fall of international regimes* // *International Organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. P. 277–297. DOI: 10.7591/9781501738128-008.

REFERENCES

1. Arbatov A.G. 2007. Iranskii yadernyi uzel [The Iranian nuclear tangle]. *Contemporary Europe*, no. 1 (29), pp. 24–36. (In Russ.)

2. Baklitskii A.A. 2019. Sovmestnyi vseob’emlyushchii plan deistvii po iranskoi yadernoi programme: istoriya i vliyanie na politiku Tegerana v sfere natsional’noi bezopasnosti [Joint Comprehensive Plan of Action on the Iranian nuclear program: History and impact on Tehran’s national security policy]. In: Lyamin Yu.Yu., Pukhov R.N. (eds.). *Persidskii bastion* [Persian bulwark]. Moscow: Tsentr analiza strategii i tekhnologii Publ., pp. 182–195. (In Russ.)

3. Ermukhametova M.V. 2021. SVPD: dal’neishie perspektivy soglasheniya [JCPOA: Further prospects of the agreement]. In: Kashirina T.V. (ed.). *Aktual’nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii, mezhdunarodnogo prava i bezopasnosti* [Current issues of international relations, international law and security]. Moscow, Informatsionno-vnedrencheskii tsentr ‘Meridian’ Publ., pp. 256–260. (In Russ.)

4. Karasova T.A. 2022. Regional’naya politika Izrailya i iranskaya problema [Israeli regional policy and Iranian problem]. *Svobodnaya mysl’*, no. 4 (1694), pp. 105–118. (In Russ.)

5. Malmir E.N. 2019. Ispolnenie Sovmestnogo vseob"emlyushchego plana deistvii (SVPD) po iranskoj yadernoi programme [Execution of the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) on the Iranian nuclear program]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4 (131), pp. 26–31. (In Russ.)

6. Margoiev A., Kheiriye D. 2021. Vozmozhna li verifikatsiya snyatiya sanktsii kak garantiya iranskoj yadernoi sdelki? [Can sanctions removal verification secure the Iran nuclear deal?]. *Pathways to Peace and Security*, no. 2 (61), pp. 110–128. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-110-128. (In Russ.)

7. Mizin V.I. 2009. Vozmozhnoe reshenie iranskoj yadernoi problemy [Feasible solution of the Iranian nuclear problem]. *Observer*, no. 8 (235), pp. 94–101. (In Russ.)

8. Mizin V.I. 2010. Iranskaya yadernaya programma: vozmozhny varianty? [The nuclear problem of Iran: Choices possible?]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 1, no. 10, pp. 5–12. (In Russ.)

9. Sazhin V.I. 2016. Veroyatnost' i perspektivy realizatsii Sovmestnogo vseob"emlyushchego plana deistvii po resheniyu iranskoj yadernoi problemy [Probability and prospects of realization of 'The Joint Comprehensive Plan of Actions' according to the solution of the Iranian nuclear problem]. In: Mamedova N.M., Kameneva M.S., Fedorova I.E. (eds.). *Iran vo vtorom desyatiletii XXI veka: vyzovy i perspektivy* [Iran in the second decade of the 21st century: Challenges and prospects]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., pp. 243–253. (In Russ.)

10. Sazhin V.I. 2012a. Iranskaya yadernaya problema: itogi 2012 goda [The Iranian nuclear problem: Results of 2012]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 4, pp. 70–96. (In Russ.)

11. Sazhin V.I. 2012b. Yadernaya programma Irana kak faktor destabilizatsii na Blizhnem i Srednem Vostoke [Iran's nuclear program as a destabilizing factor in the Middle East]. *Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke*, no. 7, pp. 497–509. (In Russ.)

12. Dalton S.R. 2016. The Iran nuclear negotiations: One year on. *Asian Affairs*, vol. 47, no. 3, pp. 351–365. DOI: 10.1080/03068374.2016.1225896.

13. Fitzpatrick M. 2017. Assessing the JCPOA. *Adelphi Series*, vol. 57, no. 466–467, pp. 19–60. DOI: 10.1080/19445571.2017.1555914.

14. Forden G., Thomson J. 2007. *Iran as a pioneer case for multilateral nuclear arrangements*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology. Available at: https://web.mit.edu/stgs/pdfs/Forden-Thomson_Proposal_24_May_2007.pdf (accessed: 05.04.2025).

15. Ghannadi A., Niakoe S.A., Simbar R. 2022. The influence of strategic culture on non-weaponization of Iran's nuclear program. *A Quarterly Journal of Foreign Relations*, vol. 14, no. 3, pp. 1–36. DOI: 10.22034/fr.2022.165679. (In Arab.)

16. Helmke G., Levitsky S. 2004. Informal institutions and comparative politics: A research agenda. *Perspectives on Politics*, vol. 2, no. 4, pp. 725–740. DOI: 10.1017/S1537592704040472.
17. Keohane R.O. 1984. *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy*. Princeton, Princeton University Press.
18. Maleki A. 2010. Iran's nuclear file: Recommendations for the future. *Daedalus*, vol. 139, no. 1, pp. 105–116. DOI: 10.1162/daed.2010.139.1.105.
19. Mousavian S.H. 2012. *The Iranian nuclear crisis: A memoir*. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace.
20. Mousavian S.H., Mahmoudieh Y. 2021. Evolution of the Biden administration's approach to Iran nuclear deal and prospects for regional peace. *Pathways to Peace and Security*, no. 2 (61), pp. 129–138. DOI: 10.20542/2307–1494–2021–2–129–138.
21. Pollack K.M., Saab B.Y. 2017. *US strategy options for Iran's regional challenge*. Washington, D.C., Atlantic Council.
22. Pop A. 2020. Diplomatic negotiations and the Iran nuclear deal: Between the realistic and liberal paradigms. *CES Working Papers*, vol. 12, no. 2, pp. 100–110. Available at: https://ceswp.uaic.ro/articles/CESWP2020_XII2_POP.pdf (accessed: 05.04.2025).
23. Sagan S.D. 2006. How to keep the bomb from Iran. *Foreign Affairs*, vol. 85, no. 5, pp. 45–59. DOI: 10.2307/20032069.
24. Sebenius J.K., Singh M.K. 2012. Is a nuclear deal with Iran possible? An analytical framework for the Iran nuclear negotiations. *International Security*, vol. 37, no. 3, pp. 52–91. DOI: 10.1162/ISEC_a_00108.
25. Spindler M. 2013. *International relations: A self-study guide to theory*. Opladen: Barbara Budrich Publishers.
26. Tabatabai A. 2017. Negotiating the 'Iran talks' in Tehran: The Iranian drivers that shaped the Joint Comprehensive Plan of Action. *The Nonproliferation Review*, vol. 24, no. 3–4, pp. 225–242. DOI: 10.1080/10736700.2018.1426180.
27. Tarock A. 2016. The Iran nuclear deal: Winning a little, losing a lot. *Third World Quarterly*, vol. 37, no. 8, pp. 1408–1424. DOI: 10.1080/01436597.2016.1154435.
28. Wohlfeld M., Calleya S. (eds.). 2018. *What future for the Iran nuclear deal?* Msida: Mediterranean Academy of Diplomatic Studies, University of Malta. Available at: <https://www.um.edu.mt/media/um/docs/institutes/medac/ourresearch/medagenda/MedAgendaApril2018,WhatfuturefortheIranNuclearDeal.pdf> (accessed: 05.04.2025).
29. Young O.R. 1986. International regimes: Toward a new theory of institutions. *World Politics*, vol. 39, no. 1, pp. 104–122. DOI: 10.2307/2010300.

30. Young O.R. 1982. Regime dynamics: The rise and fall of international regimes. *International Organization*, vol. 36, no. 2, pp. 277–297. DOI: 10.7591/9781501738128-008.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024;
одобрена после рецензирования 24.02.2025;
принята к публикации 12.05.2025

The paper was submitted 23.10.2024;
approved after reviewing 24.02.2025;
accepted for publication 12.05.2025

ИНОСТРАННАЯ ПОМОЩЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-177-207

Научная статья / Research paper

А.Е. Мендагазиев*

ПОЛИТИКА ВЕДУЩИХ ЗАПАДНЫХ СТРАН КАК ДОНОРОВ ИНВЕСТИЦИЙ И ПОМОЩИ РАЗВИТИЮ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЛОГИКА ВОСПРИЯТИЯ И МИТИГАЦИИ РИСКОВ**

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20*

Во многих регионах мира в последние годы наблюдается всё большее нарастание политического и экономического соперничества западных стран с Россией и Китаем. Не стала исключением и Центральная Азия, где объектом межгосударственной конкуренции и политической инструментализации становятся, в частности, инвестиционные потоки и программы содействия международному развитию (СМР). Целью данной статьи является определение того, как ключевые западные доноры воспринимают характер и масштаб инвестиционных политических рисков в регионе и какие инструменты они используют для их митигации. В первом разделе выявлена специфика регионального преломления глобального тренда на усиление позиций незападных стран в структуре финансовых потоков. Автор заключает, что тенденция к перераспределению баланса в пользу незападных государств в Центральной Азии проявляется весьма рельефно, заставляя западные страны адаптировать свою политику в регионе к меняющемуся ландшафту политических рисков. Во втором разделе рассмотрено, как проблема противодействия растущему влиянию России и КНР в Центральной Азии осмысливается в программных документах ведущих стран Запада: США, Германии и Великобритании. Показано, что всех их

* Мендагазиев Арман Еркинович — стажер-исследователь Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: amendagaziev@hse.ru; ORCID: 0009-0000-6920-2426).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01060 (<https://rscf.ru/project/23-28-01060/>).

в данном контексте объединяет стремление обусловить предоставление помощи развитию реализацией мер, направленных на снижение влияния Китая и России на региональные дела. В третьем разделе перечислены практические шаги указанных государств в данной области, направленные в том числе на митигацию политических рисков для их национальных компаний на пространстве Центральной Азии. Автор показывает, что, несмотря на определенные различия, основную митигационную нагрузку во всех трех случаях несут именно «классические» инструменты СМР. К ним относятся в первую очередь программы совершенствования судебно-правовых систем, противодействия коррупции, помощи в улучшении бизнес-климата, а также в переформатировании энергетической инфраструктуры региона в целях ее замыкания на западные страны. По мнению автора, подобная политика западных доноров в сфере СМР, направленная на митигацию рисков, исходящих, в их понимании, от РФ и КНР, хотя и имеет неоднозначные результаты, создает в свою очередь значимые риски для внешнеэкономической деятельности китайских и российских компаний в Центральной Азии. Анализ этих рисков, однако, требует отдельного научно-прикладного исследования.

Ключевые слова: содействие международному развитию, официальная помощь развитию, политические риски, внешнеэкономическая деятельность, прямые иностранные инвестиции, Центральная Азия, Россия, Китай, США, Германия, Великобритания

Для цитирования: Мендагазиев А.Е. Политика ведущих западных стран как доноров инвестиций и помощи развитию в Центральной Азии: логика восприятия и митигации рисков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 2. С. 177–207. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-177-207.

Arman E. Mendagaziev

LEADING WESTERN COUNTRIES AS INVESTMENT AND DEVELOPMENT ASSISTANCE PROVIDERS IN CENTRAL ASIA: LOGIC OF RISK PERCEPTION AND MITIGATION

*HSE University
20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000*

In recent years, many regions of the world have witnessed an increasing political and economic rivalry between Western countries and Russia and China.

Central Asia is no exception, where investment flows and international development assistance (IDA) programs are subject to interstate competition and political instrumentalization. This article examines how key Western donors perceive the nature and scale of political investment risks in the region and what tools they use to mitigate them. The first section of the article shows how the global trend toward strengthening the positions of non-Western countries in the structure of financial flows manifests itself at the regional level. The author concludes that this shift in balance toward non-Western states in Central Asia is quite evident, forcing Western countries to adapt their regional policies to the changing landscape of political risks. The second section examines how the policy documents of the leading Western countries, i.e., the United States, Germany, and Great Britain, address the issue of countering the growing influence of Russia and China in Central Asia. The article shows that they all advance the idea of conditioning the provision of development assistance to the implementation of measures designed to reduce the influence of China and Russia on regional affairs. The third section specifies the practical steps taken by the Western states, including those aimed at mitigating political risks for their national businesses in Central Asia. The author shows that, despite certain differences, the main mitigation burden in all three cases lies on the 'classical' IDA instruments. The latter include programs aimed at strengthening legal and institutional systems, combating corruption, improvement of the business climate, and transformation of the regional energy infrastructure in order to close it on the Western countries. According to the author, whereas such IDA policies of the Western donors, aimed at mitigating the perceived risks posed to them by the Russian Federation and China, have mixed results, they significantly imperil the foreign economic activities of Chinese and Russian companies in Central Asia. However, the analysis of such risks requires separate applied research.

Keywords: international development assistance, official development assistance, political risks, foreign economic activities, foreign direct investment, Central Asia, Russia, China, USA, Germany, UK

About the author: *Arman E. Mendagaziev* — Intern Researcher at the Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University (e-mail: amendagaziev@hse.ru; ORCID: 0009-0000-6920-2426).

Acknowledgements: The research has been conducted with the financial support from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01060 (<https://rscf.ru/project/23-28-01060/>).

For citation: Mendagaziev A.E. 2025. Leading Western countries as investment and development assistance providers in Central Asia: Logic of risk perception and mitigation. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 177–207. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-177-207. (In Russ.)

Обострение конкуренции — один из магистральных трендов эволюции международных отношений в XXI в. Оно наблюдается в разных сферах мировой политики и мировой экономики и затрагивает все виды трансграничных финансовых потоков — торговлю, инвестиции, официальное финансирование в целях развития и др., — между которыми на этом фоне выстраиваются всё более сложные связи. С одной стороны, усиление конкуренции государств как провайдеров содействия международному развитию (СМР) создает дополнительные политические риски для компаний из конкурирующих стран. С другой стороны, участники соперничества стремятся митигировать такие риски, в том числе с помощью инструментов сотрудничества в целях развития.

Указанная тенденция носит долговременный характер, однако резкое обострение соперничества между странами Запада и незападными державами, в первую очередь Китаем и Россией, в последние годы придает ей новую динамику и новые черты, требующие комплексного осмысления. При всей широте охвата тренда в каждом регионе он проявляется специфическим образом, и Центральная Азия (ЦА), где сталкиваются интересы всех значимых игроков, как нельзя лучше подходит для иллюстрации этого тезиса.

Цель данной статьи — определить особенности восприятия западными донорами инвестиционных политических рисков в ЦА в условиях нарастания международной конкуренции в регионе и их подходы к митигации таких рисков с помощью инструментов СМР. Поставленная задача будет решаться на примере деятельности трех крупнейших западных доноров: США, Германии и Великобритании. Эти три государства занимают ключевые позиции в качестве стран происхождения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а также провайдеров СМР среди членов «клуба доноров» — Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР) — как в мире в целом, так и непосредственно в ЦА. Усилия же, предпринимаемые КНР и Россией, равно как и другими незападными провайдерами СМР, в целях митигации рисков для государственных и частных компаний, связанных с деятельностью государств Запада в регионе, с нашей точки зрения, заслуживают отдельного рассмотрения.

Заявленная цель ранее не ставилась таким образом в научной литературе. Отечественные и зарубежные ученые и эксперты, которые отслеживали динамику поступления ресурсов СМР в ЦА

в региональном масштабе [Сергеев и др., 2013; Уткин, Барановский, 2018; Содействие международному развитию. ..., 2018; Ермолов, 2021; Сяотин, 2021; Сидоров и др., 2023; Arazmuradov, 2015] или политику западных провайдеров в отдельных странах региона [Чжан, 2021; Давыдов, 2022; Гарбузарова, 2023b; Жильцов, 2024; Захаров, Рахимзода, 2024; Ismatov, 2021; Yildiz, 2022; Kilichova, 2023; Lee, 2024; Huterer et al., 2024], не фокусировались на связке между СМР и политическими рисками для ведения бизнеса.

Исследователи, разрабатывающие проблематику роли взаимного влияния СМР и политических рисков во внешнеэкономической деятельности как в России [Бартенев, 2023a; Гомбоин, 2023], так и за рубежом [см. соответствующий библиографический обзор в: Бартенев, 2023b], напротив, не изучали предметно центральноазиатский контекст. Это оставляет возможность для проведения подлинно оригинального и практически значимого исследования.

Статья состоит из трех частей. В первой описан новый контекст, который сложился в регионе в последние годы: проиллюстрирована специфика отражения глобального тренда на усиление позиций незападных стран в структуре финансовых потоков в центральноазиатских реалиях. Во второй части раскрыты особенности восприятия этого процесса ключевыми западными донорами на примере США, Германии и Великобритании. В третьей — проанализированы подходы указанных стран к митигации растущих политических рисков для их национальных компаний посредством различных инструментов официального финансирования в целях развития.

Усиление позиций незападных стран в структуре финансовых потоков как признак изменения регионального контекста

Центральная Азия — один из тех регионов мира, который выступает донором рабочей силы и нетто-реципиентом всех видов трансграничных финансовых потоков — как частных (ПИИ, переводы трудовых мигрантов, частные гранты), так и официальных (включая помощь развитию (ОПР) и прочие официальные потоки, если использовать классификацию ОЭСР). В полной мере региональный контекст может быть охарактеризован только с учетом всех этих потоков, но нас интересуют в первую очередь ПИИ и ОПР и те изменения, которые происходят в распределении соответствующих средств между различными странами-донорами/провайдерами.

Место ЦА на глобальной карте инвестиционных потоков предопределяется сочетанием в регионе больших возможностей и высоких рисков.

С одной стороны, ЦА богата природными ресурсами, занимает важное положение в трансконтинентальных транспортных потоках, является емким рынком сбыта промышленных и потребительских товаров, обладает растущим потенциалом трудовых ресурсов. Согласно докладу Евразийского банка развития (ЕАБР) с 2000 по 2022 г. совокупный ВВП региона увеличился в 4 раза — до 347 млрд долл., а население — в 1,4 раза, до 77 млн человек [Экономика Центральной Азии..., 2022].

С другой стороны, политические риски для ведения бизнеса в регионе весьма высоки, что признают многие исследователи [Жансаутова и др., 2018; Гарбузарова, 2023а; Фефелов, Тимошенко, 2023; Яшлавский, 2023; Junxia, 2019; Ma et al., 2020; и др.], а также различные страховые компании и аналитические агентства¹. Наиболее рельефно ландшафт политических рисков в ЦА в сравнении с другими регионами демонстрирует «Доклад о политических рисках» страховой компании «Marsh» за 2023 г. Согласно ему ЦА имеет средний рейтинг по таким рискам, как экспроприация, расторжение контракта; правовой и регуляторный риски — выше, чем на Ближнем Востоке и в Африке южнее Сахары; а по таким категориям, как забастовки, беспорядки и гражданские волнения, терроризм, гражданские и межгосударственные войны, неконвертируемость валюты и запрет на трансферт средств, — на уровне этих традиционно нестабильных регионов².

Как следствие, ЦА занимает скромное место в глобальных потоках ПИИ. Так, в 2023 г. доля государств региона составила 0,9% объема ПИИ, поступивших в развивающиеся страны (в 2022 г. — 1,1%). Однако в денежном выражении с 2000 по 2023 г. совокуп-

¹ Country reports // Allianz. Available at: https://www.allianz.com/en/economic_research/country-and-sector-risk/country-risk.html (accessed: 20.05.2025); Worldwide governance indicators // World Bank Group. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/documentation#2> (accessed: 20.05.2025); With the global economy at a crossboards, which way will Central Asia go? Central Asia attractiveness report // Ernst & Young. November 2022. Available at: <https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-kz/campaigns/foreign-direct-investment-surveys/documents/ey-central-asia-attractiveness-survey-2022.pdf> (accessed: 20.05.2025).

² Political Risk Report 2023 // Marsh. 30.03.2023. Available at: <https://www.marsh.com/au/services/political-risk/insights/political-risk-report-2023.html> (accessed: 20.05.2025).

ные накопленные ПИИ в странах ЦА выросли более чем в 18 раз, с 2010 г. — более чем в 2 раза (табл. 1). При этом за 2022–2023 гг. совокупный приток ПИИ составил почти 18 млрд долл., тогда как за 2020–2021 гг. — 14 млрд и за 2018–2019 гг. — 15 млрд долл. (табл. 2). Темпы прироста притока ПИИ в 2022 г. по сравнению с 2021 г. составили 41% (против 0% в целом по развивающимся странам Азии)³.

Важно и другое: ЦА — регион, где ярко проявляется глобальный тренд на усиление позиций незападных государств в финансовых потоках, в том числе инвестиционных (ПИИ из стран Глобального Юга за 10 лет — с 2009 по 2019 г. — увеличились с 2,5 до 6,2 трлн долл. США, составив почти половину притока инвестиций в развивающиеся страны) [Calleja et al., 2023]. В описании региональной специфики мы будем опираться на данные, аккумулируемые профильными национальными структурами государств ЦА.

Так, сопоставление среднегодовых показателей *чистого* притока инвестиций в Казахстан за 2022–2023 гг. и за два предковидных года (2018–2019) указывает на усиление незападных стран: России, Китая, ОАЭ и Саудовской Аравии, тогда как по крупнейшим западным государствам (в частности, США, Франции и Великобритании) наблюдалось замедление или отток ПИИ⁴. Наибольшие объемы ПИИ в Казахстан поступали в нефтегазовую и горнодобывающую промышленность, а также в транспортно-логистическую инфраструктуру.

Для Кыргызстана ключевыми инвесторами по валовому объему поступлений ПИИ в последние 3 года также стали незападные государства: Китай (941 млн долл.), Турция (616 млн), Россия (452 млн), Казахстан (258 млн долл.). За ними следуют Нидерланды, Германия, Великобритания, Кипр, на которые суммарно пришлось 430 млн долл. (табл. 3)⁵. Основные инвестиции направляются в горнодобывающую и обрабатывающую промышленность.

³ Investment flows to developing countries in Asia remained flat in 2022 // UNCTAD. 05.07.2023. Available at: <https://unctad.org/news/investment-flows-developing-countries-asia-remained-flat-2022> (accessed: 20.05.2025).

⁴ Прямые инвестиции по направлению вложения // Национальный Банк Казахстана. 10.07.2024. Доступ: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/pryamyie-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya> (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Поступление прямых иностранных инвестиций по странам // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Доступ: <https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/248/> (дата обращения: 20.05.2025).

Таблица 1

Динамика роста накопленных объемов ПИИ в странах Центральной Азии за 2000–2023 гг. (млн долл.)

Страна	2000	2010	2020	2021	2022	2023
Казахстан	10 078	82 648	151 396	152 763	151 419	157 198
Кыргызстан	432	1698	4205	3896	3506	3810
Таджикистан	136	1226	3129	2825	3329	3333
Туркменистан	949	13 442	39 323	40 601	41 537	42 804
Узбекистан	698	2564	10 264	11 547	13 649	14 804
Всего	12 293	101 577	–	211 631	216 441	222 059

Составлено автором на основе: World Investment Report 2024 // UNCTAD. 20.06.2024. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (accessed: 20.05.2025).

Таблица 2

Динамика притока ПИИ в страны Центральной Азии в 2018–2023 гг. (млн долл.)

Страна	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Казахстан	3898	3284	3670	3353	6541	3223
Кыргызстан	144	404	–402	226	55	490
Таджикистан	360	364	107	84	174	141
Туркменистан	1607	1854	1436	1287	936	1378
Узбекистан	625	2316	1728	2275	2498	2187
Всего	6633	8223	6539	7226	10 205	7420

Составлено автором на основе: World Investment Report 2024 // UNCTAD. 20.06.2024. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (accessed: 20.05.2025).

Аналогичная ситуация наблюдается и в Таджикистане: по валовому объему поступлений ПИИ в страну за последние 3 года с большим отрывом лидирует Китай (607 млн долл.). В первую пятерку входят также Россия (64 млн долл.), Франция (46 млн), Турция (40 млн) и Иран (29 млн), за которыми следуют Соединенное Королевство, США и Швейцария (суммарно — 72 млн долл.). Приоритетным

Таблица 3

Топ-10 стран-инвесторов в государства ЦА (кроме Туркменистана*) по валовому притоку ПИИ за период с 2021 по 2023 г.

№ п/п	Казахстан		Кыргызстан		Таджикистан		Узбекистан	
	Страна происхождения ПИИ	Приток ПИИ (млн долл.)	Страна происхождения ПИИ	Приток ПИИ (млн долл.)	Страна происхождения ПИИ	Приток ПИИ (млн долл.)	Страна происхождения	Доля в иностранных инвестициях и кредитах (%)**
1	Нидерланды	21 430	Китай	941	Китай	607	Китай	25,6
2	США	8960	Турция	616	Россия	64	Россия	13,4
3	Швейцария	7630	Россия	452	Франция	46	Саудовская Аравия	7,9
4	Россия	6312	Казахстан	258	Турция	40	Турция	6,4
5	Китай	4933	Нидерланды	157	Иран	29	ОАЭ	5,8
6	Бельгия	3636	Великобритания	135	Великобритания	27	Германия	4,3
7	Южная Корея	3469	Кипр	85	США	23	Кипр	3,4
8	Великобритания	2484	Германия	53	Швейцария	22	Нидерланды	3,1
9	Франция	2259	ОАЭ	52	Виргинские острова	20	Швейцария	3,1
10	ОАЭ	1614	Швейцария	52	Казахстан	17	США	2,3

Примечание: * — официальные данные по Туркменистану отсутствуют в открытом доступе; ** — только за 2023 г. Составлено автором на основе данных национальных статистических агентств и центробанков стран ЦА.

направлением капиталовложений выступает горнодобывающая промышленность⁶.

Узбекистан представляет собой новый центр притяжения ПИИ благодаря открытию страны международному бизнесу, наращиванию экономического потенциала и проводимым властями реформам. По данным Агентства по статистике Узбекистана, в 2023 г. иностранные вложения в основной капитал и кредиты составили почти 7 млрд долл., из которых на Китай пришлось 25,6%, Россию — 13,4, Саудовскую Аравию — 7,9, Турцию — 6,4, ОАЭ — 5,8, а на крупнейшего западного инвестора — Германию — лишь 4,3%⁷. В 2023 г. 38% ПИИ было направлено в обрабатывающую промышленность, 20% — в электроэнергетику, 15% — в горнодобывающую промышленность.

Туркменистан привлекает иностранных инвесторов преимущественно в добывающую и транспортную отрасли. Один из крупнейших проектов, стартовавших в 2022 г., — расширение нефтедобывающей деятельности «Emirates National Oil Company» (ОАЭ) в Туркменистане стоимостью 7,5 млрд долл.⁸ Крупнейшим инвестором в экономику страны является КНР. По словам Е.Ю. Винокурова, главного экономиста ЕАБР, третьим важнейшим направлением ПИИ для Китая после Казахстана и России в Евразии выступает как раз Туркменистан, куда по итогам первого полугодия 2023 г. китайские инвесторы вложили порядка 9,4 млрд долл.⁹ Россия в свою очередь реализует в этой стране более 20 проектов на общую сумму 3,5 млрд

⁶ Прямые иностранные инвестиции // Национальный Банк Таджикистана. Доступ: <https://nbt.tj/ru/statistics/tavozuni-pardokhti-jt/sarmoyaguzori-oi-mustakimi-khorii/sarmoyaguzorihoi-mustakimi-khoriji-ba-jt-az-r-kishvarho.php> (дата обращения: 20.05.2025).

⁷ Инвестиции в основной капитал (за январь–декабрь 2023 года) // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. 23.01.2024. Доступ: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/49849-asosiy-kapitalga-investitsiyalar-2023-yil-yanvar-sentabr-3> (дата обращения: 20.05.2025).

⁸ Туркменистан привлек \$936 млн прямых иностранных инвестиций в 2022 году // Бизнес Туркменистан. 11.07.2023. Доступ: <https://business.com.tm/ru/post/10479/turkmenistan-privlek-936-mln-pryamyh-inostrannyh-investicii-v-2022-godu> (дата обращения: 20.05.2025).

⁹ 叶甫根尼维诺库罗夫. 中国与欧亚地区具有多元化合作机遇 [Винокуров Е. Возможности диверсифицированного сотрудничества между Китаем и странами евразийского региона] // 经济日报 [Цзинцзи Жибао]. 20.02.2024. Доступ: <https://proapi.jingjiribao.cn/readnews.html?id=301445> (дата обращения: 20.05.2025). (На кит. яз.)

долл. — их основная часть сфокусирована на развитии логистики и транспортной инфраструктуры¹⁰.

Схожая динамика в плане перераспределения влияния между западными и незападными государствами наблюдается и в сфере СМР. Если в мире в целом в период с 2011 по 2021 г. максимальная доля обязательств по двусторонней ОПР от незападных доноров составляла менее 10% без учета Китая и 15% вместе с ним, то в ЦА она варьировала в диапазоне от 24 до 52% и от 32 до 69% соответственно¹¹. Баланс сил смещается еще более заметно в пользу незападных государств, если учитывать не только ОПР, но и прочее официальное финансирование (ПОФ): тогда доля незападных стран (включая КНР) от всего объема обязательств за 5 лет с 2017 по 2021 г. увеличивается до 78%, из которых на Китай пришлось 87%¹²!

Заметное место на региональной карте СМР занимает Россия. По выгруженным еще в момент их наличия на сайте ОЭСР данным, с 2010 по 2019 г. РФ предоставила странам региона ОПР на сумму 1,3 млрд долл., в том числе Кыргызстану — 1,2 млрд, Таджикистану — 124 млн, Узбекистану — 14,4 млн, Казахстану — 5,4 млн и Туркменистану — 2,4 млн долл. В эти объемы не включены субсидирование поставок топливноэнергетических ресурсов, объемы российского участия в финансировании проектов ЕАБР и ЕФСР¹³ и другие преференции, предоставляемые РФ странам ЦА.

Китай в 2020-е годы взял на себя дополнительные обязательства по оказанию помощи государствам региона. Так, в январе 2022 г. на саммите, посвященном 30-летию установления дипломатических отношений между Китаем и пятью странами ЦА, председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Пекин предоставит им 50 млн доз вакцин от COVID-19 и активизирует совместное производство

¹⁰ Российские инвесторы заинтересованы в транзитном потенциале Туркмении // Министерство экономического развития Российской Федерации. 19.01.2023. Доступ: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiyskie_investory_zainteresovany_v_transitnom_potenciale_turkmenii.html (дата обращения: 20.05.2025).

¹¹ OECD data explorer. Available at: <https://data-explorer.oecd.org> (accessed: 20.05.2025); AidData's global Chinese development finance dataset, version 3.0 // AidData. 06.11.2023. Available at: <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-3-0> (accessed: 20.05.2025).

¹² Ibidem.

¹³ Евразийский фонд стабилизации и развития. — *Прим. ред.*

и передачу технологий изготовления вакцин и лекарств¹⁴. Кроме того, глава КНР пообещал предоставить гранты странам региона в объеме 500 млн долл. в ближайшие 3 года на реализацию Целей устойчивого развития¹⁵. Наконец, весной 2023 г. на саммите «Китай — Центральная Азия» Си Цзиньпин пообещал предоставить безвозмездную помощь в объеме 3,7 млрд долл. («чтобы помочь сотрудничеству с центральноазиатскими странами, а также развитию государств»¹⁶) и *поощрять китайские компании, представленные на рынках данного региона*.

Таким образом, структура трансграничных финансовых потоков в ЦА ярко иллюстрирует усиление влияния незападных доноров в области как ПИИ, так и СМР по сравнению с западными странами. В условиях нарастающего соперничества с Россией и Китаем [см. подробнее: Притчин, 2022] власти западных государств в свою очередь во всё большей мере выстраивают свою внешнюю и внешнеэкономическую политику, включая политику содействия развитию, с оглядкой на это соперничество.

Отражение темы противодействия растущему влиянию России и КНР в Центральной Азии в программных документах ведущих западных доноров (на примере США, ФРГ и Великобритании)

США. В последние годы американская политика в ЦА была четче перенацелена на противодействие России и Китаю. Так, в «Стратегии регионального сотрудничества в целях развития в Центральной Азии на 2020–2025 гг.», впервые принятой в декабре 2020 г. и существенно обновленной в январе 2024 г., Агентство США по международному развитию (АМР США) сохранило в качестве ключевых целей продвижение реформ в области верховенства закона и прав человека, противодействие терроризму, гармонизацию торговой политики

¹⁴ China to aid 5 Central Asia countries with additional 50 million vaccines, to continue 'high-level political mutual trust' // Global Times. 26.01.2022. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1246926.shtml?id=11> (accessed: 20.05.2025).

¹⁵ Xi Jinping. Joining hands for a shared future // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. 25.01.2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202201/t20220125_10633542.html (accessed: 20.05.2025).

¹⁶ Китай предоставит помощь Центральной Азии в размере 3,7 млрд долларов // Sputnik Таджикистан. 19.05.2023. Доступ: <https://tj.sputniknews.ru/20230519/chinamosch-central-asia-1057225631.html> (дата обращения: 20.05.2025).

и законодательства, а также снижение барьеров для американских инвестиций (с акцентом на энергетический сектор). При этом особое внимание в документе уделено обеспечению независимости стран ЦА и их устойчивости к воздействию «враждебных акторов» (*malign actors*): России, КНР и Ирана¹⁷.

Россия рассматривается в Стратегии как страна, которая сохраняет существенное политическое и экономическое влияние в регионе и несет угрозу интересам Вашингтона. АМР США обозначает стремление ослабить зависимость отдельных государств ЦА от экспорта трудовой миграции в РФ и финансовых поступлений из России. Значимые риски, по мнению составителей документа, возникают и из-за центральной роли Москвы в процессах евразийской интеграции, что «подорывает углубление партнерства стран ЦА с США»¹⁸ и сотрудничество в рамках международных инициатив. Отмечено, что уязвимость стран ЦА усугубляют методы борьбы с насильственным экстремизмом, которые предлагаются Россией и Китаем и «усиливают социальную напряженность и радикализируют уязвимых членов общества»¹⁹. Политические риски для ведения бизнеса, связанные с деятельностью РФ, в документе не обозначаются прямо, но подразумеваются.

Не меньшее внимание в Стратегии уделяется растущему влиянию Китая в регионе и его инициативе «Один пояс, один путь». По мнению составителей, она сопряжена с применением непрозрачных методов экономического сотрудничества, навязыванием китайской рабочей силы, материалов и технологий, которые воспринимаются как фактор усиления ряда рисков, таких как формирование долговой зависимости у кредитруемых стран, усиление коррупции, терпимость к которой демонстрирует китайский бизнес. Показательно, что в документе упоминаются также антикитайские протесты — в качестве иллюстрации неприятия населением региона такого рода китайских практик²⁰.

¹⁷ Regional Development Cooperation Strategy 2020–2025 // USAID. Available at: https://web.archive.org/web/20240519092521/https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/RDCS_Central_Asia_December_2025_external_rus_final.pdf (accessed: 20.05.2025).

¹⁸ Ibid. P. 26.

¹⁹ Ibid. P. 28.

²⁰ Ibid. P. 12.

Схожие формулировки зафиксированы и в программных документах, посвященных политике Вашингтона в отдельных государствах ЦА. Так, применительно к Казахстану Госдепартамент США признает значимое влияние в стране России и Китая, которые продвигают цели и ценности «противоположные американским», и подчеркивает поддержку многовекторной политики Астаны²¹. В программных документах АМР США, посвященных Узбекистану, открыто заявляется об усилиях, направленных на формирование квалифицированной рабочей силы, укрепление связей страны с мировой экономикой, а также на ослабление «чрезмерной зависимости» (*overreliance*) от Москвы и Пекина²². Кроме того, одна из целей в стратегии Госдепартамента формулируется как «расширение возможностей США в Узбекистане и продвижение США в качестве предпочтительного партнера для государственного и частного секторов Узбекистана»²³.

В Кыргызстане и Таджикистане Вашингтон не имеет значимых экономических интересов, тогда как в Туркменистане признает ограниченность своего влияния. В Кыргызстане, с точки зрения Госдепартамента, укреплению позиций США мешают: российское присутствие в области безопасности, рост китайских инвестиций и товарооборота с КНР, слабость политических институтов, коррупция, периодические стычки с Таджикистаном²⁴. Применительно к последнему АМР США отмечает значительное геополитическое и экономическое влияние соседних держав и направляет усилия на продвижение «собственных» приоритетов и целей Таджикистана, попутно подчеркивая преимущества американской модели разви-

²¹ Integrated Country Strategy: Kazakhstan // U.S. Department of State. 25.03.2022. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/07/ICS_SCA_Kazakhstan_Public.pdf (accessed: 20.05.2025).

²² USAID/Uzbekistan's 2022–2025 Strategic Framework // USAID. Available at: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-07/SF-Uzbekistan-April-2025.pdf> (accessed: 20.05.2025).

²³ Integrated Country Strategy: Uzbekistan // U.S. Department of State. 12.04.2022. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/ICS_SCA_Uzbekistan_Public.pdf (accessed: 20.05.2025).

²⁴ Integrated Country Strategy: Kyrgyz Republic // U.S. Department of State. 25.03.2022. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/06/ICS_SCA_Kyrgyz-Rep_Public.pdf (accessed: 20.05.2025).

тия и необходимость повышения устойчивости страны к существующим и новым угрозам²⁵.

Германия. Стратегия Германии в ЦА тесно переплетается с политикой ЕС, но направлена в первую очередь на удовлетворение собственных интересов. Роль региона для Германии повысилась после февраля 2022 г.: увеличились объемы поставок углеводородов из Казахстана, региональные офисы немецких крупных компаний релоцировались из России в Казахстан и Узбекистан, а наращивание мощностей транскаспийского коридора стало восприниматься как средство нивелировать потери от транзита по российской территории. По оценке Р. Каюмова, профессора Вебстерского университета в Ташкенте, политика Берлина в ЦА сосредоточена на трех областях: противодействие доминированию России и Китая и в конечном счете отстранение их от полного контроля над регионом; содействие экономическому развитию с особым акцентом на продвижение немецких товаров и услуг и преодоление сложностей, связанных с Афганистаном²⁶. Такое видение отражено в докладе Федерального министерства по экономическому сотрудничеству и развитию ФРГ, представленном в декабре 2023 г., где сказано, что геополитическое значение ЦА растет, а сами страны региона сталкиваются с экономическими и политическими проблемами в результате действий России и захвата власти талибами в Афганистане. Политика Германии в области развития в докладе названа важным фактором, способствующим миру и безопасности, а устойчивое экономическое развитие с акцентом на «зеленом переходе» — ее приоритетным направлением²⁷.

Германские официальные лица указывают Россию в качестве источника негативного влияния на страны ЦА и в своих официальных выступлениях. По словам главы МИД Германии А. Бербок в 2022 г. и Р. Вагенера, координатора по межобщественному сотрудничеству

²⁵ USAID/Tajikistan's 2022–2025 Strategic Framework // USAID. Available at: <https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/SF-USAIDTajikistan-02-2025.pdf> (accessed: 20.05.2025).

²⁶ Kayumov R. Evolving narratives in German foreign policy toward Central Asia // The Diplomat. 26.09.2023. Available at: <https://thediplomat.com/2023/09/evolving-narratives-in-german-foreign-policy-toward-central-asia/> (accessed: 20.05.2025).

²⁷ German development policy with Asia // Federal Ministry for Economic Cooperation and Development. December 2023. Available at: <https://www.bmz.de/resource/blob/195430/german-development-policy-with-asia.pdf><https://www.bmz.de/resource/blob/195430/german-development-policy-with-asia.pdf> (accessed: 20.05.2025).

с Южным Кавказом, Республикой Молдова и Центральной Азией, в 2023 г., Германия планирует взаимодействовать с партнерами в ЦА в целях снижения их зависимости от России²⁸. Важным элементом остается обеспечение связанности между ЕС и ЦА, включая «Срединный коридор», и канцлер Германии О. Шольц заявил о поддержке этих инициатив как на двусторонней основе, так и за счет взносов в бюджет ЕС²⁹.

Китай же и его политика в данном регионе пока воспринимаются более сдержанно в германских программных документах. В «Стратегии Германии в отношении Китая» 2023 г. в части по ЦА Пекин не фигурирует как актер, ущемляющий интересы Германии. Сказано лишь, что федеральное правительство «активно поддерживает усиление экономического обмена между ЦА и Европой» в целях обеспечения их суверенитета и свободы действий во внешней политике³⁰.

Великобритания. Курс Великобритании на международной арене был актуализирован в 2021 г. в стратегии «Глобальная Британия», где Россия была обозначена в качестве прямой угрозы, а Китай назван вызовом эпохи и системным соперником³¹. Данный курс находит отражение и в ЦА: хотя она и не входит в перечень региональных приоритетов Лондона, в последние годы признается необходимость большего участия Великобритании в центральноазиатских делах.

В докладе Министерства иностранных дел, по делам Содружества и развития «Описание партнерства Великобритании и региона Центральной Азии в целях развития», представленном летом 2023 г., заявлено стремление к комплексному реагированию на региональ-

²⁸ Statement by Foreign Minister Baerbock prior to her departure for Kazakhstan and Uzbekistan // Federal Foreign Office. 30.10.2022. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/-/2560922> (accessed: 20.05.2025).

²⁹ Joint Declaration by Heads of State of Central Asia and the Federal Chancellor of Germany // The Federal Government. 29.09.2023. Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/998352/2226656/45f64011ff425e6db0dab0c60ff50310/2023-09-29-z5-erklarung-en-data.pdf?download=1> (accessed: 20.05.2025).

³⁰ Strategy on China of the Government of the Federal Republic of Germany // Federal Foreign Office. 2023. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2608580/49d50fecc479304c3da2e2079c55e106/china-strategie-en-data.pdf> (accessed: 20.05.2025).

³¹ Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world. Policy paper // GOV.UK. Cabinet Office. 16.05.2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world#ii-overview> (accessed: 20.05.2025).

ные факторы нестабильности, к либерализации торговли, поддержке инвестиций в электронную коммерцию, повышению эффективности регулирования и улучшению бизнес-среды, борьбе с незаконными финансовыми потоками, повышению устойчивости и уменьшению зависимости стран от Китая и России³². Комитет Палаты общин по иностранным делам в докладе «Страны на перепутье: участие Великобритании в Центральной Азии...» отмечает, что «украинский кризис поставил страны ЦА в затруднительное положение»³³, и фиксирует намерение Лондона оказывать содействие британским инвестициям и устранению барьеров в торговле, а также поддерживать британский бизнес. Великобритания ставит целью укрепление своего влияния в регионе, повышение роли стран ЦА во Всемирной торговой организации (ВТО), содействие вступлению в нее Узбекистана и уменьшению зависимости центральноазиатских государств от России.

Близкие по содержанию к перечисленным формулировкам фрагменты антироссийской и антикитайской направленности можно встретить в актуальных версиях программных документов и других западных доноров. Однако нас такого рода отрывки интересуют не сами по себе, а в качестве тех общих установок, с которыми сопрягается практическая деятельность этих стран в области СМР и в которых логика митигации рисков для ведения бизнеса в ЦА в новых геополитических условиях может быть представлена как более, так и менее явно.

Митигация рисков для бизнеса на пространстве Центральной Азии в практике США, ФРГ и Великобритании

США. В странах ЦА участие американского бизнеса сфокусировано на нефтегазовом секторе и горно-металлургической отрасли Казахстана. Накопленные ПИИ американских компаний составили на конец 2023 г. 42 млрд долл. (что позволило США занять 2-е место

³² UK-Central Asia region development partnership summary: Policy Paper // GOV.UK. Foreign, Commonwealth & Development Office. 17.07.2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-central-asia-region-development-partnership-summary/84814497-eb76-4132-ad87-9ceb1a16506f> (accessed: 20.05.2025).

³³ Countries at crossroads: UK engagement in Central Asia: Government response to the committee's tenth report of session 2022–23. Second Special Report of Session 2023–24 // UK Parliament. Available at: <https://committees.parliament.uk/publications/43019/documents/213977/default/> (accessed: 20.05.2025).

после Нидерландов среди стран происхождения входящих ПИИ). По данным «Kazakh Invest», сегодня американский бизнес реализует в Казахстане четыре проекта с первоначальным объемом инвестиций порядка 900 млн долл.³⁴ В последние годы также усиливается интерес Вашингтона к вложениям в узбекистанскую экономику³⁵.

При этом с 2020 по 2024 г. США не прибегали к инструментам страхования инвестиций национальных компаний от политических рисков, несмотря на активное расширение масштабов их применения в целом [Бартенев, 2024: 106]. В портфеле профильной Американской корпорации финансирования международного развития нет ни одного застрахованного инвестпроекта в странах ЦА³⁶. Интересы своего бизнеса в регионе США продвигают и защищают иными способами.

В частности, следует упомянуть инициативу B5+1 — деловой аналог формата C5+1³⁷, которая объединяет представителей бизнеса стран ЦА и США и направлена, по словам американского посла в Казахстане Д. Розенблюма, на создание «более благоприятной бизнес-среды»³⁸. Участники форума B5+1, проведенного в марте 2024 г., определили приоритетные сектора для торговли и инвестиций: транспорт и логистика, электронная коммерция, сельское хозяйство, туризм, зеленая энергетика и возобновляемые источники энергии, а также дали рекомендации по усилению региональной интеграции, гармонизации законодательства, улучшению бизнес-среды³⁹.

Активнее всего задачи митигации рисков «легально-правительственного» характера, источником которых являются действия

³⁴ National pool of investment projects // Kazakh Invest. Available at: <https://invest.gov.kz/services/pool-of-investment-projects/> (accessed: 20.05.2025).

³⁵ Joint Statement on the C5+1 Regional Connectivity Ministerial in Samarkand // USAID. 30.10.2023. Available at: <https://www.usaid.gov/ru/news-information/press-releases/oct-30-2023-joint-statement-c5-1-regional-connectivity-ministerial-samarkand> (accessed: 20.05.2025).

³⁶ Reports // U.S. International Development Finance Corporation (DFC). Available at: <https://www.dfc.gov/our-impact/reports> (accessed: 20.05.2025).

³⁷ Формат многостороннего взаимодействия США со странами ЦА.

³⁸ США запускают инициативу по стимулированию связей в Центральной Азии // Eurasianet. 18.03.2024. Доступ: <https://inlnk.ru/68Log5> (дата обращения: 20.05.2025).

³⁹ B5+1 Forum: Advancing business partnership for regional prosperity: Final communique // Center for International Private Enterprise (CIPE). 2024. Available at: https://www.cipe.org/wp-content/uploads/2024/03/B51-Forum_Final-Communique_2024_EN.pdf (accessed: 20.05.2025).

(или бездействие) властей принимающих стран, решаются в рамках политики СМР. США — один из ключевых провайдеров ОПР для региона: с 2018 по 2022 г. они направили странам ЦА 706 млн долл., из них Кыргызстану — 253 млн, Казахстану — 86 млн, Таджикистану — 212 млн, Узбекистану — 133 млн и Туркменистану — 21 млн долл. Однако М.О. Ермолов считает, что реально контролируемые США потоки помощи значительно выше, если учесть их лидирующие позиции в многосторонних банках (АБР, МБРР, ЕБРР⁴⁰ и др.), по линии которых в регион также направляются большие средства [Ермолов, 2021].

В рамках реализации заявленных целей Соединенные Штаты осуществляют множество проектов в странах ЦА. В Казахстане АМР США с 2020 г. запустило новую программу укрепления верховенства закона, направленную на «создание благоприятного правового климата для бизнеса, который будет способствовать повышению доверия и расширению международных инвестиций в Казахстан», совершенствование правовой базы и судебной системы⁴¹. В Узбекистане в целях улучшения инвестиционного климата АМР США также финансирует программу реформирования юридической системы, в рамках которой, в частности, узбекской стороне была предоставлена экспертная помощь в подготовке проекта типового инвестиционного соглашения. Правительство Узбекистана использовало этот документ для заключения 22 инвестиционных соглашений, которые привлекли около 2 млрд долл. инвестиций, — впрочем, отнюдь не только из США и других западных стран (Канады, Германии, Франции), но также из Турции, ОАЭ и др.⁴²

Параллельно США внедряют цифровые технологии в управление энергетическим сектором в ЦА⁴³ и наращивают здесь потенциал возобновляемой энергетики, основанной на американских стандартах

⁴⁰ АБР — Азиатский банк развития, МБРР — Международный банк реконструкции и развития, ЕБРР — Европейский банк реконструкции и развития. — *Прим. ред.*

⁴¹ Kazakhstan rule of law fact sheet: Programm overview // USAID. Available at: https://2017-2020.usaid.gov/sites/default/files/documents/10292020_Kazakhstan_Rule_of_Law_Fact_Sheet.pdf (accessed: 20.05.2025).

⁴² Uzbekistan legal reform program: Fact sheet // USAID. 2021. Available at: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID_LRP_factsheet_October_2021.pdf (accessed: 20.05.2025).

⁴³ USAID hands over \$1.4M in equipment to strengthen Central Asia's regional power sector // U.S. Embassy in Uzbekistan. 10.01.2024. Available at: <https://uz.usembassy.gov/usaid-energy-equipment-handover/> (accessed: 20.05.2025).

и технологиях, стремятся замкнуть энергетическую инфраструктуру региона на западные страны. Кроме того, в сентябре 2022 г., менее чем через полгода после эскалации украинского конфликта, администрация Дж. Байдена запустила Инициативу по обеспечению экономической устойчивости в Центральной Азии (Economic Resilience Initiative in Central Asia, ERICEN) стоимостью 50 млн долл., которая направлена на диверсификацию торговых путей и поощрение инвестиций в регион⁴⁴. ЦА — также один из приоритетных регионов в реализации инициированной США программы Партнерства для глобальной инфраструктуры и инвестиций — совместной инициативы «Группы семи» (G7) по финансированию инфраструктурных проектов в развивающихся странах, которая выступает противовесом китайскому проекту «Один пояс, один путь». В 2024 г. специальный координатор данной программы от США Х. Матц во время визита в Астану заявила, что страны G7 готовы инвестировать в инфраструктурные проекты в ЦА до 200 млрд долл.⁴⁵

Германия. Германия — одно из немногих европейских государств, которое активно взаимодействует со всеми центрально-азиатскими странами. Экономические интересы Берлина в большей степени связаны с импортом нефтегазовых ресурсов Казахстана и Туркменистана, при этом в последние годы инвестиции ФРГ направляются в ненефтегазовые отрасли Казахстана и промышленность Узбекистана. Так, в Казахстане функционирует более 700 компаний с немецким капиталом, реализуются 34 совместных проекта объемом более 50 млрд долл.⁴⁶, в частности, в области добычи критических минеральных ресурсов и зеленой энергетики, а в 2023 г. приток германских инвестиций составил 770 млн долл. В Узбекистане в свою очередь работают 276 предприятий с участием

⁴⁴ Nifti E., Fanger S. U.S. supports Trans-Caspian trade and transport diversification // Caspian Policy Center. 02.03.2023. Available at: <https://www.caspianpolicy.org/research/security-and-politics-program-spp/us-supports-trans-caspian-trade-and-transport-diversification> (accessed: 20.05.2025).

⁴⁵ Страны G7 готовы инвестировать в проекты в Центральной Азии до \$200 млрд // ТАСС. 22.07.2024. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/21417911> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴⁶ Satubaldina A. German Chancellor Scholz's visit to Kazakhstan, first in decades, deepens ties with Central Asia nations // The Astana Times. 20.09.2024. Available at: <https://astanatimes.com/2024/09/german-chancellor-scholz-s-visit-to-kazakhstan-first-in-decades-deepens-ties-with-central-asia-nations/> (accessed: 20.05.2025).

инвесторов из Германии, из них 57 предприятий были созданы с начала 2024 г. Приток инвестиций из ФРГ в 2023 г. составил 758 млн долл., а только за первое полугодие 2024 г. — 578 млн долл., причем капиталовложения были направлены в основном в обрабатывающую промышленность⁴⁷.

В отличие от Вашингтона, Берлин активно применяет в ЦА инструменты защиты инвестиций от потерь посредством инвестиционных гарантий. В рамках новой стратегии диверсификации инвестиций ФРГ на 2023–2028 гг. две наиболее экономически развитые страны — Казахстан и Узбекистан — были включены в число целевых государств, гарантийная поддержка которых будет осуществляться на льготных условиях⁴⁸.

«Классические» инструменты ОНР для митигации политических рисков также применяются весьма активно. Продвижение и защита интересов инвесторов из ФРГ в регионе является одним из фокусных направлений деятельности Германского общества по международному сотрудничеству (The Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit, GIZ). Митигации политических рисков в долгосрочной перспективе будет способствовать и проект «Продвижение верховенства права в Центральной Азии», направленный на улучшение бизнес-климата, гармонизацию регулятивных процедур и обучение юристов новым стандартам⁴⁹. В 2024 г. также был запущен проект по упрощению торговли, направленный на стандартизацию торговых процедур и снижение коррупционных рисков⁵⁰, что призвано способствовать притоку немецких инвестиций в регион вопреки нарастающим геополитическим вызовам.

⁴⁷ Торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество между Узбекистаном и Германией // Редакция газет «Янги Ўзбекистон» и «Правда Востока». 16.09.2024. Доступ: <https://yuz.uz/ru/news/torgovo-ekonomicheskoe-i-investitsionnoe-sotrudnichestvo-mejdu-uzbekistanom-i-germaniey> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴⁸ Diversification strategy // Investitionsgarantien.de. Available at: https://www.investitionsgarantien.de/en/main-navigation/wissen/knowledge-transfer/focus-diversification-strategy#_ftn1 (accessed: 20.05.2025).

⁴⁹ Promoting the rule of law in Central Asia // Deutsche Gessellschaft fuer Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH. Available at: <https://www.giz.de/en/worldwide/132361.html> (accessed: 20.05.2025).

⁵⁰ One region, one objective — Trade facilitation in Central Asia // GIZ. February 2024. Available at: <https://www.giz.de/en/downloads/giz2024-en-factsheet-TFCA.pdf> (accessed: 20.05.2025).

Помимо этого Германия реализует различные проекты содействия развитию в целях снижения масштабов взаимодействия РФ и стран ЦА и реформатирования логистических цепочек между Европой и Россией. Например, Берлин оказывает техническую поддержку государствам ЦА в процессе их вступления в ВТО в рамках проекта GIZ по упрощению торговли в регионе.

Германия делает ставку также на продвижение концепции зеленой энергетики, стремясь нарастить экспорт соответствующих технологий. GIZ реализует инициативу «Зеленая Центральная Азия», в рамках которой предусмотрено развитие политического диалога, сопровождение климатической повестки и формирование соответствующей логистической и энергетической инфраструктуры⁵¹. Кроме того, в 2023 г. Берлин запустил проект по производству зеленого водорода стоимостью 50 млрд долл. с выходом к каспийской инфраструктуре в рамках проекта ЕС «Глобальные ворота» («Global Gateway»)⁵².

Ключевым партнером Германии в ЦА является Узбекистан. Согласно Совместной декларации о намерениях по углублению многопланового сотрудничества между двумя странами Берлин будет помогать Ташкенту реформировать правовую систему, защищать права человека, улучшать инфраструктуру через проект «Глобальные ворота», способствовать переходу на зеленую энергию и привлекать инвестиции от немецких компаний⁵³. GIZ расширяет поддержку Узбекистана в вопросе «зеленого перехода»: в ходе встречи координатора региональных программ GIZ в ЦА Т. Брецина с узбекистанской делегацией в 2023 г. был согласован проект «Содействие частному сектору и консультирование по вопросам экономической политики в Узбекистане» («Зеленая индустриализация») общей стоимостью 9 млн евро. Проект включает, в частности, экспертную поддержку в осуществлении торговли сертификатами на выбросы CO₂, а также

⁵¹ Green Central Asia. Available at: <https://greencentralasia.org> (accessed: 20.05.2025).

⁵² Kazakhstan, Germany expand cooperation in green energy // The Astana Times. 21.11.2023. Available at: <https://astanatimes.com/2023/11/kazakhstan-germany-expand-cooperation-in-green-energy/> (accessed: 20.05.2025).

⁵³ Joint Declaration of intent on the deepening of multifaceted cooperation between the Government of the Republic of Uzbekistan and the Government of the Federal Republic of Germany // Federal Foreign Office. 02.05.2023. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/-/2595054> (accessed: 20.05.2025).

в интеграции Узбекистана в систему трансграничного управления Европейского союза⁵⁴.

Великобритания. Великобритания входит в топ-10 стран по валовому притоку ПИИ в Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан за последние 3 года, при этом на Казахстан приходится 94% их общего объема. Но динамика притока ПИИ замедляется: только из Казахстана в этот же период отток составил 6,1 млрд долл., что говорит о некотором снижении интереса британского бизнеса к региону. Однако официальные власти стремятся переломить эту тенденцию, руководствуясь не только региональными, но и глобальными установками [Жильцов, 2024].

Во время турне по Монголии и странам ЦА министр иностранных дел Соединенного Королевства Д. Кэмерон объявил об интенсификации мер по расширению возможностей для британских компаний и недопущению обхода западных санкций Россией, а также о предоставлении государствам региона финансирования объемом более 60 млн долл. для «поддержки их суверенитета и независимости»⁵⁵.

Усиления своего влияния в ЦА Великобритания добивается в том числе инструментами СМР. Наибольшая помощь оказывается Таджикистану, Кыргызстану и Узбекистану, в то время как Туркменистану и Казахстану — в весьма ограниченных объемах.

Лондон активно продвигает британское право, подходы и практики управления, которые используются, например, в Международном финансовом центре «Астана». В этой области реализуются и отдельные проекты, например «Эффективное управление в интересах экономического развития» (2020–2025) стоимостью 25 млн ф. ст., направленный на повышение эффективности реформ, подотчетности и прозрачности экономической политики в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане⁵⁶, а также «Программа развития

⁵⁴ Uzbekistan embarks on €9mn green industrialization initiative with GIZ support // Daryo. 06.12.2023. Available at: <https://daryo.uz/en/2023/12/06/uzbekistan-embarks-on-a-9-million-green-industrialization-initiative-with-giz-support> (accessed: 20.05.2025).

⁵⁵ Gruzer M. Analysing the UK's renewed engagement in Central Asia and the region's growing geopolitical prominence // Bloomsbury Intelligence & Security Institute. 06.06.2024. Available at: <https://bisi.org.uk/reports/analysing-the-uks-renewed-engagement-in-central-asia-and-the-regions-growing-geopolitical-prominence> (accessed: 20.05.2025).

⁵⁶ Effective governance for economic development in Central Asia // GOV.UK. Development Tracker. Foreign, Commonwealth Development Office (FCDO). Available at: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-GOV-1-300961/summary> (accessed: 20.05.2025).

предпринимательства и инноваций» (2019–2024) объемом 19 млн ф. ст., цель которой — увеличение потенциала бизнеса в Таджикистане и Кыргызстане⁵⁷. Другой канал митигации политических рисков — «много-двусторонняя» помощь — маркированные взносы в многосторонние институты. Например, в 2018 г. по инициативе Великобритании в рамках АБР был создан специальный трастовый фонд содействия развитию региональной торговли и взаимодействия в Азии. Одна из целей фонда — укрепление инвестиционного потенциала в странах Центральной и Южной Азии, в том числе в Кыргызстане и Таджикистане⁵⁸.

Таким образом, усилия крупнейших западных доноров в регионе ориентированы в том числе на формирование более благоприятной институционально-правовой среды для реализации их собственных интересов, включая облегчение национальным компаниям ведения бизнеса в заметно осложнившихся условиях. Однако эти усилия различаются как по степени интенсивности, так и по характеру используемых инструментов.

* * *

Глобальный тренд на перераспределение баланса между западными и незападными странами в трансграничных финансовых потоках проявляется весьма рельефно на пространстве ЦА. Набрав силу еще в 2010-е годы, в условиях резкого обострения межгосударственной конкуренции в последние годы он стал воздействовать в том числе и на ландшафт политических рисков для внешнеэкономической деятельности.

Объясняется это главным образом тем, что в ЦА сконцентрированы усилия и интересы обеих держав, которых западные страны считают сегодня своими главными геополитическими противниками, — России и Китая. В этих условиях западный бизнес, достаточно широко представленный в регионе, закономерно становится всё более чувствителен к такого рода рискам, особенно «легально-правительственного» происхождения.

⁵⁷ Enterprise and Innovation Program (EIP) // GOV.UK. Development Tracker. Foreign, Commonwealth Development Office (FCDO). Available at: <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-COH-1858644-204989/summary> (accessed: 20.05.2025).

⁵⁸ United Kingdom Fund for Asia Regional Trade and Connectivity // Asian Development Bank. Available at: <https://www.adb.org/what-we-do/funds/united-kingdom-fund-asia-regional-trade-connectivity> (accessed: 20.05.2025).

Изменение ландшафта политических рисков в ЦА и необходимость принятия активных мер, призванных защитить свой бизнес от них, осознают так или иначе все крупнейшие западные страны-доноры, руководство которых остается заинтересовано в усилении как политического, так и экономического присутствия в данном регионе. США, Германия и Великобритания в программных документах вполне открыто постулируют негативные последствия влияния России и Китая на региональные дела, в том числе на отдельные факторы политического риска для ведения бизнеса, и обозначают снижение такого влияния в качестве целей помощи. При этом в документах, посвященных ЦА, США, как и на глобальном уровне, фокусируют внимание на противодействии как российскому, так и китайскому влиянию. В политическом дискурсе же европейских доноров главным антагонистом в данный момент выступает Российская Федерация.

В реализации задач митигации рисков западные государства прибегают к различным инструментам. Так, США используют формат В5+1 — форум, направленный на диалог между бизнесом, но не задействуют потенциал страхования политических рисков. Германия же и Великобритания аналогичного формата пока не запустили, но первая применяет инвестиционные гарантии и планирует расширение такой практики. Вместе с тем основную митигационную нагрузку во всех трех случаях несут именно «классические» инструменты СМР. К ним относятся в первую очередь программы совершенствования судебно-правовых систем, противодействия коррупции, помощи в улучшении бизнес-климата, а также в реформатировании энергетической инфраструктуры региона в целях ее замыкания на западные страны. При этом подходы западных доноров к интенсивно развивающимся (богатым ресурсами и традиционно привлекающим большие объемы инвестиций) государствам и наименее развитым странам региона различаются. Эффективность применяемых западными донорами мер, впрочем, неоднозначна и зависит от множества факторов: готовности самих стран ЦА к реформам, способности государств Запада координировать свои действия и др.

Политика западных доноров в сфере СМР, реализуемая в последние годы в целях митигации рисков, исходящих, в их понимании, от РФ и КНР, несомненно, создает значимые риски для российских и китайских компаний. Анализ такого рода рисков и действий

Москвы и Пекина по их минимизации заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. Американская модель страхования инвестиций в развитие от политических рисков: траектория трансформации // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 11 (659). С. 93–110. DOI: 10.31857/S2686673024110069.

2. Бартенев В.И. Влияние международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16. № 5. С. 155–188. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-155-188.

3. Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163.

4. Гарбузарова Е.Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10. № 1. С. 26–36. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-1-26-36.

5. Гарбузарова Е.Г. Страны Центральной Азии в условиях антироссийских санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 3 (37). С. 92–104.

6. Гомбоин З.Э. Официальная помощь КНР развивающимся странам как инструмент защиты инвестиций китайских компаний от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 6. С. 48–58. DOI: 10.31857/S013128120028881-0.

7. Давыдов А.А. О стратегической значимости Центральной Азии для США // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 4 (57). С. 60–77. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-4-60-77.

8. Ермолов М.О. Помощь Центральной Азии: Новая Большая игра. М.: Российский совет по международным делам, 2021.

9. Жансаутова А., Нечаева Е., Казбекова М. Политические риски в обеспечении водной безопасности. Опыт стран Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан) // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21. № 4. С. 27–37.

10. Жильцов С.С. Политика Великобритании в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 2. С. 104–111. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-2-104-111.

11. Захаров А.Н., Рахимзода М.А. Зависимость стран Центральной Азии от зарубежной помощи (на примере Кыргызстана и Таджикистана) // Ми-

ровая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 8. С. 96–104. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-8-96-104.

12. Притчин С.А. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 6. С. 112–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.

13. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Бартенев В.И. Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия: Рабочая тетрадь // *Российский совет по международным делам*. М.: Спецкнига, 2013. Доступ: https://russiancouncil.ru/common/upload/WP_Central_Asia_10_rus.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

14. Сидоров А.А., Силантьева Л.Г., Каштанов А.В. и др. Политика влияния мировых акторов в Центральной Азии, Восточной Европе, на Южном Кавказе и в странах Балтии. М.: Перо, 2023.

15. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / Под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой. М.: ИМЭМО РАН, 2018.

16. Сяотин Г. Да го цзай чжун я ди цюй де фа чжань юань чжу цзи ци чэн сяо [Помощь в целях развития основных стран Центральной Азии и ее последствия] // *Чжань люэ цзюэ цэ янь цзю*. 2021. № 1. С. 77–104. (На кит. яз.)

17. Уткин С.В., Барановский В.Г. Помощь развитию Центральной Азии как внешнеполитический инструмент // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 7. С. 105–114. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-105-114.

18. Фефелов Д.В., Тимошенко Н.Р. Протесты в Каракалпакстане как фактор региональной дестабилизации // *Россия и новые государства Евразии*. 2023. № 2 (59). С. 189–201. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-2-189-201.

19. Чжан Х. Мэй го дуй чжун я ди цюй де минь чжу юань чжу цзи ци сяо го [Демократическая помощь США Центральной Азии и ее влияние] // *Журнал Цзяннаньского социального университета*. 2021. Т. 23. № 3. С. 67–74. (На кит. яз.)

20. Экономика Центральной Азии: новый взгляд. Доклады и рабочие документы 22/3 / Рук. Е.Ю. Винокуров. Алматы; Бишкек; М.: Евразийский банк развития, 2022.

21. Яшлавский А.Э. «Афганский филиал» ИГИЛ как угроза Центральной Азии // *Россия и новые государства Евразии*. 2023. № 3 (60). С. 105–119. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-105-119.

22. Arazmuradov A. Can development aid help promote foreign direct investment? Evidence from Central Asia // *Economic Affairs*. 2015. Vol. 35. No. 1. P. 123–136. DOI: 10.1111/ecaf.12102.

23. Calleja R., Cichocka B., Casadevall Bellés S. How do non-DAC actors cooperate on development? Policy paper 294. Washington, D.C.: Center for

Global Development, 2023. Available at: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/how-do-non-dac-actors-cooperate-development.pdf> (accessed: 20.05.2025).

24. Huterer M., Pepe J.M., Schmitz A. German Central Asia policy after the ‘Zeitenwende’: SWP comment no. 35 // Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs. August 2024. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2024C35_Central_Asia_Policy.pdf (accessed: 20.05.2025).

25. Ismatov A. Do hybrid legal systems matter in foreign legal-aid programmes? Some philosophical aspects of legal aid in Uzbekistan as provided by the donor states // Asian Journal of Law and Society. 2021. Vol. 8. No. 2. P. 351–371. DOI: <https://doi.org/10.1017/als.2020.44>.

26. Junxia L. Investments in the energy sector of Central Asia: Corruption risk and policy implications // Energy Policy. 2019. Vol. 133. P. 1–7. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.110912.

27. Kilichova N. Development aid in Central Asia: A ‘chessboard’ for great powers? // Securitization and democracy in Eurasia: Transformation and development in the OSCE region / Ed. by A. Mihr, P. Sorbello, B. Weiffen. Cham: Springer, 2023. P. 77–94.

28. Lee H. Bilateral aid to Tajikistan; donor tactics and responses to troubled governance // Development Studies Research. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 1–12. DOI: 0.1080/21665095.2024.2309193.

29. Ma H., Sun Zh., Fang Ch. Risk assessment of transnational oil investment in Central Asia using a fuzzy comprehensive evaluation method // Regional Sustainability. 2020. Vol. 1. No. 1. P. 11–19. DOI: 10.1016/j.regsus.2020.06.002.

30. Yildiz T. EU democratic governance promotion towards Central Asia and illiberal regional powers // EU good governance promotion in the age of democratic decline / Ed. by D. Soyaltin-Colella. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 211–235.

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2024. Amerikanskaya model’ strakhovaniya investitsii v razvitie ot politicheskikh riskov: traektoriya transformatsii [The U.S. model of insuring development investments against political risks: Tracking transformative changes]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 11 (659), pp. 93–110. DOI: 10.31857/S2686673024110069. (In Russ.)

2. Bartenev V.I. 2023a. Vliyanie mezhdunarodnoi pomoshchi na politicheskie riski dlya pryamykh inostrannykh investitsii [Foreign aid’s effect on political risks for foreign direct investment: A literature review]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 16, no. 5, pp. 155–188. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-155-188. (In Russ.)

3. Bartenev V.I. 2023b. Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu i politicheskie riski dlya vneshneekonomicheskoi deyatelnosti: logika sopryazheniya tem [International development cooperation and political risks for transnational business: Linking research topics]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163. (In Russ.)

4. Garbuzarova E.G. 2023a. Politika SShA v Tsentral'noi Azii: fazy aktivnosti [U.S. policy in Central Asia: Phases of activity]. *Post-Soviet Issues*, vol. 10, no. 1, pp. 26–36. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-1-26-36. (In Russ.)

5. Garbuzarova E.G. 2023b. Strany Tsentral'noi Azii v usloviyakh antirossiiskikh sanktsii [Central Asian countries in the context of anti-Russian sanctions]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, no. 3 (37), pp. 92–104. (In Russ.)

6. Gomboin Z.E. 2023. Ofitsial'naya pomoshch' KNR razvivayushchimsya stranam kak instrument zashchity investitsii kitaiskikh kompanii ot politicheskikh riskov [The PRC's foreign aid to developing countries as a tool to protect Chinese companies' investments against political risks]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 6, pp. 48–58. DOI: 10.31857/S013128120028881-0. (In Russ.)

7. Davydov A.A. 2022. O strategicheskoi znachimosti Tsentral'noi Azii dlya SShA [On the Central Asia's strategic importance for the USA]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 4 (57), pp. 60–77. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-4-60-77. (In Russ.)

8. Ermolov M.O. 2021. *Pomoshch' Tsentral'noi Azii: Novaya Bol'shaya igra* [Aiding Central Asia: A new Great Game]. Moscow, Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam Publ. (In Russ.)

9. Zhansautova A., Nechaeva E., Kazbekova M. 2018. Politicheskie riski v obespechenii vodnoi bezopasnosti. Opyt stran Tsentral'noi Azii (Kazakhstan, Tadzhikistan, Uzbekistan) [Political risks in ensuring water security. Central Asian states' experience: Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, vol. 21, no. 4, pp. 27–37. (In Russ.)

10. Zhil'tsov S.S. 2024. Politika Velikobritanii v Tsentral'noi Azii [The British policy in Central Asia]. *Post-Soviet Issues*, vol. 11, no. 2, pp. 104–111. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-2-104-111. (In Russ.)

11. Zakharov A.N., Rakhimzoda M.A. 2024. Zavisimost' stran Tsentral'noi Azii ot zarubezhnoi pomoshchi (na primere Kyrgyzstana i Tadzhikistana) [Foreign aid dependency in Central Asia (cases of Kyrgyzstan and Tajikistan)]. *World Economy and International Relations*, vol. 68, no. 8, pp. 96–104. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-8-96-104. (In Russ.)

12. Pritchins S.A. 2022. 'Bol'shaya igra 2.0' v Tsentral'noi Azii na sovremennom etape [The Great Game 2.0 in Central Asia at the present stage]. *World Economy and International Relations*, vol. 66, no. 6, pp. 112–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123. (In Russ.)

13. Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Bartenev V.I. 2013. *Sodeistvie razvitiyu gosudarstv Tsentral'noi Azii: strategicheskie gorizonty rossiiskogo uchastiya: rabochaya tetrad'* [Assisting development in Central Asia: Strategic horizons of Russian engagement: Working paper]. Moscow, Spetskniga Publ. Available at: https://russiancouncil.ru/common/upload/WP_Central_Asia_10_rus.pdf (accessed: 20.05.2025). (In Russ.)

14. Sidorov A.A., Silant'eva L.G., Kashtanov A.V. et al. 2023. *Politika vliyaniya mirovykh aktorov v Tsentral'noi Azii, Vostochnoi Evrope, na Yuzhnom Kavkaze i v stranakh Baltii* [The power politics of global actors in Central Asia, Eastern Europe, the South Caucasus and the Baltic States]. Moscow, Pero Publ. (In Russ.)

15. Baranovskiy V.G., Kvashnin Yu.D., Toganova N.V. (eds.). 2018. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki: zarubezhnyi opyt* [International development assistance as [a] foreign policy tool: Foreign experience]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

16. Syaotin G. 2021. Da go tszai chzhun ya di tsyui de fa chzhan' yuan' chzhu tsi tsi chen syao [Development assistance to the main Central Asian countries and its implications]. *Chzhan' lyue tszue tse yan' tszyu*, no. 1, pp. 77–104. (In Chinese.)

17. Utkin S.V., Baranovskii V.G. 2018. Pomoshch' razvitiyu Tsentral'noi Azii kak vneshnepoliticheskii instrument [Development assistance to Central Asia as a foreign policy instrument]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 7, pp. 105–114. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-105-114. (In Russ.)

18. Fefelov D.V., Timoshenko N.R. 2023. Protesty v Karakalpakstane kak faktor regional'noi destabilizatsii [Protests in Karakalpakstan as a factor of regional destabilization]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 2 (59), pp. 189–201. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-2-189-201. (In Russ.)

19. Chzhan Kh. 2021. Mei go dui chzhun ya di tsyui de min' chzhu yuan' chzhu tsi tsi syao go [U.S. democratic aid to Central Asia and its impact]. *Zhurnal Tszyannan'skogo sotsial'nogo universiteta*, vol. 23, no. 3, pp. 67–74. (In Chinese.)

20. Vinokurov E.Yu. (dir.). 2022. *Ekonomika Tsentral'noi Azii: novyi vzglyad. Doklady i rabochie dokumenty 22/3* [The economy of Central Asia: A new perspective. Reports and working papers 22/3]. Almaty, Bishkek, Moskva, Evraziiskii bank razvitiya Publ. (In Russ.)

21. Yashlavskii A.E. 2023. 'Afganskii filial' IGIL kak ugroza Tsentral'noi Azii [The 'Afghan branch' of ISIS as a threat to Central Asia]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 3 (60), pp. 105–119. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-105-119. (In Russ.)

22. Arazmuradov A. 2015. Can development aid help promote foreign direct investment? Evidence from Central Asia. *Economic Affairs*, vol. 35, no. 1, pp. 123–136. DOI: 10.1111/ecaf.12102.

23. Calleja R., Cichocka B., Casadevall Bellés S. 2023. *How do non-DAC actors cooperate on development? Policy paper 294*. Washington, D.C., Center for Global

Development. Available at: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/how-do-non-dac-actors-cooperate-development.pdf> (accessed: 20.05.2025).

24. Huterer M., Pepe J.M., Schmitz A. 2024. *German Central Asia policy after the 'Zeitenwende': SWP comment no. 35*. Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2024C35_Central_Asia_Policy.pdf (accessed: 20.05.2025).

25. Ismatov A. 2021. Do hybrid legal systems matter in foreign legal-aid programmes? Some philosophical aspects of legal aid in Uzbekistan as provided by the donor states. *Asian Journal of Law and Society*, vol. 8, no. 2, pp. 351–371. DOI: <https://doi.org/10.1017/als.2020.44>.

26. Junxia L. 2019. Investments in the energy sector of Central Asia: Corruption risk and policy implications. *Energy Policy*, vol. 133, pp. 1–7. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.110912.

27. Kilichova N. 2023. Development aid in Central Asia: A 'chessboard' for great powers? In: Mihr A., Sorbello P., Weiffen B. (eds.). *Securitization and democracy in Eurasia: Transformation and development in the OSCE region*. Cham, Springer, pp. 77–94.

28. Lee H. 2024. Bilateral aid to Tajikistan; donor tactics and responses to troubled governance. *Development Studies Research*, vol. 11, no. 1, pp. 1–12. DOI: 0.1080/21665095.2024.2309193.

29. Ma H., Sun Zh., Fang Ch. 2020. Risk assessment of transnational oil investment in Central Asia using a fuzzy comprehensive evaluation method. *Regional Sustainability*, vol. 1, no. 1, pp. 11–19. DOI: 10.1016/j.regsus.2020.06.002.

30. Yildiz T. 2022. EU democratic governance promotion towards Central Asia and illiberal regional powers. In: Soyaltin-Colella D. (ed.). *EU good governance promotion in the age of democratic decline*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 211–235.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024;
одобрена после рецензирования 16.11.2024;
принята к публикации 05.12.2024

The paper was submitted 05.10.2024;
approved after reviewing 16.11.2024;
accepted for publication 05.12.2024

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-208-216

Рецензия / Book review

А.В. Белинский

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В БЕЗДНУ

Рецензия на монографию Р. Овери «Почему война?»

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук»
117418, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21*

Уже давно ученые пытаются найти ответ на вопрос о причинах насилия и конфликтов в отношениях между людьми и сообществами. Одной из последних таких попыток стала опубликованная в 2024 г. работа британского историка Р.Дж. Овери с характерным названием «Почему война?», которой и посвящена настоящая рецензия. Опираясь на междисциплинарный подход, автор анализирует широкий спектр предпосылок, обуславливающих войны, — от биологических факторов и психологических особенностей принятия индивидуальных и групповых решений до стремления к доминированию и контролю над ресурсами. Р.Дж. Овери делает вывод, что ни один из этих факторов не стоит абсолютизировать; скорее следует говорить о сложной комбинации различных социально-экономических, политических, психологических и иных причин, подталкивающих государство к ведению войн. Рецензент заключает, что, хотя монография и не лишена ряда недостатков, связанных, в частности, с некоторой поверхностностью рассуждений автора в разделах, затрагивающих проблематику естественных наук, ее можно рекомендовать политологам, историкам и экспертам-международникам в качестве отправной точки для дальнейшего, более глубокого исследования этой, к сожалению, по-прежнему актуальной темы.

Ключевые слова: война, международный конфликт, культура насилия, психология масс, природа человека, теория «ресурсного проклятия»

* *Белинский Андрей Викторович* — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) (e-mail: belinskii_andrei@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2825-403X).

** Overy R.J. *Why war?* London: Penguin Random House, 2024.

Для цитирования: Белинский А.В. Вглядываясь в бездну. Рецензия на монографию Р. Овери «Почему война?» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 2. С. 208–216. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-208-216.

Andrei V. Belinsky

PEERING INTO THE ABYSS

Book review of ‘Why war?’ by R. Overy

*Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovskii pr., Moscow, 117418*

For a long time, scientists have been trying to find the root causes of violence and conflicts in the relations between people and communities. The book under review ‘Why war?’ by the British historian R.J. Overy, published in 2024, also delves into these questions. Building on an interdisciplinary approach, the author examines possible prerequisites for war, ranging from biological factors and psychological aspects of individual and group decision-making to the aspiration for dominance and control over resources. R.J. Overy concludes that none of these factors should be overstated; rather, there is a complex combination of various socio-economic, political, psychological, and other reasons that create incentives for states to wage wars. The reviewer concludes that although the monograph has a number of shortcomings, related in particular to the somewhat superficial manner of the author’s reasoning regarding the problems of natural sciences, it can be recommended to political scientists, historians, and international experts as a starting point for further, more profound study of this, unfortunately, still relevant topic.

Keywords: war, international conflict, culture of violence, mass psychology, human nature, ‘resource curse’ theory

About the author: *Andrei V. Belinsky* — PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Department of European & American Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (e-mail: belinskii_andrei@mail.ru; ORCID: 0000-003-2825-403X).

For citation: Belinsky A.V. 2025. Peering into the abyss. Book review of ‘Why war?’ by R. Overy. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 208–216. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-2-208-216. (In Russ.)

Война и насилие... Кажется, с момента зарождения человечества и вплоть до сегодняшних дней, наполненных тревожными новостями с Ближнего Востока, Украины, Африки, они неотступной тенью следуют за нами. И на протяжении всего этого времени лучшие умы человечества — философы, политики, дипломаты — пытались постичь природу войн и вооруженных конфликтов. Отсылки к религии, освещавшей крестовые походы и войны против «неверных», под грохот пушек эпохи Людовика XIII и Ришелье сменились рассуждениями о «raison d'État» (фр.)¹, которые в свою очередь были дополнены социально-экономическими выкладками классиков марксизма и их последователей. А в конце XIX — начале XX в. на авансцену вышли различные школы геополитики (Ф. Ратцель, А. Мэхэн, Р. Челлен и др.), представители которых видели корень столкновений между державами в географическом детерминизме. Однако в конечном счете ни одна из указанных теорий так и не дала окончательный ответ на вопрос, почему человечество предпочитает мирному труду и экономическому процветанию разрушительные войны. Безусловно, и отечественная, и зарубежная наука достаточно далеко продвинулась в изучении войн и военных конфликтов. Свой вклад в исследование данной проблематики внесли и ведущие российские ученые-международники². Что касается западной науки, то следует отметить сыскавшие широкую популярность работы «История войны» Дж. Кигана³ и «Война! Для чего она нужна?» Я. Морриса⁴. Вместе с тем, несмотря на обилие исследований, посвященных войнам в мировой истории, ответ на вопрос об их причинах остается открытым.

Именно поиску ответа на этот по-прежнему животрепещущий вопрос посвятил свою книгу «Почему война?» британский историк Р.Дж. Овери (Эксетерский университет), автор ряда книг по истории Второй мировой войны⁵. Уже название работы является отсылкой

¹ Государственные интересы.

² См., например: Тимофеев И.Н. Асинхронная многополярность: векторы развития и параметры управления: Сборник статей. М.: НП РСМД, 2025.

³ Keegan J. A history of warfare. New York: Alfred A. Knopf, 1993.

⁴ Моррис Я. Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации — от приматов до роботов. М.: Кучково поле, 2016.

⁵ В частности, его перу принадлежат такие работы, как «Война в воздухе, 1939–1945», «Истоки Второй мировой войны». Overy R.J. The air war, 1939–1945. Washington, D.C.: Potomac Books, Inc., 2005; Idem. The origins of the Second World War. London; New York: Longman, 1987.

к известному письму австрийского психоаналитика З. Фрейда физику А. Эйнштейну⁶, что должно символизировать определенный континуитет в дискуссии о природе войн.

В своей работе Р.Дж. Овери рассматривает войну как сложный социальный феномен через призму различных факторов. Первую часть своего труда британский исследователь посвятил изучению биологических, антропологических и экологических предпосылок военных конфликтов. Во второй части Р.Дж. Овери затронул роль ресурсов, безопасности и власти в возникновении войн. Подобная методология исследования позволяет, с одной стороны, выйти из узкой «траншеи» одной теории, которая накладывает отпечаток даже на самые фундаментальные исследования в области политологии и международных отношений, а с другой — выделить фактор или группу факторов, способствующих возникновению войн. При этом богатый исторический материал, который автор использовал в своей работе, безусловно, должен был помочь в осмыслении природы войны.

Говоря о роли биологии, Р.Дж. Овери стремится дать ответ на достаточно сложный вопрос о том, существует ли прямая корреляция между биологическими факторами, в первую очередь борьбой видов за выживание, и военными действиями одного государства против другого. Еще в середине — конце XIX в., когда теория Ч. Дарвина произвела настоящую революцию в естественных науках, многие представители политических кругов, СМИ и даже гуманитарных и общественных наук стали экстраполировать полученные английским биологом-натуралистом выводы на общество. «Этология⁷ предложила новый биологический подход к пониманию человеческой войны, хотя эта дисциплина, как и эволюционная биология, в первую очередь занималась пониманием животных, а не людей»

⁶ В 1932 г. А. Эйнштейн, являвшийся на тот момент активным участником антивоенного движения в Европе, обратился к З. Фрейду с просьбой ответить на вопрос, почему человечество ведет войны. Ответом на эту просьбу стало письмо-памфлет «Почему война?» психоаналитика, переведенное на несколько языков. По мнению З. Фрейда, причина военных конфликтов кроется в природной агрессии человека, стремлении к доминированию и т. д. Подобный ответ явно не устроил А. Эйнштейна, и дискуссия о природе войн продолжилась и в последующие годы. См. подробнее: Einstein A., Freud S. Warum Krieg? Paris: Internationales Institut für geistige Zusammenarbeit, 1933.

⁷ Этология (от греч. *ethos* — «нрав, обычай») — наука, исследующая поведение животных.

(р. 26), — отмечает Р.Дж. Овери. Как известно, идея конкуренции и непреодолимых различий между народами впоследствии стала обоснованием экспансионизма, колониальных захватов, а в «коротком» XX столетии — одним из истоков фашизма. Известным апологетом социал-дарвинизма стал британский антрополог А. Кит (1866–1955), чьи взгляды оказали определенное влияние на общество. «Военные действия, утверждал А. Кит, выступали природным феноменом, созданным для того, чтобы биологически лучшие виды выжили и размножились» (р. 22). Хотя сам Р.Дж. Овери и не отрицает полностью значение биологического фактора, он призывает не абсолютизировать его как основную причину войн. При этом он ссылается на мнение ряда авторитетных ученых-биологов, таких как Дж. Хаксли и палеонтолог С.Д. Гулд, которые выступали против социал-дарвинизма и переноса учения Ч. Дарвина на сферу общественных отношений.

Наряду с биологическими причинами возникновения войн большое внимание на страницах книги уделено психологическим аспектам конфликтов, которые в научном мире стали обсуждать еще в 1920–1930-х годах. Так, Дж.Р. Овери обращается к наследию З. Фрейда, который усматривал причину конфликтов в первую очередь в психологии людей. «Вся история, — писал он, — представляет доказательства этого тлеющего военного вулкана». З. Фрейд в «Мыслях о времени войны и смерти»⁸, написанных в 1915 г., разделял точку зрения Дж. Фолдел-Филлипа⁹ о том, что глубоко внутри людей находятся «первичные импульсы» к насилию. Он развил эту идею после Первой мировой войны в работе «По ту сторону принципа удовольствия»¹⁰, в которой впервые подробно изложил свое представление о том, что вся органическая материя стремится вернуться в неорганическое состояние, противопоставляя принцип удовольствия тому, что он называл влечением к смерти (р. 46).

Действительно, история знает немало примеров того, как особенности психологии масс или политических лидеров приводили к возникновению войн. Первый крестовый поход (1096–1099), вероятно, не был бы возможен без той экзальтации, которая охватила

⁸ См. подробнее: Freud S. Zeitgemäßes über Krieg und Tod. Leipzig: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924.

⁹ Сэр Джордж Фолдел-Филлипс (1840–1922) — мэр Лондона.

¹⁰ См. подробнее: Freud S. Jenseits des Lustprinzips. Leipzig: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

население Франции, Германии и других западноевропейских стран после проповеди папы Урбана II, а страхи и фобии стоявших во главе великих держав политических элит привели к тому, что июльский кризис 1914 г. перерос в пожар Великой войны.

Однако, как и в случае с биологическими факторами, британский историк проявляет видимую сдержанность в оценке роли психологических предпосылок возникновения военных конфликтов. При этом, очевидно стремясь придерживаться научной объективности, Р.Дж. Овери старается ссылаться на мнение признанных специалистов в данной области, в том числе и самого отца психоанализа. «Тем не менее Фрейд опасался применять это понимание к анализу группы, а не отдельного человека...» (р. 46). Сам Р.Дж. Овери полагает, что психологические факторы могут сыграть существенную роль в развязывании войны, но только вместе с другими факторами — политическими, экономическими, идеологическими.

В третьей главе своего исследования автор поднимает вопрос о значении культуры и других социальных норм в возникновении конфликтов и войн. Опираясь на различные исследования антропологов (Р. Бенедикт, М. Мид), Р.Дж. Овери наглядно показывает, что доминирующая в обществе культура определяет различное отношение народов к войне. В частности, он ссылается на американского антрополога М. Мид¹¹, которая писала: «Военные действия практически неизвестны среди мужчин и женщин, которые были по натуре кроткими, отзывчивыми и неагрессивными» (р. 80).

Развивая теорию М. Мид, британский историк на страницах своей работы изучает концепцию «культуры войны» и то, какое влияние сложившиеся в обществе социальные нормы могут оказывать на возникновение войн и вооруженных конфликтов. Параллельно с этим он также уделяет внимание культурам, в которых насилие либо в целом осуждается, либо рассматривается как исключительно средство самообороны. Вместе с тем он подчеркивает, что культура (как и экономика, политическая система или социальная структура) является динамичным, а не статичным фактором и меняется со временем. К тому же любая культура наряду с элементами конку-

¹¹ М. Мид (1901–1978) — американский антрополог и этнолог, автор работ «Культура и мир детства» (1988), «Культура и приверженность: исследование разрыва между поколениями» (1970), «Сотрудничество и конкуренция у первобытных народов» (1937) и др.

ренции и противостояния «чужим» содержит компоненты, которые способствуют сотрудничеству различных народов.

К аналогичным выводам Р.Дж. Овери приходит и при анализе влияния климатических изменений на доступность ресурсов и порожденную этими изменениями военную экспансию народов и государств. «Например, массовое извержение вулкана Илопанго в Центральной Америке, согласно одному из рассказов современников, в 536 году н.э. вызвало в Старом Свете “солнечное затмение”, сопровождавшееся “эпидемией и войной”. Более известный нам взрыв вулкана Тамбора на территории современной Индонезии в 1815 году вызвал “год без лета”, массовый неурожай и бурные протесты по всей Европе»¹² (р. 111). Вместе с тем, как и в предыдущих главах, Р.Дж. Овери подчеркивает, что одних экологических предпосылок явно недостаточно для возникновения вооруженных конфликтов; они в той или иной степени взаимодействуют с экономикой, политикой, идеологией и т. д.

Вторая часть исследования посвящена таким потенциальным факторам начала войн и вооруженных конфликтов, как ресурсы, религия, борьба за власть и обеспечение безопасности. Опираясь на многочисленные примеры из истории, Р.Дж. Овери наглядно иллюстрирует тезис о том, что борьба за ресурсы ведется ради обеспечения экономического развития страны и часто выступает катализатором войн. Примечательно, что в исследовании не была обойдена разработанная экономистами Р. Аути, Дж. Саксом и Э. Уорнером¹³ теория «ресурсного проклятия», согласно которой обладающие большими природными богатствами (нефть, газ, алмазы и т. д.) страны нередко подвержены высокому риску гражданской войны или военной агрессии со стороны других государств.

Большое значение в исследовании Р.Дж. Овери уделяет роли религии и идеологии в возникновении вооруженных конфликтов.

¹²Здесь вполне уместно вспомнить засуху в 430–450 гг. н.э., которая серьезно сократила пастбищные угодья в Венгрии, где в то время кочевали гунны. Для того чтобы прокормиться, они начали атаковать римские провинции, что в свою очередь создало серьезную угрозу для других народов.

¹³См. подробнее: Sachs J.D., Warner A.M. Natural resource abundance and economic growth. Working paper 5398. Cambridge: National Bureau of Economic Research, 1995. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w5398/w5398.pdf (accessed: 20.06.2025); Auty R.M. Sustaining development in mineral economies: The resource curse thesis. London: Routledge, 1993.

История человечества знает немало примеров, когда религиозные войны (крестовые походы, борьба католиков и протестантов), идеологические противостояния (борьба коммунизма и либеральной демократии против фашизма), национализм (Первая мировая война) становились причиной масштабного кровопролития, унесшего миллионы жизней. Р.Дж. Овери показывает, как религия или политическая идеология в руках политической элиты становилась средством мобилизации населения, создания образа врага и т. д. При этом он подчеркивает, что религия может быть зачастую использована как средство прикрытия реальных политических, экономических и иных мотивов. «Британский историк К. Хилл в 1980-х годах выступал против идеи о том, что гражданская война в Англии была по своей сути религиозной войной. Вместо этого он отдавал предпочтение экономическим и конституционным объяснениям, как это делали и другие историки: “Религия”, — утверждал он, — “не была сама по себе основополагающим фактором”, а являлась всего лишь удобным предлогом для буржуазии, для того чтобы замаскировать свои истинные политические и социальные амбиции» (р. 177). Кроме того, нельзя не учитывать, что за исключением Ближнего Востока, ряда государств Азии и Африки религиозный фактор уже не имеет такого большого значения, как это было несколько столетий назад.

Последние две главы рецензируемого издания посвящены таким важным аспектам, как власть и безопасность. Для Р.Дж. Овери борьба за власть и гегемонию, в том числе ради обеспечения безопасности, представляет собой одну из ключевых причин возникновения войн, которая красной нитью тянется через историю человечества, начиная с древних государств. «В период своего расцвета ассирийское государство было самой могущественной из когда-либо созданных империй, но на ее северной границе, на территории современных Ирака и Турции, существовала постоянная угроза со стороны царства Урарту. В то время границы не были так же фиксированы, как сейчас, однако ассирийцы создали пограничную зону, чтобы не допустить проникновения людей, которых они воспринимали как варваров» (р. 247).

В заключении Р. Овери приходит к справедливому выводу, что ни один из названных факторов сам по себе не является основной причиной войн (р. 274). В своей работе британский исследователь предлагает комплексное понимание природы этого явления. Отвергая упрощенные объяснения, которые подчас сводят войну к од-

ному фактору, он подчеркивает важность учета самых различных причин, начиная с социально-экономических противоречий между государствами и заканчивая непредвиденными обстоятельствами и особенностями психологии политических лидеров.

Безусловными достоинствами книги являются ее междисциплинарность и добросовестность автора, взявшего на себя непростую задачу проанализировать возможные причины возникновения войн. Вместе с тем проведенное исследование не свободно от ряда недостатков. В частности, первая часть работы носит скорее обзорный и более поверхностный, по сравнению со второй частью, характер. Во многом это обусловлено тем, что Р.Дж. Овери не является специалистом в естественных науках. Вероятно, именно этим объясняется его стремление опереться на авторитетных исследователей в области антропологии, психологии, биологии. Кроме того, в целом работа не носит прорывной характер, а представляет собой скорее попытку осмыслить уже накопленный различными областями науки опыт. Однако, несмотря на эти замечания, книга «Почему война?» может быть рекомендована политологам, историкам, международникам в качестве труда, позволяющего составить целостное представление о причинах войн. Она также может стать фундаментом для дальнейшего более глубокого исследования этой, к сожалению, по-прежнему актуальной темы.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025;
одобрена после рецензирования 03.07.2025;
принята к публикации 17.07.2025

The paper was submitted 30.06.2025;
approved after reviewing 03.07.2025;
accepted for publication 17.07.2025